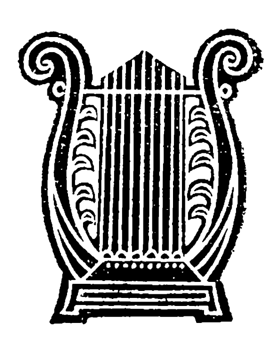

HORA TIVS

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1970

БИБЛИОТЕКА • АНТИЧНОЙ • ЛИТЕРАТУРЫ
РИМ

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

ОДЫ
ЭПОДЫ
САТИРЫ
ПОСЛАНИЯ

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО

Издание осуществляется под общей редакцией
С. Апта, М. Грабарь-Пассек,
Ф. Петровского, А. Тахо-Годи
и С. Шервинского

Редакция переводов,
вступительная статья и комментарии
М. ГАСПАРОВА

Художник
В. СУРИКОВ

7—4—4
150—69

ПОЭЗИЯ ГОРАЦИЯ

1

Имя Горация — одно из самых популярных среди имен писателей древности. Даже те, кто никогда не читал ни одной его строчки, обычно знакомы с этим именем. Хотя бы по русской классической поэзии, где Гораций был частым гостем. Недаром Пушкин в одном из первых своих стихотворений перечисляет его среди своих любимых поэтов: «Питомцы юных Граций, с Державиным потом чувствительный Гораций является вдвоем...» — а в одном из последних стихотворений ставит его слова — начальные слова оды III, 30 — эпиграфом к собственным строкам на знаменитую горациевскую тему: «Exegi monumentum. Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Но если читатель, плененный тем образом «питомца юных Граций», какой рисуется в русской поэзии, возьмет в руки стихи самого Горация в русских переводах, его ждет неожиданность, а может быть, и разочарование.

Неровные строчки, без рифм, с трудно уловимым переменчивым ритмом. Длинные фразы, перекидывающиеся из строчки в строчку, начинающиеся второстепенными словами и лишь медленно и с трудом добирающиеся до подлежащего и сказуемого. Странная расстановка слов, естественный порядок которых, словно нарочно, сбит и перемешан. Великое множество имен и названий, звучных, но малопонятных и, главное, совсем,

по-видимому, не идущих к теме. Странный ход мысли, при котором сплошь и рядом к концу стихотворения поэт словно забывает то, что было вначале, и говорит совсем о другом. А когда сквозь все эти препятствия читателю удается уловить главную идею того или другого стихотворения, то идея эта оказывается разочаровывающе банальной: «Наслаждайся жизнью и не гадай о будущем», «Душевный покой дороже богатства» и т. п. Вот в каком виде раскрывается поэзия Горация перед неопытным читателем.

Если после этого удивленный читатель, стараясь понять, почему же Гораций пользуется славой великого поэта, попытается заглянуть в толстые книги по истории древней римской литературы, то и здесь он вряд ли найдет ответ на свои сомнения. Здесь он прочитает, что Гораций родился в 65 году до н. э. и умер в 8 году до н. э.; что это время его жизни совпадает с важнейшим переломом в истории Рима — падением республики и установлением империи; что в молодости Гораций был республиканцем и сражался в войсках Брута, последнего поборника республики, но после поражения Брута перешел на сторону Октавиана Августа, первого римского императора, стал близким другом пресловутого Мецената — руководителя «идеологической политики» Августа, получил в подарок от Мецената маленькое имение среди Апеннин и с тех пор до конца дней прославлял мир и счастье римского государства под благодетельной властью Августа: в таких-то одах прославлял так-то, а в таких-то одах так-то. Все это — сведения очень важные, но ничуть не объясняющие, почему Гораций был великим поэтом. Скорее, наоборот, они складываются в малопривлекательный образ поэта-ренегата и царского льстеца.

И все-таки Гораций был гениальным поэтом, и лучшие писатели Европы не ошибались, прославляя его в течение двух тысяч лет как величайшего лирика Европы. Однако «гениальный» — не значит: простой и легкий для всех. Гениальность Горация — в безошибочном, совершенном мастерстве, с которым он владеет сложнейшей, изощреннейшей поэтической техникой античного искусства — такой сложной, такой изощренной, от которой современный читатель давно отвык. Поэтому, чтобы по-должному понять и оценить Горация, читатель должен прежде всего освоиться с приемами его поэтической техники,

с тем, что античность называла «наука поэзии». Только тогда перестанут нас смущать трудные ритмы, необычные расстановки слов, звучные имена, прихотливые изгибы мысли. Они станут не препятствиями на пути к смыслу поэзии Горация, а подспорьями на этом пути.

Вот почему это краткое введение в поэзию Горация мы начнем не с эпохи, не с тем и идей, а с противоположного конца — с метрики, стиля, образного строя, композиции стихотворений поэта, чтобы от них потом взойти и к темам, и к идеям, и к эпохе.

2

Стих Горация действительно звучит непривычно. Не потому, что в нем нет рифмы (античность вообще не знала рифмы; она появилась в европейской поэзии лишь в средние века),— рифмы нет и в «Гамлете», и в «Борисе Годунове», и наш слух с этим легко мирится. Стих Горация труден потому, что строфы в нем составляются из стихов разного ритма (вернее сказать, даже разного метра): повторяющейся метрической единицей в них является не строка, а строфа. Такие разнометрические строфы могут быть очень разнообразны, и Гораций пользуется их разнообразием очень широко: в его одах и эподах употребляется двадцать различных видов строф. Восхищенные современники называли поэта: «обильный размерами Гораций».

Полный перечень всех двадцати строф, какими пользовался Гораций, со схемами и образцами, обычно прилагается в конце всякого издания стихов Горация. Читатель найдет такой перечень и в нашем издании. Но все эти схемы и примеры будут для него бесполезны, если он не уловит в них за сеткой долгих и кратких, ударных и безударных слогов того живого движения голоса, той гармонической уравновешенности восходящего и нисходящего ритма, которая определяет мелодический облик каждого размера. Конечно, при передаче на русском языке, не знающем долгих и кратких слогов, горациевский ритм становится гораздо беднее и проще, чем в латинском подлиннике. Но и в русском переложении главные признаки ритма отдельных строф можно почувствовать непосредственно, на слух.

Вот «первая асклепиадова строфа» — размер, выбранный Горацием для первого и последнего стихотворений своего сборника од (I, 1 и III, 30):

Славный вну́к, Мецена́т, пра́отцев ца́рственных,
О отра́да моя́, че́сть и прибе́жище!
Есть таки́е, кому́ вы́сшее сча́стие —
Пыль аре́ны взмета́ть в бе́ге уве́ртливом...

В первом полустишии каждого стиха здесь — восходящий ритм, движение голоса от безударных слогов к ударным:

Славный вну́к, Мецена́т...
О отра́да моя́...

Затем — цезура, мгновенная остановка голоса на стыке двух полустиший; а затем — второе полустишие, и в нем — нисходящий ритм, движение голоса от ударных слогов к безударным:

...пра́отцев ца́рственных
...че́сть и прибе́жище!

Каждый стих строго симметричен, ударные и безударные слоги располагаются с зеркальным тождеством по обе стороны цезуры, восходящий ритм уравновешивается нисходящим ритмом, за приливом следует отлив.

Вот «алкеева строфа» — любимый размер Горация:

Конча́йте ссо́ру! Тя́жкими ку́бками
Пуска́й деру́тся в ва́рварской Фра́кии!
Они́ даны́ на ра́дость лю́дям —
Ва́кх ненави́дит раздо́р крова́вый!

Здесь тоже восходящий ритм уравновешивается нисходящим, но уже более сложным образом. Первые два стиха звучат одинаково. В первом полустишии — восходящий ритм:

Конча́йте ссо́ру!..
Пуска́й деру́тся...—

во втором — нисходящий:

...тя́жкими ку́бками
...в ва́рварской Фра́кии!

Третий стих целиком выдержан в восходящем ритме:

Они́ даны́ на ра́дость лю́дям...

а четвертый — целиком в нисходящем ритме:

Ва́кх ненави́дит раздо́р крова́вый!

Таким образом, здесь на протяжении строфы прокатываются три ритмические волны: две — слабые (полустишие — прилив, полустишие — отлив) и одна — сильная (стих — прилив, стих — отлив). Строфа звучит менее мерно и величественно, чем «асклепиадова», но более напряженно и гибко.

Вот «сапфическая строфа», следующая, после алкеевой, по частоте употребления у Горация:

Вдосталь снега слал и зловещим градом
Землю бил Отец и смутил весь город,
Ринув в кремль святой грозовые стрелы
Огненной дланью.

И здесь восходящий и нисходящий ритмы чередуются, но в обратном порядке: в первом полустишии ритм нисходящий («Вдóсталь снéга слáл...»), во втором — восходящий («...и зловéщим грáдом»). Так — в первых трех стихах; а четвертый стих — короткий, заключительный, и ритм в нем — только нисходящий («Óгненной длáнью»). Таким образом, здесь строгого равновесия ритма уже нет, нисходящий ритм преобладает над восходящим, и строфа звучит спокойно и важно.

А вот противоположный случай: восходящий ритм преобладает над нисходящим. Это «третья асклепиадова строфа»:

Пой Диане хвалу, нежный хор девичий,
Вы же пойте хвалу Кинфию, юноши,
И Латоне, любезной
Всеблагому Юпитеру!..

Первые два стиха повторяют ритм уже знакомых нам строк «Славный муж, Меценат...»: полустишие восходящее, полустишие нисходящее. А затем следуют два коротких стиха, оба — с восходящим ритмом; ими заканчивается строфа, и звучит она взволнованно и живо.

Нет надобности разбирать подобным образом все горациевские строфы: каждый читатель, хоть немного обладающий чувством ритма, сам расслышит их гармоническое звучание и сам привыкнет улавливать его в читаемых стихах. И тогда перед ним раскроются многие черточки искусства Горация, незаметные с первого взгляда. Он поймет, почему Гораций разделил свои стихотворения на «оды», написанные четверостишными строфами, и «эподы», написанные двустишными строфами

(само слово «ода» означает по гречески «песня», а «эподы» — «припевки»). Он оценит умение, с каким Гораций чередует стихотворения разных размеров, чтобы не прискучивал ритм одних и тех же строф. Он заметит, что первая книга од открывается своеобразным «парадом размеров»,— девять стихотворений девятью разными размерами! — а третья книга, наоборот, монолитным циклом шести «римских од», единых не только по содержанию, но и по ритму — все они написаны алкеевой строфой. Он почувствует, что не случайно Гораций, издавая отдельным сборником три первые книги од, объединил общим размером первую оду первой книги (посвящение Меценату) и последнюю оду последней книги (обращение к Музе — знаменитый «Памятник»), а когда через десять лет ему пришлось добавить к этим трем книгам еще четвертую, то новую оду, написанную этим размером, он поместил в ней в самой середине. А если при этом вспомнить, что до Горация все эти сложные размеры, изобретенные греческими лириками, были в Риме почти неизвестны — дальше грубых проб дело не шло,— то не придется удивляться, что именно здесь видит Гораций свою высшую заслугу перед римской поэзией и именно об этом говорит в своем «Памятнике»:

Первым я приобщил песню Эолии
К италийским стихам...

Ритм горациевских строф — это как бы музыкальный фон поэзии Горация. А на этом фоне развертывается чеканный узор горациевских фраз.

3

Язык и стиль — та область поэзии, о которой менее всего возможно судить по переводу. А сказать о них необходимо, и особенно необходимо, когда речь идет о стихах Горация.

Есть выражение: «Поэзия — это гимнастика языка». Это значит: как гимнастика служит для гармонического развития всей мускулатуры тела, а не только тех немногих мускулов, которые нужны нам для нашей повседневной работы, так и поэзия дает народному языку возможность развить и использовать все заложенные в нем выразительные средства, а не ограничиваться простейшими, разговорными, первыми попав-

шимися. Разные литературные эпохи, направления, стили — это разные системы гимнастики языка. И система Горация среди них может быть безоговорочно названа совершеннейшей, совершеннейшей по полноте охвата языкового организма. Один старый московский профессор-латинист говорил, что он мог бы изучить со студентами всю латинскую грамматику по одному Горацию: нет таких тонкостей в латинском языке, на которые у Горация бы не нашлось великолепного примера.

Именно эта особенность языка и стиля Горация доставляет больше всего мучений переводчикам. Ведь не у всех языков одинаковая мускулатура, не ко всем применима полностью горациевская система гимнастики. Как быть, если весь художественный эффект горациевского отрывка заключен в таких грамматических оборотах, которых в русском языке нет? Например, по-латыни можно сказать не только «дети, которые хуже, чем отцы», но и «дети, худшие, чем отцы», и даже «дети, худшие отцов»; по-русски это звучит очень тяжело. По-латыни можно сказать не только «породивший» или «порождающий», но и в будущем времени: «породящий»; по-русски это вовсе невозможно. У Горация цикл «римских од» кончается знаменитой фразой о вырождении римского народа; вот ее дословный перевод: «Поколение отцов, худшее дедовского, породило порочнейших нас, породящих стократ негоднейшее потомство». По-латыни это великолепная по сжатости и силе фраза, по-русски — безграмотное косноязычие. Конечно, переводчики умеют обходить эти трудности; в этой книге, в концовке оды III, 6, читатель увидит, как передал эту фразу русский стихотворец: смысл тот же, нарастание впечатления то же, но величавая плавность оригинала безвозвратно потеряна. Переводчик не виноват: этого требовал русский язык.

К счастью, есть, по крайней мере, некоторые средства, которыми русский язык позволяет переводу достичь большей близости к латинскому оригиналу, чем другие языки. И прежде всего это — расстановка слов, та самая, которая так смущала неопытного читателя. В латинском языке расстановка слов в предложении — свободная, в английском или французском — строго определенная, поэтому при переводе на эти языки все горациевские фразы перестраиваются по одному образцу и теряют всякое сходство с подлинником. А в русском языке рас-

становка слов тоже свободная, и русские поэты умели блестяще этим пользоваться. Вспомним, как у Пушкина в «Цыганах» кончается рассказ старика об Овидии:

...И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости!

Это значит: «его кости — гости сей чуждой земли, не успокоенные и смертью». Расстановка слов — необычная и не сразу понятная, но слуха она не раздражает, потому что в русском языке она все же допустима. Конечно, употребляется такой прием редко. Но не случайно, что у Пушкина эта вольность в расположении слов появляется как раз в рассказе о латинском поэте. Потому что в латинской поэзии такое прихотливое переплетение слов — не редкость, а обычное явление, не исключение, а правило. Представьте себе не две строчки, а целое стихотворение, целую книгу стихотворений, целое собрание сочинений, написанное такими изощренными фразами, как «И смертью чуждой сей земли не успокоенные гости»,— и вы представите себе поэзию Горация.

Что же дает поэтическому языку такая затрудненная расстановка слов? На этот вопрос можно ответить одним словом: напряженность. Как воспринимает наш слух пушкинскую фразу? Услышав, что после слова «кости» фраза не кончена, мы напряженно ждем того слова, которое свяжет предыдущие слова с дальнейшими, и не успокаиваемся, пока не услышим в конце фразы долгожданного слова «гости»; услышав слово «смертью», мы ждем того слова, от которого оно зависит, и не успокаиваемся, пока не услышим слов «не успокоенные». И пока в нас живо это ожидание, это напряжение, мы с особенным, обостренным вниманием вслушиваемся в каждое промежуточное слово: не оно ли наконец замкнет оборванное словосочетание и утолит наше чувство языковой гармонии? А как раз такое обостренное внимание и нужно от нас поэту, который хочет, чтобы каждое его слово не просто воспринималось, а жадно ловилось и глубоко переживалось. И Гораций умеет поддержать в нас это напряжение от начала до конца стихотворения: не успеет замкнуться одно словосочетание, как чита-

теля уже держит в плену другое. А когда замкнутое словосочетание слишком коротко и напряжению, казалось бы, неоткуда возникнуть, Гораций разрубает словосочетание паузой между двумя стихами, и читатель опять в ожидании: стих окончен, а фраза не окончена, что же дальше?

Вот почему так важна в стихах Горация вольная расстановка слов; вот почему русские переводчики не могут отказаться от нее с такой же легкостью, как отказываются от причастий «пройдущий», «породящий» (среди них старательнее всех сохранял ее Брюсов); вот почему то и дело русский Гораций дразнит слух своего читателя такими напряженными фразами, как, например, в оде к Вакху (II, 19):

Дано мне петь вакханок неистовство,
Вино и млеко реки струящие
В широких берегах, и меда
Капли, сочащиеся из дупел.

Дано к созвездьям славу причтенную
Жены блаженной петь, и Пенфеевых
Чертогов рушимые кровли,
И эдонийского казнь Ликурга...

Но если напряженность фразы нужна поэту для того, чтобы добиться обостренного внимания читателя к слову, то обостренное внимание к слову нужно читателю для того, чтобы ярче и ощутимее представить себе образы читаемого произведения. Ибо слово лепит образ, а из образов складывается внутренний мир поэзии. В этот мир образов поэзии Горация мы и должны сейчас вступить.

4

Первое, что привлекает внимание при взгляде на образы стихов Горация,— это их удивительная вещественность, конкретность, наглядность.

Вот перед нами опять самая первая ода Горация — «Славный внук, Меценат...». Поэт быстро перебирает вереницу людских увлечений — спорт, политика, земледелие, торговля, безделье, война, охота,— чтобы назвать наконец свое собственное: поэзию. Как представляет он нам первое из этих увлечений? «Есть такие, кому высшее счастие — пыль арены взметать в

беге увертливом раскаленных колес...» Три образа, три кадра: пыль арены (в подлиннике точнее: «олимпийской арены»), увертливый бег, раскаленные колеса. Каждый — предельно содержателен и точен: олимпийская пыль — потому, что не было победы славней для античного человека, чем победа на Олимпийских играх; увертливый бег — потому, что главным моментом скачек было огибание «меты», поворотного столба, вокруг которого надо было пройти вплотную, но не задев; раскаленные колеса — потому, что от стремительной скачки разогревается и дымится ось. Каждый новый кадр — более крупным планом: сперва весь стадион в клубах пыли, потом поворотный столб, у которого выносится вперед победитель, потом — бешено вращающиеся колеса его колесницы. И так вся картина скачек прошла перед нами — только в семи словах и полутора строчках.

Из таких мгновенных кадров, зримых и слышимых, слагает Гораций свои стихи. Он хочет показать войну — и вот перед нами рев рогов перед боем, отклик труб, блеск оружия, колеблющийся строй коней, ослепленные лица всадников, и все это — в четырех строчках (II, 1). «Жуткая вещественность»,— сказал о горациевской образности Гете. Поэт хочет показать гордую простоту патриархального быта — и пишет, как в доме «блестит на столе солонка отчая одна» (II, 16). Он хочет сказать, что стихи его будут жить, пока стоит Рим,— и пишет: «Пока на Капитолий всходит верховный жрец с безмолвной девой-весталкой» (III, 30) — картина, которую каждый год видели его читатели, теснясь толпой вокруг праздничной молитвенной процессии. Гораций не скажет «вино»,— он непременно назовет фалернское, или цекубское, или массикское, или хиосское; не скажет «поля», а добавит: ливийские, калабрские, форентийские, эфуланские или мало ли еще какие. А когда непосредственный предмет оды не дает ему материала для таких образцов, он черпает этот материал в сравнениях и метафорах. Так появляются образы резвящейся телки и наливающихся пурпуром гроздьев в оде о девушке-подростке (II, 5); так в оде о золотой середине сменяются образы моря, дома, леса, башен, гор, снова моря, Аполлоновых лука и стрел и опять моря (II, 10); так в оде, где республика представлена в виде гибнущего корабля, у этого корабля есть и весла, и мачта, и снасти, и днище, и фигуры богов на корме, и каждая вещь по-особенному страдает под напором бури (I, 14).

Это — в лирических «Одах»; а в разговорных «Сатирах» и «Посланиях» эта конкретность образного языка достигает еще большей степени. Здесь поэт не скажет «от начала до конца обеда», а скажет «от яиц и до яблок» («Сатиры», I, 3, 6); не скажет «быть богачом», а скажет: «Из первых рядов смотреть на слезливые драмы» («Послания», I, 1, 67: сословию богачей, «всадников», в Риме отводились первые ряды в театре). Он не скажет «скряга», «расточитель», «распутник», «силач», «ростовщик», «сумасшедший», а непременно назовет имя: «скряга Уммидий», «мот Номентан», «распутник Требоний», «силач Гликон», «ростовщик Фуфидий», «сумасшедший Лабеон» и так далее. В одной лишь сатире I, 2 промелькнут, ни много ни мало, девятнадцать таких имен. Современному читателю эти имена не говорят ничего и только понапрасну пестрят в глазах, но первые читатели Горация легко угадывали за ними живых людей, хорошо известных в Риме, и читали насмешки Горация с удвоенным удовольствием.

Однако ткань, сотканная из этих собственных имен и вещественных образов,— не сплошная. Гораций хочет, чтобы каждый образ воспринимался в полную силу, а для этого нужно, чтобы он выступал на контрастном, внеобразном фоне отвлеченных понятий и рассуждений. И действительно, вслед за яркой картиной скачек, которую мы видели в оде I, 1, следуют безликие слова о втором людском увлечении — политике («Есть другие, кому любо избранником быть квиритов толпы, пылкой и ветреной...»); после строк об отцовской солонке идут отвлеченные размышления о человеческой суетности («Что ж стремимся мы в быстротечной жизни к многому? Зачем мы меняем страны? Разве от себя убежать возможно, родину бросив?..»). А в сатирах и посланиях все кивки на живых и выдуманных конкретных лиц щедро перемежаются сентенциями самого общего содержания: «Если глупец избегает порока — впадает в противный»; «Тот ведь не беден еще, у кого все есть на потребу»; «Вилой природу гони, а она все равно возвратится» и т. д.— неисчерпаемый кладезь крылатых слов на любой случай жизни. Все это — внеобразные фразы, они что-то говорят уму и сердцу, но ничего не говорят ни глазу, ни слуху; они-то и нужны Горацию для оттенения его конкретных образов.

Иногда предельная отвлеченность и предельная конкретность сливаются, и тогда возникает, например, аллегорический

образ Неизбежности, вбивающей железные гвозди в кровлю обреченного дома (III, 24). Но чаще отвлеченность и конкретность, внеобразность и образность чередуются; и тогда перед читателем возникает такая картина: предельно конкретный, ощутимый, вещественный образ на первом плане, а за ним — бесконечная даль философских обобщений, и взгляд все время движется от первого плана к фону и от фона к первому плану. Это требует от читателя большой напряженности (опять!), большой дисциплинированности внимания. Но поэт часто сам приходит на помощь читателю, вдвигая между первым планом и фоном, между единичным и общечеловеческим промежуточные опоры для его взгляда. Эту роль промежуточных опор, уводящих взгляд вдаль, от частности к обобщению, принимают на себя географические и мифологические образы лирики Горация.

Географические образы раздвигают поле зрения читателя вширь, мифологические образы ведут взгляд вглубь. Мы уже замечали, что Гораций любит географические эпитеты: вино называет по винограднику, имение — по округу, панцирь у него — испанский, пашни — фригийские, богатства — пергамские; в оде I, 31 он подряд перечисляет, что ему не нужно ни сардинских нив, ни калабрийских лугов, ни индийских драгоценностей, ни кампанских садов, ни каленских виноградников, ни атлантических торговых путей. Так за узким кругом предметов первого плана распахивается перспектива на широкий круг земного мира, далекого и в то же время близко касающегося поэта. И Горацию доставляет удовольствие вновь и вновь облетать мыслью этот мир, прежде чем остановиться взглядом на нужном месте: желая сказать в оде I, 7 о Тибуре, он сперва вспомнит и Родос, и Коринф, и Эфес, и Темпейскую долину, и еще восемь других мест; а желая в послании I, 11 спросить у адресата о греческом островке Лебедосе, он сперва спросит и о Хиосе, и о Лесбосе, и о Самосе. Особенно часто он уносится воображением к самым дальним границам своего круга земель — к странам испанских кантабров, заморских бриттов, скифов на севере, парфян и индийцев на востоке. Именно этот мир в знаменитой оде о лебеде (II, 20) поэт гордо надеется заполнить своей бессмертной славой.

Как географические образы придают горациевскому миру перспективу в пространстве, так мифологические образы придают ему перспективу во времени. В оде II, 6 он называет два

места, где он хотел бы найти успокоение,— Тибур, «основанный аргосским изгнанником» Тибурном, и Тарент, «где было царство Фаланта», другого изгнанника, спартанского; и эти бегло брошенные взгляды в легендарное прошлое лучше всяких слов раскрывают нам изгнанническое самочувствие самого Горация. Любое чувство, любое действие самого поэта или его современников может найти подобный прообраз в неисчерпаемой сокровищнице мифов и легенд. Приятель Горация влюбился в рабыню — и за его спиною тотчас встают величавые тени Ахилла, Аякса, Агамемнона, которые изведали такую же страсть (II, 4). Император Август одержал победу над врагами — и в оде Горация за этой победой тотчас рисуется великая древняя победа римлян над карфагенянами, а за нею — еще более великая и еще более древняя победа олимпийских богов над Гигантами, сынами Земли (II, 12). При этом Гораций избегает называть мифологических героев прямо: Агамемнон у него — «сын Атрея», Амфиарай — «аргосский пророк», Венера — «царица Книда и Пафоса», Аполлон — «бог, покаравший детей Ниобы», и от этого взгляд читателя каждый раз скользит еще дальше в глубь мифологической перспективы. Для нас горациевские ассоциации, и географические и мифологические, кажутся искусственными и надуманными, но для Горация и его современников они были единственным и самым естественным средством ориентироваться в пространстве и во времени.

Таков мир образов поэзии Горация, мир широкий и сложный. Каждое стихотворение Горация — это прогулка по этому миру. Маршрут такой прогулки называется композицией стихотворения.

5

Когда мы читаем стихи поэтов нового времени — XVIII, XIX, XX веков,— мы мало задумываемся над их композицией: мы к ней привыкли. И если мы попробуем отдать себе в ней отчет, то в самых грубых чертах выглядеть она будет так: стихотворение начинается на сравнительно спокойной ноте, постепенно напряжение нарастает все больше и больше, и в наиболее напряженном месте обрывается. Самое ответственное место в стихотворении — концовка; и признания поэтов говорят, что нередко последние строки стихотворения слагаются

первыми, и все стихотворение строится как подступ, разбег для этих «ударных» строк.

В стихах Горация — все по-другому. Концовка в них скромна и неприметна настолько, что порой стихотворение кажется оборванным на совершенно случайном месте. Напряжение от начала к концу не нарастает, а падает. Самое энергичное, самое запоминающееся место в стихотворении — начало. И когда читаешь оды Горация, то трудно отделаться от впечатления, что в уме поэта эти великолепные зачины слагались раньше всех других строк: «Противна чернь мне, таинствам чуждая...», «Ладони к небу, к месяцу юному...», «О дочь, красою мать превзошедшая...», «Создал памятник я, бронзы литой прочней...»

Как же строятся такие стихотворения?

Вот одно из них — ода к красавице Пирре (I, 5):

Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне,
Что тебя обнимал в гроте приветливом,
Весь в цветах, в ароматах,
Для кого завязала ты

Кудри в узел простой? Ах, сколько раз потом
Он измены судьбы будет оплакивать
И дивиться жестоким
Бурям моря страстей твоих,

Он, кто полон тобой, кто так надеется
Вечно видеть тебя верной и любящей,
И не ведает ветра
Перемен. О, несчастные

Все, пред кем ты блестишь светом обманчивым!
Про меня же гласит надпись обетная,
Что мной влажные ризы
Богу моря уж отданы.

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

Первая строфа, первая фраза — картина идиллического счастья: объятия, цветы, ароматы. Вторая строфа — контраст: будущее горе, будущие бури. Затем — ловкий изгиб придаточного предложения («Он, кто полон тобой...») — и опять идиллия любви и верности, но уже только как мечта. А за нею опять контраст: переменчивый ветер, обманчивый свет. И, наконец, концовка, для понимания которой нужно немного знать античные религиозные обычаи: как спасшийся от кораблекрушения

пловец благодарно приносит свою одежду на алтарь спасшему его морскому богу, так Гораций, уже простившийся с любовными треволнениями, издали сочувственно смотрит на участь влюбленных. Мысль поэта движется, как качающийся маятник, от картины счастья к картине несчастья и обратно, и качания эти понемногу затихают, движение успокаивается: начинается стихотворение ревнивой заинтересованностью, кончается оно умиротворенной отрешенностью.

До сих пор нам приходилось говорить главным образом о напряженности в стихах Горация; теперь придется говорить о том, как эта напряженность находит в них свое разрешение, затихает, гармонизируется. Зигзагообразное движение мысли, затухающее колебание маятника между двумя лирическими противоположностями — излюбленный прием, к которому Гораций обращается для этой цели. Вот пример движения мысли между двумя контрастными чувствами — знаменитая ода-дуэт Горация и Лидии (III, 9): «Я любил тебя и был счастлив» — «Я любила тебя и была знаменита». «А теперь я люблю другую и готов умереть за нее» — «А теперь я люблю другого, и хоть дважды умру за него». «А что, если снова повелит любовь возвратиться к тебе?» — «А тогда, хоть ты того и не стоишь, и я не расстанусь с тобой». Вот пример движения мысли между двумя контрастными предметами — ода к полководцу Агриппе (I, 6): «Пусть твои победы, Агриппа, прославит другой поэт — для меня же петь о тебе так же трудно, как о Троянской войне или о судьбах Одиссея.— Я скромен, я велик лишь в малом — мне ли воспевать Ареса, Мериона, Диомеда? — Нет, мои песни — только о пирах и любви».

Гораций обладал парадоксальным искусством развивать одну тему, говоря, казалось бы, о другой. Так, в оде к Агриппе он, казалось бы, хочет сказать: «Мое дело — писать не о твоих подвигах, а о пирах и забавах»; но, говоря это, он успевает так упомянуть о войнах Агриппы, так сопоставить их с подвигами мифических времен, что Агриппа, читая эту оду, мог быть вполне удовлетворен. Так, в оде I, 31 он, казалось бы, просит у Аполлона блаженной бедности в тихом уголке Италии, но, говоря о ней, он успевает пленить читателя картиной ненужного ему богатства во всем огромном беспокойном мире. Сквозь любую тему у Горация просвечивает противоположная, оттеняя и дополняя ее. Даже такие патетические и торжественные сти-

хотворения, как ода к Азинию Поллиону о гражданской войне (II, 1) и ода к Августу о великой судьбе римского народа (III, 3), он неожиданно обрывает напоминанием о том, что пора его лире вернуться от высоких тем к скромным и шутливым. Даже лирический гимн природе и сельской жизни в эподе 2 неожиданно оборачивается в финале собственной противоположностью: оказывается, что все эти излияния — казалось бы, такие искренние! — принадлежат не самому поэту, другу натуры, а лицемерному ростовщику. Современному читателю такие концовки кажутся досадным диссонансом, а Горацию они были необходимы, чтобы картина мира, отображенная в произведении, была полнее и богаче.

Не всегда связь двух контрастных тем ясна с первого взгляда: иногда колебания маятника бывают так широки, что за ними трудно уследить. Так, ода 1, 4 рисует картину весны: «Злая сдается зима, сменяясь вешней лаской ветра...», рисует оживающую природу, зовет к весенним праздничным жертвоприношениям; и вдруг эту тему обрывает тема смерти, ожидающей всех и каждого: «Бледная ломится Смерть одною и тою же ногою в лачуги бедных и в царей чертоги...» Где логика, где связь? Чтобы найти ее, нужно заглянуть в другое стихотворение Горация о весне — в оду IV, 7: «С гор сбежали снега, зеленеют луга муравою...» Она тоже начинается картиной оживающей природы, но за этим следует та мысль, которая является связующим звеном между двумя темами и которая была опущена в первой оде: весна природы проходит и приходит вновь, а весна человеческой жизни пройдет и не вернется.

Стужу растопит зефир, весну поглотившее лето
Тоже погибнет, когда
Щедрая осень придет, рассыпая дары, а за нею
Снова нахлынет зима.

Но в небесах за луною луна обновляется вечно,—
Мы же в закатном краю,
Там, где родитель Эней, где Тулл велелепный и Марций,—
Будем лишь тени и прах.

И после этого перехода тема смерти и загробного мира становится естественной и понятной.

Так, колеблясь между двумя противоположными темами, лирическое движение в стихах Горация постепенно замирает

от начала к концу: максимум динамики в первых строках, максимум статики в последних. И когда это движение прекращается совсем, стихотворение обрывается само собой на какой-нибудь спокойной, неподвижной картине. У Горация есть несколько излюбленных мотивов для таких картин. Чаще всего это чей-нибудь красивый портрет, на котором приятно остановиться взглядом: Неарха (III, 20), Гебра (III, 12), Гига (II, 5), Дамалиды (I, 36) или даже жертвенного теленка (IV, 2). Реже это какой-нибудь миф: о Гипермнестре (III, 11), о Европе (III, 27). А когда стихотворение заканчивается мифологическим мотивом, то чаще всего это мотив Аида, подземного царства: так кончаются ода о рухнувшем дереве с ее патетическим зачином (II, 33), не менее бурная ода к Вакху (II, 19), ода об алчности (II, 18), только что рассмотренная ода о весне (IV, 7). В самом деле, какой мотив подходит для замирающего лирического движения лучше, чем мотив всеуспокаивающего царства теней?

Так строятся оды; а в сатирах и посланиях Гораций применяет другой прием всестороннего охвата картины мира: не последовательную смену контрастов, а вольную прихотливость живого разговора, который легко перескакивает с темы на тему и в любой момент может коснуться любого предмета. Этим он и держит в напряжении читателя, вынужденного все время быть готовым к любому повороту мысли и к любой смене тем. Так, сатира I, 1 начинается темой «каждый недоволен своей долей», а потом неожиданно переходит к теме алчности; сатира I, 3 начинается рассуждением о непостоянстве характера, и вдруг соскальзывает в разговор о дружбе и снисходительности. А разрешается это напряжение уже не композиционными средствами, а стилистическими: легким шутливым разговорным слогом, как бы снимающим вес и серьезность затрагиваемых этических проблем.

Итак, мало сказать, что основа поэтики Горация — это предельно конкретный образ на первом плане, а за ним — дальняя перспектива отвлеченных обобщений. Нужно добавить, что Гораций не ограничивается одним образом и одной перспективой, а старается тут же охватить взглядом и другую перспективу, обращенную в противоположную сторону, старается вместить в одно стихотворение всю бесконечную широту и противоречивость мира. И нужно подчеркнуть, что Гораций не об-

рывает стихотворение на самом напряженном месте, предоставляя читателю долго ходить под впечатлением этого эффекта и постепенно угашать и разрешать эту напряженность в своем сознании — он старается разрешить эту напряженность в пределах самого стихотворения и затягивает стихотворение до тех пор, пока маятник лирического движения, колебавшийся между двумя крайностями, не успокоится на золотой середине.

Золотая середина — наконец-то произнесены эти слова, самые необходимые для понимания Горация. Золотая середина — это уже не только художественный прием, это жизненный принцип. Из мира горациевских образов мы вступаем в мир горациевских идей.

6

Золотая середина — выражение, принадлежащее самому Горацию. Это он написал, обращаясь к Лицинию Мурене, свойственнику Мецената, такие слова (II, 10):

Правильнее жить ты, Лициний, будешь,
Пролагая путь не в открытом море,
Где опасен вихрь, и не слишком близко
К скалам прибрежным.

Выбрав золотой середины меру,
Мудрый избежит обветшалой кровли,
Избежит дворцов, что рождают в людях
Черную зависть.

Здесь, в оде, Гораций влагает свою мысль в поэтические образы; а в одной из сатир он провозглашает ее в форме отвлеченной, но от этого не менее решительной: (I, 1, 106—107):

Мера должна быть во всем, и всему есть такие пределы,
Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!

Лициния Мурену, по-видимому, такие наставления не убедили: не прошло и нескольких лет, как он был казнен за участие в заговоре против Августа. Но для самого Горация мысль о золотой середине, о мере и умеренности была принципом, определявшим его поведение решительно во всех областях жизни.

Вино? Вот, казалось бы, традиционная поэтическая тема, исключающая всякую заботу о мере и умеренности. Да,— у всех, только не у Горация. Он пишет «вакхические», пиршест-

венные оды охотно и часто, но ни разу не позволяет в них человеку забыться и потерять власть над собой. «Но для каждого есть мера в питье: Либер блюдет предел» (I, 18). А если кто и нарушает эту меру — поэт тотчас разгоняет винные пары своим трезвым голосом (I, 27):

Кончайте ссору! Тяжкими кубками
Пускай дерутся в варварской Фракии!
Они даны на радость людям —
Вакх ненавидит раздор кровавый!..—

и вслед за этим решительным началом такими же энергичными короткими фразами быстро и умело отвлекает буйных застольников на разговор о любви — тему, гораздо более мирную и успокоительную. Правда, есть и у Горация оды, где он, на первый взгляд, призывает забыться и неистовствовать — например, знаменитая ода на победу над Клеопатрой (I, 37): «Теперь — пируем! Вольной ногой теперь ударим оземь!» Но будем читать дальше, и все встанет на свои места: до сих пор, говорит Гораций, нам грешно было касаться вина, ибо твердыни Рима были под угрозой; а теперь пьянство в день победы будет для нас лишь законным вознаграждением за трезвость в месяцы войны. И, наоборот, Клеопатра, которая шла на войну, опьяненная «вином Египта», искупает теперь это опьянение вынужденным протрезвлением после разгрома — протрезвлением, которое заставляет ее в ясном сознании принять добровольную смерть. Так даже временная неумеренность входит в систему всеобщей размеренности и равновесия, столь дорогую сердцу Горация.

Любовь? Вот другая тема, в которой поэты обычно стараются дать волю своей страсти, а не умерять и не укрощать ее. Да,— все, только не Гораций. Любовных од у него еще больше, чем вакхических, но чувство, которое в них воспевается,— это не любовь, а влюбленность, не всепоглощающая страсть, а легкое увлечение: не любовь властвует над человеком, а человек властвует над любовью. Любовь, способная заставить человека делать глупости, для Горация непонятна и смешна, и он осмеивает ее в цинической сатире I, 2. Самое большее, на что способен влюбленный в стихах Горация,— это провести ночь на холоде перед дверью неприступной возлюбленной (III, 10); да и то эта ода заканчивается иронической нотой: «Сжалься же, пока я не продрог вконец и не ушел восвояси!» В какую бы

Лику, Лиду или Хлою ни был влюблен Гораций, он влюблен лишь настолько, чтобы всегда было можно «уйти восвояси». Когда поэт счастлив и уже готов умереть за свою новую подругу, он тотчас останавливает себя: а что, если вернется страсть к прежней подруге? (III, 9.) А когда поэт несчастен и очередная красавица отвергла его, он тотчас находит себе утешение — например, так, как в эподе 15:

Больно накажет тебя мне свойственный нрав, о Неэра:
    Ведь есть у Флакка мужество,—
Он не претерпит того, что ночи даришь ты другому,—
    Найдет себе достойную...
Ты же, соперник счастливый, кто б ни был ты, тщетно гордишься,
    Моим хвалясь несчастием...
Все же, увы, и тебе оплакать придется измену:
    Смеяться будет мой черед!

Итак, если Горация отвергла Неэра, он найдет утешение с Гликерой, а когда отвергнет Гликера — то с Лидией, а когда отвергнет Лидия — то с Хлоей, и так далее; и если Горацию пришлось страдать от равнодушия Неэры, то Неэре скоро придется страдать от равнодушия какого-нибудь Телефа, а тому — от равнодушия Ликориды, и так далее. Так радости и горести любви идеально уравновешиваются в сплетении человеческих взаимоотношений, и певцом этой уравновешенности выступает Гораций.

Быт? Здесь Гораций особенно подробно и усердно развивает свою проповедь золотой середины. Здесь для него ключевое слово — мир, душевный покой; трижды повторенным словом «мир» начинает он одну из самых знаменитых своих од, к Помпею Гросфу (II, 16). Единственный источник душевного покоя — это довольство своим скромным уделом и свобода от всяких дальнейших желаний:

Будь доволен тем, что в руках имеешь,
Ни на что не льстись и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
    Быть совершенным.

Наоборот, тот, кто обольщается мечтой о совершенном, полном счастье, кто «от добра добра ищет», тот попадает во власть вечной Заботы (Гораций любит олицетворять это понятие: «И на корабль взойдет Забота, и за седлом примостится кон-

ским...»). Ибо у человеческих желаний есть только нижняя граница — «столько, сколько достаточно для утоления насущных нужд»; а верхней границы у них нет, и сколько бы ни накопил золота человек алчный, он будет тосковать по лишнему грошу, и сколько бы ни стяжал почестей человек тщеславный, он будет томиться по новым и новым отличиям. Гораций не жалеет красок, чтобы изобразить душевные муки тех, кто обуян алчностью или тщеславием, кто сгоняет с земли бедняков (II, 18) и строит виллы в море, словно мало места на суше. В своем патетическом негодовании он даже предлагает римлянам выбросить все золото в море и зажить, как скифы, без домов и без имущества (III, 24). Но это — в мечтах, а в действительности он вполне доволен маленьким поместьем, где есть все, что нужно для скромной жизни, где не слышно кипенье страстей большого города, где сознание независимости навевает на душу желанный покой, а вслед за покоем приходит Муза, и слагаются стихи (I, 17; II, 16). Как раз такое поместье в Сабинских горах подарил Горацию Меценат, и Гораций благодарит его за эту возможность почувствовать себя свободным человеком:

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! И лучше и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле,
Кроме того, чтобы эти дары мне оставил Меркурий.

(«Сатиры», II, 6, 1—5)

Конечно, не надо преувеличивать скромность Горация: из его сатир и посланий мы узнаем, что в его сабинском поместье (кстати сказать, сравнительно недавно раскопанном археологами) хватало хозяйства для восьми рабов и пяти арендаторов с семьями. Но по римским масштабам это было не так уж много, и любой из знатных римлян, которым Гораций посвящал свои оды и послания, мог похвастаться гораздо бóльшими имениями.

Философия? Гораций говорит о философии много и охотно; по существу, все его сатиры и послания представляют собой не что иное, как беседы на философские темы. Но если так, то какой философской школе следует Гораций? Из философских школ в его пору наибольшим влиянием пользовались две: эпикурейцы и стоики. Эпикурейцы учили, что высшее благо — наслаждение, а цель человеческой жизни — достичь «бестревожности», то есть защитить свое душевное наслаждение от

всех внешних помех. Стоики учили, что высшее благо — добродетель, а цель человеческой жизни — достичь «бесстрастия», то есть защитить ясность своей души от всех смущающих ее страстей — внутренних помех добродетели. А Гораций? Он ни с теми, ни с другими, или, вернее, и с теми и с другими. Конечно, опытному взгляду легко заметить, что молодой Гораций в «Сатирах» ближе держится эпикурейских положений, а пожилой Гораций в «Посланиях» — стоических; но это не мешает ему включать в «Сатиры» стоическую проповедь раба-обличителя Дава (II, 7), а в одном из «Посланий» отрекомендоваться «поросенком Эпикурова стада» (I, 4). В самом деле, и у стоиков и у эпикурейцев он подмечает и берет только то, что ему ближе всего: культ душевного покоя, равновесия, независимости. В этом выводе обе школы сходятся, и поэтому Гораций свободно черпает свои рассуждения и доводы из арсеналов обеих; если же в каких-то других, пусть даже очень важных, вопросах они расходятся, то что ему за дело? Если его упрекнут в эклектизме, он ответит словами послания I, 1:

Я никому не давал присяги на верность ученью...

Независимость духовная для него так же дорога, как независимость материальная, и поэтому он всегда сохраняет за собой свободу мнения, ни за каким философом слепо не следует, а когда желает в своих нравственных рассуждениях сослаться на авторитет, то ссылается не на Эпикура и не на Хрисиппа, а на Гомера («Послания», I, 2).

Искусство? Мы уже видели, как Гораций осуществляет драгоценный принцип золотой средины, равновесия и меры в выверенной гармонии своих од. Это на практике; а теорию своих взглядов он излагает в самом длинном из своих сочинений, в «Науке поэзии». И все это большое и сложное сочинение, своеобразно сочетающее черты дружеского послания и ученого трактата, насквозь пронизано единой мыслью: мера, соразмерность, соответствие. Образы должны соответствовать образам, замысел — силам, слова — предмету, стих — жанру, реплики — характеру, сюжет — традиции, поведение лиц — природе, и так далее, и так далее; крайности недопустимы, а нужна умеренность, не то краткость обернется темнотой, мягкость — вялостью, возвышенность — надутостью и проч.; и если Гораций, к удивлению читателей и исследователей, подробнее всего

говорит в «Науке поэзии» не о близкой ему лирике, а о старинном, полузабытом жанре сатировской драмы, то это потому, что здесь он видел золотую середину между трагедией и комедией. На вопрос: «Пользе или наслаждению служит поэзия?» — Гораций отвечает: «И пользе и наслаждению»; на вопрос: «Талант или учение полезней для поэта?» — он отвечает: «И талант и учение». И как за вином, в любви, в быту Гораций учит не поддаваться страстям, так и в поэзии Гораций учит не полагаться на вдохновение, а терпеливо и вдумчиво отделывать стихи по правилам науки. Стихотворец, ничего не знающий, кроме вдохновения,— смешной безумец; его карикатурным портретом заканчивается «Наука поэзии».

Если попытаться подвести итог этому обзору идейного репертуара горациевской поэзии и если задуматься, чему же служит у Горация этот принцип золотой середины, с такой последовательностью проводимый во всех областях жизни, то ответом будет то слово, которое уже не раз проскальзывало в нашем разборе: независимость. Трезвость за вином обеспечивает человеку независимость от хмельного безумия друзей. Сдержанность в любви дает человеку независимость от переменчивых прихотей подруги. Довольство малым в частной жизни дает человеку независимость от толпы работников, добывающей богатства для алчных. Довольство малым в общественной жизни дает человеку независимость от всего народа, утверждающего почести и отличия для тщеславных. «Ничему не удивляться» («Послания», I, 6), ничего не принимать близко к сердцу,— и человек будет независим от всего, что происходит на свете. Независимость для Горация превыше всего: при всей своей дружбе с Меценатом, он готов отказаться и от этой дружбы, и от подаренного Меценатом имения, едва он замечает, что Меценат за это в чем-то стесняет его свободу («Послания», I, 7). В огромном волнующемся мире, где все люди и все события связаны друг с другом тысячей связей, Гораций словно старается выгородить себе кусочек бытия, где он был бы ни с кем или почти ни с кем не связан. Даже такой жанр, как сатира, у него становится не связью с обществом, а отталкиванием от общества: это не оружие критики, а средство самосовершенствования (программа, развертываемая в сатирах I, 4 и II, 1). Гораций сторонится мира, ибо там царит всевластная Фортуна, воспетая им самим в оде I, 35; пути ее неиспове-

димы, под ее ударами рушится то одно, то другое человеческое счастье, и нужно быть очень осторожным, чтобы обломки этих крушений не задели и тебя. Маленький мирок, выгороженный Горацием, где все зримо, вещественно, просто и понятно, служит для него убежищем среди огромного мира, бескрайнего и непонятного.

Есть лишь одна сила, от которой нельзя быть независимым, от которой нет убежища. Это — смерть. Именно поэтому мысль о смерти тревожит Горация так часто и так неотступно. Она примешивается к каждой из его излюбленных лирических тем. Приглашая друга выпить вина на лоне природы, он обращается к нему: «Ты, Деллий, так же ожидающий смерти...» Несговорчивым подругам он рисует черную картину старости, настигающей неуемную Лидию или Лику. Обличая алчного, он напоминает ему, что одна и та же могила ждет в конце концов и ненасытного богача, и ограбленного им бедняка. Зрелище весеннего расцвета навевает ему мысль о вечности природы и о краткости человеческой жизни. Даже в «Науке поэзии», обсуждая такой специальный вопрос, как старые и новые слова в языке, он не может удержаться от лирического излияния: «Смерти подвластны и мы, и недолгие наши созданья...» И это — не говоря о стихах на смерть друзей, не говоря о прославленной оде к Постуму о невозвратно убегающем времени, не говоря об оде, посвященной тому дереву в сабинском поместье, которое однажды едва не убило поэта, обрушившись на тропу рядом с ним (II, 13). Чтобы уберечься от давящих мыслей о смерти, есть лишь один выход: жить сегодняшним днем, не задумываться о будущем, ничего не откладывать на завтра, чтобы внезапная смерть не отняла у человека отложенное. Это и есть принцип «пользуйся днем» (carpe diem), попытка Горация отгородиться от беспокойного будущего так же, как принципом независимости он отгородился от беспокойной современности. Ода к Талиарху и ода к Левконое (I, 9 и 11), где он провозглашает этот принцип, принадлежат к самым популярным его стихотворениям; но, может быть, еще более выразительно высказался он в оде III, 29:

Лишь тот живет хозяином сам себе
И жизни рад, кто может сказать при всех:
«Сей день я прожил! Завтра — тучей
Пусть занимает Юпитер небо

Иль ясным солнцем,— все же не властен он,
Что раз свершилось, то повернуть назад;
Что время быстрое умчало,
То отменить иль не бывшим сделать...»

Чтобы преодолеть смерть, победить ее, человеку дано одно-единственное средство: поэзия. Человек умирает, а вдохновенные песни, созданные им, остаются. В них — бессмертие и того, кто их сложил, и тех, о ком он их слагал. Не случайно только что упомянутая ода о рухнувшем дереве заканчивается картиной царства теней, где продолжают петь свои песни Алкей и Сапфо, и где от звуков их лир замирает мир подземных чудовищ и унимаются адские муки. Не случайно Гораций всюду говорит о поэзии торжественно и благоговейно: ведь она делает поэта равным богам, даруя ему бессмертие и позволяя обессмертить в песнях друзей и современников. И не случайно свой первый сборник од из трех книг он завершает гордым утверждением собственного бессмертия — знаменитым «Памятником»:

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд

Нескончаемых лет,— время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию

Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Назван буду везде — там, где неистовый
Авфид ропщет, где Давн, скудный водой, царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества,

Первым я приобщил песню Эолии
К италийским стихам. Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу.

7

Итак, облик лирического героя Горация дорисован. Это маленький человек среди большого мира, из конца в конец волнуемого непостижимыми силами судьбы. В этом мире поэт выгораживает для себя кусочек бытия, смягчает власть судьбы

над собою отказом от всего, что делает его зависимым от других людей и от завтрашнего дня, и начинает спорить с миром, подчинять его себе, укладывать его бескрайний противоречивый хаос в гармоническую размеренность и уравновешенность своих од. Из этой борьбы за ясность, покой и гармонию он выходит победителем, и эта победа дает ему право на бессмертие.

Такой образ мира и образ человека мог сложиться в поэзии лишь в обстановке сложной, своеобразной и неповторимой эпохи. Об этой эпохе мы и должны сказать теперь несколько слов.

Неверно представлять себе античность единым и цельным куском мировой истории. Она распадается, по крайней мере, на два периода, больших и непохожих друг на друга: период полисов и период великих держав. Полисы — это маленькие города-государства, каждое величиной с какой-нибудь район Московской области, каждое с населением по нескольку десятков тысяч полноправных граждан, независимых, замкнутых, где все, можно сказать, знают друг друга и сами решают общие дела, а обо всем, что лежит за пределами их полиса и близко его не касается, заботятся мало; все общественные отношения, все причины и следствия событий в общественной и личной жизни каждого здесь ясны как на ладони. Такими полисами были Афины, Спарта и другие греческие города в VI—IV веках до н. э., в пору жизни Архилоха и Алкея, Софокла и Еврипида, Платона и Аристотеля; таким полисом был Рим в древние времена крестьянской простоты, о которых не устает тосковать Гораций. Но рабовладельческое хозяйство развивалось, ему становилось тесно в узких рамках полиса, оно взламывало эти рамки и создавало над их обломками огромные державы с единой монархической властью, централизованным управлением, сложной экономикой и политикой. Таковы были греко-македонские царства, возникшие из мировой державы Александра Македонского в конце IV века до н. э. и постепенно поглощенные новой мировой державой, Римом, к концу I века до н. э.— как раз ко времени жизни и творчества Горация.

В новых великих державах человеку жилось богаче, сытней и уютней, чем в скудной простоте полиса. Однако это материальное довольство было куплено ценой душевных тревог, неведомых жителю полиса. Теперь он был не гражданином, а подданным, его политическая жизнь определялась не его во-

лей, а неведомыми замыслами монарха и его советников, его хозяйственное благосостояние определялось таинственными колебаниями мировой экономики. Нити судьбы ускользали из его рук и терялись в неуследимой дали. Человек чувствовал себя одиноким и потерянным в этом бесконечно раздвинувшемся мире, где больше ни на что нельзя было положиться, и он тосковал по былым временам полисного быта, когда жизнь была беднее и скуднее, но зато понятнее и проще. Не это ли горькое чувство подсказало Горацию его оду, особенно странно звучащую для нынешнего читателя: ту, в которой он проклинает людскую пытливость, рвущуюся вдаль и вдаль сквозь преграды земли, моря и неба, проклинает Прометея и Дедала, внушивших людям эту роковую дерзость (I, 3):

...Дерзко рвется изведать все,
  Не страшась и греха, род человеческий...

Нет для смертного трудных дел:
  Нас к самим небесам гонит безумие.
Нашей собственной дерзостью
  Навлекаем мы гнев молний Юпитера.

Этот болезненный перелом от старого мироощущения к новому был особенно болезнен в Риме в I веке до н. э.— в то самое время, когда там жил и писал свои стихи Гораций. Ибо в Риме идеологический переворот сопровождался политическим переворотом — тем, что нынешние историки называют «переходом от республики к империи».

На этих словах приходится остановиться. Дело в том, что мы привыкли безоговорочно считать, что всякая республика — благо, а всякая монархия — зло. Это наивно и часто неверно. В особенности это неверно применительно к Риму I века до н. э. Чем была здесь республика? Господством нескольких десятков аристократических семей, прибравших к рукам все лучшие земли в Италии и все места в правящем сенате. Это была форма полисного строя: Рим давно уже владел половиной Средиземноморья, но в глазах сенатской олигархии все эти территории были не частью мировой державы, а военной добычей римского полиса, и единственной формой управления ими был организованный грабеж. Что дала Риму империя? Наделение землею сравнительно широкого слоя безземельного крестьянства, обновление сената за счет выходцев из непривилегиро-

ванных сословий, допуск провинциалов к управлению державой. Пересмотрим имена адресатов од и посланий Горация: все это — новые люди, которые при олигархической республике и мечтать не могли об участии в государственных делах. Таков и безродный Агриппа, второй после Августа человек в Риме, таков и безродный Меценат (хотя он и притворяется, что род его восходит к неведомым этрусским царям), таков и сам Гораций, сын вольноотпущенного раба, который никогда не мог бы пользоваться при республике таким вниманием и уважением, как при Августе. Переход от республики к империи в Риме был событием исторически прогрессивным,— единогласно говорят историки. У империи было множество и темных сторон, но раскрылись они лишь позднее.

А современники? Для них дело обстояло еще проще. Это могло бы показаться странным и нелепым, но это так: современники вовсе не заметили этого перехода от республики к империи. Для них при Августе продолжалась республика. И их можно понять. Будущего Римской державы они не знали, не знали, что история ее отныне пойдет по совсем другому пути, чем шла до сих пор: они знали только прошлое и настоящее и не замечали между ними никакой существенной разницы. По-прежнему в Риме правил сенат, по-прежнему каждый год избирались консулы, а в провинции посылались наместники; а если рядом с этими привычными республиканскими учреждениями теперь всюду замечалось присутствие человека по имени Цезарь Октавиан Август, то это не потому, что он занимал какой-то особый новый государственный пост,— этого и не было,— а просто потому, что он лично, независимо от занимаемых им постов и должностей, пользовался всеобщим уважением и высоким авторитетом за свои заслуги перед отечеством. Кто, как не он, восстановил в Риме твердую власть и сената и консулов, положив конец тем попыткам заменить их неприкрытой царской властью, какие предпринимал сперва его приемный отец Гай Юлий Цезарь, а потом его недолгий соправитель Марк Антоний? Кто, как не он, восстановил в Риме мир и порядок, положив конец тому столетию кровавых междоусобиц, которое вошло в историю как «гражданские войны в Риме»? Нет, современники — и первым среди них Гораций — были вполне искренни, когда прославляли Августа как восстановителя республики.

Жестокие междоусобицы гражданских войн были очень хорошо памятны поколению Горация. Поэт родился в 65 году до н. э. В детстве, в тихом южноиталийском городке Венузии, он мог слышать от отца, сколько крови пролилось в Италии, когда сенатский вождь Сулла воевал с плебейским вождем Марием, и сколько страху нагнал на окрестных помещиков мятежный Спартак, с армией восставших рабов два года грозивший Риму. Подростком в шумном Риме, в школе строгого грамматика Орбилия, Гораций со сверстниками жадно ловил вести из-за моря, где в битвах решался исход борьбы между дерзко захватившим власть Гаем Юлием Цезарем и сенатским вождем Гнеем Помпеем. Юношей Гораций учился философии в Афинах, когда вдруг разнеслась весть о том, что Юлий Цезарь убит Брутом и его друзьями-республиканцами, что мстить за убитого поднялись его полководец Антоний и его приемный сын Цезарь Октавиан, что по Италии бушуют резня и конфискации, а Брут едет в Грецию собирать новое войско для борьбы за республику. Гораций был на распутье: социальное положение толкало его к цезарианцам, усвоенное в школе преклонение перед республикой — к Бруту. Он примкнул к Бруту, получил пост войскового трибуна в его армии,— высокая честь для 23-летнего безродного юноши! — а затем наступила катастрофа. В двухдневном бою при Филиппах в 42 году до н. э. республиканцы были разгромлены, Брут бросился на меч, Гораций спасся бегством, тайком, едва не погибнув при кораблекрушении, вернулся в Италию; отца уже не было в живых, отцовская усадьба была конфискована, Гораций с трудом устроился на мелкую должность в казначействе и стал жить в Риме в кругу таких же бездольных и бездомных молодых литераторов, как и он, с ужасом глядя на то, что происходит вокруг. А вокруг бушевала гражданская война: на суше восстал город Перузия и был потоплен в крови, на море восстал Секст Помпей, сын Гнея, и с армией беглых рабов опустошал берега Италии. Казалось, что весь огромный мир потерял всякую опору и рушится в безумном светопреставлении. Среди этих впечатлений Гораций пишет свои самые отчаянные произведения — седьмой эпод:

Куда, куда вы валите, преступные,
Мечи в безумье выхватив?!
Неужто мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою?..—

и шестнадцатый эпод — скорбные слова о том, что Рим обречен на самоубийственную гибель, и все, что можно сделать,— это бежать, чтобы найти где-нибудь на краю света сказочные Счастливые острова, до которых еще не достигло общее крушение:

Слушайте ж мудрый совет: подобно тому как фокейцы,
Проклявши город, всем народом кинули
Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
Чтоб в них селились вепри, волки лютые,—
Так же бегите и вы, куда б ни несли ваши ноги,
Куда бы ветры вас ни гнали пó морю!
Это ли вам по душе? Иль кто надоумит иначе?
К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!..

Но Счастливые острова были мечтой, а жить приходилось в Риме, где власть крепко держал в руках Цезарь Октавиан (после битвы при Филиппах он поделил власть с Антонием: Антоний отправился «наводить порядок» на Востоке, Октавиан — в Риме). Гораций начинает присматриваться к этому человеку, и с удивлением открывает за его разрушительной деятельностью созидательное начало. Осторожный, умный, расчетливый и гибкий, Октавиан именно в эти годы закладывал основу своего будущего могущества: на следующий год после Филиппов он был ужасом всего Рима, а десять лет спустя уже казался его спасителем и единственной надеждой. Разделив конфискованные земли богачей между армейской беднотой, он сплотил вокруг себя среднее сословие. Организовав отпор беглым рабам — пиратам Секста Помпея, он сплотил вокруг себя все слои рабовладельческого класса. Выступив против своего бывшего соправителя Антония, шедшего на Италию в союзе с египетской царицей Клеопатрой, он сплотил вокруг себя все свободное население Италии и западных провинций. Победа над Антонием при Акции в 31 году до н. э. была представлена как победа Запада над Востоком, порядка над хаосом, римской республики над восточным деспотизмом. Гораций прославил эту победу в эподе 9 и в оде I, 37. Гораций уже несколько лет как познакомился, а потом подружился с Меценатом, советником Октавиана по дипломатическим и идеологическим вопросам, собравшим вокруг себя талантливейших из молодых римских поэтов во главе с Вергилием и Варием; Гораций уже получил

от Мецената в подарок сабинскую усадьбу, и она принесла ему материальный достаток и душевный покой; Гораций уже стал известным писателем, выпустив в 35 году до н. э. первую книгу сатир, а около 30 г.— вторую книгу сатир и книгу эподов. Как и для всех его друзей, как и для большинства римского народа Октавиан был для него спасителем отечества: в его лице для Горация не империя противостояла республике, а республика — анархии. Когда в 29 году до н. э. Октавиан с торжеством возвращается с Востока в Рим, Гораций встречает его одой I, 2 — одой, которая начинается грозной картиной того, как гибнет римский народ, отвечая местью на месть за былые преступления, от времен Ромула до времен Цезаря, а кончается светлой надеждой на то, что теперь эта цепь самоистребительных возмездий наконец кончилась, и мир и покой нисходит к римлянам в образе бога благоденствия Меркурия, воплотившегося в Октавиане.

С этих пор образ Октавиана (принявшего два года спустя почетное прозвище Августа) занимает прочное место в мировоззрении Горация. Как человек должен заботиться о золотой середине и равновесии в своей душе, так Август заботится о равновесии и порядке в Римском государстве, а бог Юпитер — во всем мироздании; «вторым после Юпитера» назван Август в оде I, 12, и победа его над хаосом гражданских войн уподобляется победе Юпитера над хаосом бунтующих Гигантов (III, 4). И как Ромул, основатель римского величия, после смерти стал богом, так и Август, восстановитель этого величия, будет причтен потомками к богам (III, 5). Возрождение римского величия — это, прежде всего, восстановление древней здоровой простоты и нравственности в самом римском обществе, а затем — восстановление могущества римского оружия, после стольких междоусобиц вновь двинутого для распространения римской славы до краев света. В первой идее находит завершение горациевская проповедь довольства малым, горациевское осуждение алчности и тщеславия; теперь оно иллюстрируется могучими образами древних пахарей-воинов, (III, 6; II, 15), с которых призвано брать пример римское юношество (III, 2). Во второй идее находит выражение тревожное чувство пространства, звучащее в вечном горациевском нагромождении географических имен: огромный мир уже не пугает поэта, если до самых пределов он покорен римскому порядку. Обе эти идеи

роднят Горация с официальной идеологической пропагандой августовской эпохи: Август тоже провозглашал возврат к древним республиканским доблестям, издавал законы против роскоши и разврата, обещал войны (так и не предпринятые) против парфян на Востоке и против британцев на Севере. Но было бы неправильно думать, что эти идеи были прямо подсказаны поэту августовской пропагандой: мы видели, как они естественно вытекали из всей системы мироощущения Горация. В этом и была особенность поэзии краткого литературного расцвета при Августе: ее творили поэты, выросшие в эпоху гражданских войн, идеи нарождающейся империи были не навязаны им, а выстраданы ими, и они воспевали монархические идеалы с республиканской искренностью и страстностью. Таков был и Гораций.

Три книги «Од», этот гимн торжеству порядка и равновесия в мироздании, в обществе и в человеческой душе, были изданы в 23 году до н. э. Горацию было сорок два года. Он понимал, что это — вершина его творчества. Через три года он выпустил сборник посланий (нынешняя книга I), решив на этом проститься с поэзией. Сборник был задуман как последняя книга, с отречением от писательства в первых строках и с любопытным поэтическим автопортретом — в последних. Это было неожиданно, но логично. Ведь если цель поэзии — упорядочение мира и установление душевного равновесия, то теперь, когда мир упорядочен и душевное равновесие достигнуто, зачем нужна поэзия? Страсть к сочинительству — такая же опасная страсть, как и другие, и она тоже должна быть исторгнута из души. А кроме того, ведь всякий поэт имеет право (хотя и не всякий имеет решимость), написав свое лучшее, больше ничего не писать: лучше молчание, чем самоповторение. Гораций хотел доживать жизнь спокойно и бестревожно, прогуливаясь по сабинской усадьбе, погруженный в философские раздумья.

Но здесь и подстерегала его самая большая неожиданность. Стройная, с таким трудом созданная система взглядов вдруг оказалась несостоятельной в самом главном пункте. Гораций хотел с помощью Августа достигнуть независимости от мира и судьбы; и он достиг ее, но эта независимость от мира теперь обернулась зависимостью от Августа. Дело в том, что Август вовсе не был доволен тем, что лучший поэт его времени собирается в расцвете сил уйти на покой. Он твердо считал, что

стихи пишутся не для таких малопонятных целей, как душевное равновесие, а для таких простых и ясных, как восхваление его, Августа, его политики и его времени. И он потребовал, чтобы Гораций продолжал заниматься своим делом,— потребовал деликатно, но настойчиво. Он предложил Горацию стать своим личным секретарем — Гораций отказался. Тогда он поручил Горацию написать гимн богам для величайшего празднества — «юбилейных игр» 17 года до н. э.; и от этого поручения Гораций отказаться не мог. А потом он потребовал от Горация од в честь побед своих пасынков Тиберия и Друза над альпийскими народами, а потом потребовал послания к самому себе: «Знай, я недоволен, что в стольких произведениях такого рода ты не беседуешь прежде всего со мной. Или ты боишься, что потомки, увидев твою к нам близость, сочтут ее позором для тебя?» Империя начинала накладывать свою тяжелую руку на поэзию. Уход Горация в философию так и не состоялся.

Тяжела участь поэта, который хочет писать и лишен этой возможности; но тяжела и участь поэта, который не хочет писать и должен писать против воли. И юбилейный гимн, и оды 17—13 годов до н. э., составившие отдельно изданную IV книгу од, написаны с прежним совершенным мастерством, язык и стих по-прежнему послушны каждому движению мысли поэта, но содержание их однообразно, построение прямолинейно, и пышность холодна. Как будто для того, чтобы смягчить эту необходимость писать о предмете чужом и далеком, Гораций все чаще пишет о том, что ему всего дороже и ближе,— пишет стихи о стихах, стихи о поэзии. В IV книге этой теме посвящено больше од, чем в первых трех; в том послании, которое Гораций был вынужден адресовать Августу (II, 1), он говорит не о политике, как этого, вероятно, хотелось бы адресату, а о поэзии, как этого хочется ему самому; и в эти же последние годы своего творчества он пишет «Науку поэзии», свое поэтическое завещание, обращенное к младшим поэтам.

Слава Горация гремела. Когда он приезжал из своего сабинского поместья в шумный, немилый Рим, на улицах показывали пальцами на этого невысокого, толстенького, седого, подслеповатого и вспыльчивого человека. Но Гораций все более чувствовал себя одиноким. Вергилий и Варий были в могиле, кругом шумело новое литературное поколение — молодые люди, не видавшие гражданских войн и республики, считавшие все-

властие Августа чем-то само собой разумеющимся. Меценат, давно отстраненный Августом от дел, доживал жизнь в своих эсквилинских садах; измученный нервной болезнью, он терзался бессонницей и забывался недолгой дремотой лишь под плеск садовых фонтанов. Когда-то Гораций обещал мнительному другу умереть вместе с ним (II, 17): «Выступим, выступим с тобою вместе в путь последний, вместе, когда б ты его ни начал!» Меценат умер в сентябре 8 года до н. э.; последними его словами Августу были: «О Горации Флакке помни, как обо мне!» Помнить пришлось недолго: через два месяца умер и Гораций. Его похоронили на Эсквилине рядом с Меценатом.

М. Гаспаров

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

ОДЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

К Меценату

Славный внук, Меценат, праотцев царственных,
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастие —
Пыль арены взметать в беге увертливом

Раскаленных колес: пальма победная
Их возносит к богам, мира властителям.
Есть другие, кому любо избранником
Быть квиритов толпы, пылкой и ветреной.

Этот счастлив, когда с поля ливийского
Он собрал урожай в житницы бережно;
А того, кто привык заступом вскапывать
Лишь отцовский надел,— даже богатствами

Всех пергамских царей в море не выманишь
Кораблем рассекать волны коварные.
А купца, если он, бури неистовой
Испугавшись, начнет пылко расхваливать

Мир родимых полей,— вновь за починкою
Видим мы корабля в страхе пред бедностью.
Есть иные, кому с чашей вина сам-друг
Любо день коротать, лежа под деревом

Земляничным, в тени ласковой зелени,
Или у родника вод заповеданных.
Многих лагерь манит,— зык перемешанный
И рогов, и трубы, и ненавистная

Матерям всем война. Зимнего холода
Не боясь, о жене нежной не думая,
Всё охотник в лесу,— свора ли верная
Лань учует в кустах, сети ль кабан прорвет.

Но меня только плющ, мудрых отличие,
К вышним близит, меня роща прохладная,
Где ведут хоровод нимфы с сатирами,
Ставит выше толпы,— только б Евтерпа мне

В руки флейту дала, и Полигимния
Мне наладить пришла лиру лесбийскую.
Если ж ты сопричтешь к лирным певцам меня,
Я до звезд вознесу гордую голову.

2

К Августу-Меркурию

Вдосталь снега слал и зловещим градом
Землю бил Отец и смутил весь Город,
Ринув в кремль святой грозовые стрелы
Огненной дланью.

Всем навел он страх, не настал бы снова
Грозный век чудес и несчастной Пирры,
Век, когда Протей гнал стада морские
К горным высотам,

Жили стаи рыб на вершинах вязов,
Там, где был приют лишь голубкам ведом,
И спасались вплавь над залитым лесом
Робкие лани.

Так и нынче: прочь от брегов этрусских
Желтый Тибр, назад повернувши волны,
Шел дворец царя сокрушить и Весты
Храм заповедный,

Риму мстить грозя за печаль супруги,
Впавшей в скорбь,— хоть сам не велел Юпитер —
Волны мчал он, брег затопляя левый,
Илии верен.

Редким сыновьям от отцов порочных
Суждено узнать, как точили предки
Не на персов меч, а себе на гибель
В распре гражданской.

Звать каких богов мы должны, чтоб Рима
Гибель отвратить? Как молить богиню
Клиру чистых дев, если мало внемлет
Веста молитвам?

Грех с нас жертвой смыть на кого возложит
Бог Юпитер? Ты ль, Аполлон-провидец,
К нам придешь, рамен твоих блеск укрывши
Облаком темным?

Ты ль, Венера, к нам снизойдешь с улыбкой —
Смех и Пыл любви вкруг тебя витают;
Ты ль воззришь на нас, твой народ забытый,
Марс-прародитель?

Ты устал от игр бесконечно долгих,
Хоть и любишь бой, и сверканье шлемов,
И лицо бойца над залитым кровью
Вражеским трупом.

Ты ль, крылатый сын благодатной Майи,
Принял на земле человека образ
И согласье дал нам носить прозванье
«Цезаря мститель»?

О, побудь меж нас, меж сынов Квирина!
Благосклонен будь: хоть злодейства наши
Гнев твой будят, ты не спеши умчаться,
Ветром стремимый,

Ввысь. И тешься здесь получать триумфы,
Здесь зовись отцом, гражданином первым,
Будь нам вождь, не дай без отмщенья грабить
Конным парфянам,

3

К кораблю Вергилия

Пусть, корабль, поведут тебя
  Мать-Киприда и свет братьев Елены — звезд,
Пусть Эол, властелин ветров,
  Всем прикажет не дуть, кроме попутного!

Мы вверяем Вергилия
  На сохрану тебе! Берегу Аттики
Сдай его, невредимого:
  Вместе с ним ты спасешь часть и моей души.

Знать, из дуба иль меди грудь
  Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий челн
Вверить морю суровому:
  Не страшили его Африк порывистый

В дни борьбы с Аквилоном, всход
  Льющих ливни Гиад, ярости полный Нот —
Грозный царь Адриатики,
  Властный бурю взмести, властный унять ее.

Поступь смерти страшна ль была
  Для того, кто без слез чудищ морских видал,
Гребни вздувшихся грозно волн,
  Скал ужасных гряды Акрокеравния?

Пользы нет, что премудрый бог
 Свет на части рассек, их разобщил водой,
Раз безбожных людей ладьи
 Смеют все ж бороздить воды заветные.

Дерзко рвется изведать все,
 Не страшась и греха, род человеческий.
Сын Иапета дерзостный,
 Злой обман совершив, людям огонь принес;

После кражи огня с небес,
 Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
Вдруг на землю напал, и вот
 Смерти день роковой, прежде медлительный,

Стал с тех пор ускорять свой шаг.
 Высь небес испытал хитрый Дедал, надев
Крылья — дар не людей, а птиц;
 Путь себе Геркулес чрез Ахеронт пробил.

Нет для смертного трудных дел:
 Нас к самим небесам гонит безумие.
Нашей собственной дерзостью
 Навлекаем мы гнев молний Юпитера.

4

К Сестию

Злая сдается зима, сменяяся вешней лаской ветра;
Влекут на блоках высохшие днища;
Скот затомился в хлеву, а пахарю стал огонь не нужен;
Луга седой не убеляет иней.

Вот и Венере вослед сплетаются в нежном хороводе
В сиянье лунном Грации и нимфы,
В лад ударяя ногой, пока еще не успел Циклопам
Вулкан, пылая, обойти все кузни.

Нынче пора обвивать нам головы свежим миртом или
Цветами теми, что одели землю.
В роще тенистой пора порадовать Фавна новой жертвой —
Ягненком или козликом, на выбор.

Бледная ломится Смерть одною и тою же ногою
В лачуги бедных и в царей чертоги.
Сестий счастливый! Дана недолгая в жизни нам надежда —
А там охватит Ночь и царство теней,

Там и Плутона жилье унылое, где лишь водворишься,
Не будешь больше править на пирушках,
Ни любоваться красой Ликида, который так пленяет
Всю юность,— вскоре ж дев зазнобой станет.

5

К Пирре

Этот милый, он кто,— мальчик на ложе роз?
Благовоньем облит нежным, с тобою кто
В гроте сладостном, Пирра?
Для кого косы рыжие

Распускаешь, хитря? Ах, и о верности,
И о кознях богов много поплачет тот,
С огорчением видя
Понт под черными ветрами,—

Кто, златою, тобой ныне утешен так,
Тот, кто вечно своей, вечно ласкательной
Мнит тебя, забывая
Ветра прихоти. Горе тем,

Кто, не зная, твой блеск ловят! А мне гласит
Со священной стены надпись, что влажные
Посвятил я морскому
Ризы богу могучему.

К Агриппе

Пусть тебя, храбреца многопобедного,
Варий славит — орел в песнях Меонии —
За дружины лихой подвиги на море
И на суше с тобой, вождем!

Я ль, Агриппа, дерзну петь твои подвиги,
Гнев Ахилла, к врагам неумолимого,
Путь Улисса морской, хитро-лукавого,
И Пелоповы ужасы?

Стыд и Музы запрет, лировладычицы
Мирной, мне не велят, чуждому подвигов,
В скромном даре своем, Цезаря славного
И тебя унижать хвалой.

Как достойно воспеть Марса в броне стальной,
Мериона, что крыт пылью троянскою,
И Тидида вождя, мощной Палладою
До богов вознесенного?

Я пою о пирах и о прелестницах,
Острый чей ноготок страшен для юношей,
Будь я страстью объят или не мучим ей,
Я — поэт легкомысленный,

7

К Мунацию Планку

Пусть, кто хочет, поет дивный Родос, поет Митилену,
Или Эфес, иль Коринф у двуморья,
Вакховы Фивы поет, иль поет Аполлоновы Дельфы,
Или дубравы Темпейской долины.

Только заботы и есть у других, чтобы вечною песнью
Славить столицу безбрачной Паллады,
Ветки оливы себе на венок отовсюду срывая;
Третьи, во имя державной Юноны

Конный восхвалят Аргос и с ним золотые Микены.
Мне же не по сердцу стойкая Спарта
Иль фессалийский простор полей многоплодной Ларисссы:
Мне по душе Альбунеи журчанье,

Быстрый Анио ток, и Тибурна рощи, и влажный
Берег зыбучий в садах плодовитых.
Ясный Нот не всегда приносит дожди проливные —
Он же порою и тучи разгонит.

Помни об этом, о Планк! Печали и тягости жизни
Нежным вином разгонять научайся,
Если владеет тобой значками блистающий лагерь
Или Тибур приманил густотенный.

Тевкр, когда покидал Саламин и отца как изгнанник,
Всё же вином увлажнил свои кудри
И, возложивши на них венок из тополя веток,
Так обратился к друзьям огорченным:

«О, куда бы судьба, что отца добрее, ни мчала,—
Смело вперед, о соратники-други!
Где предводителем Тевкр, где боги за Тевкра, крушиться
Нечего: сам Аполлон непреложно

Нам обещал на новой земле Саламин неизвестный.
Вы, храбрецы, что со мною и раньше
Много горя снесли, вином отгоните заботы,—
Завтра опять в беспредельное море!»

8

К Лидии

Ради богов бессмертных,
Лидия, скажи: для чего ты Сибариса губишь
Страстью своей? Зачем он
Стал чуждаться игр, не терпя пыли арены знойной,

И не гарцует больше
Он среди других молодцов, галльских коней смиряя
Прочной уздой зубчатой?
Иль зачем он стал желтых вод Тибра бояться,— точно

Яда змеи, елея
Избегать, и рук, к синякам прежде привычных, ныне
Не упражняет боем
Он, кто ловко диск и копье раньше метал за знаки?

Что ж, он укрыться хочет,
Как Фетиды сын, говорят, скрыт был под женским платьем,
Чтобы не пасть, с ликийцев
Ратями сойдясь, средь борьбы у обреченной Трои?

9

К виночерпию Талиарху

В снегах глубоких, видишь, стоит, весь бел,
Соракт. Насилу могут леса сдержать
Свой груз тяжелый, и потоки
Скованы прочно морозом крепким.

Рассей же стужу! Щедро подкладывай
В очаг дрова и четырехлетнее
Вино из амфоры сабинской,
О Талиарх, пообильней черпай!

А остальное вверь небожителям.
Лишь захотят,— бушующий на море
Затихнет ветер, и не дрогнут
Ни кипарисы, ни ясень древний.

Что будет завтра, бойся разгадывать
И каждый день, судьбою нам посланный,
Считай за благо. Не чуждайся
Ласки любовной и пляски, мальчик!

Пока ты юн, от хмурых далек седин,—
Всё для тебя, и поле и площади!
И нежный шепот в час условный
Пусть для тебя раздается ночью,

Доколе сладок в темном углу тебе
Предатель-смех таящейся девушки
И мил залог, с запястья снятый
Иль с неупорствующего пальца.

10

К Меркурию

Вещий внук Атланта, Меркурий! Мудро
Ты смягчил людей первобытных нравы
Тем, что дал им речь и назначил меру
Грубой их силе.

Вестник всех богов, я тебя прославлю
В песне. Ты — творец криворогой лиры,
Мастер в шутку все своровать и спрятать,
Что бы ни вздумал.

Ты угнал и скрыл Аполлона стадо,
И сердитый Феб, с малышом ругаясь,
Вдруг среди угроз рассмеялся: видит,
Нет и колчана.

Ты Приама вел незаметно ночью:
Выкуп ценный нес он за тело сына,
В стан врагов идя меж огней дозорных
Мимо Атридов.

В край блаженный ты беспорочных души
Вводишь; ты жезлом золотым смиряешь
Сонм бесплотный — мил и богам небесным,
Мил и подземным.

11

К Левконое

Ты гадать перестань: нам наперед знать не дозволено,
Левконоя, какой ждет нас конец. Брось исчисления
Вавилонских таблиц! Лучше терпеть, что бы ни ждало нас,—
Много ль зим небеса нам подарят, наша ль последняя,
Об утесы дробясь, ныне томит море Тирренское
Бурей. Будь же мудра: вина цеди, долгой надежды нить
Кратким сроком урежь. Мы говорим — годы-завистники
Мчатся. Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему.

12

К Клио

Мужа ты какого, героя ль, бога ль
Лирой хочешь петь или резкой флейтой,
Клио? Имя чье повторит повсюду
Эхо шутливо?

Там, где тень дают Геликона рощи,
Там, где Пинда высь или Гем холодный,
Шли откуда вслед за певцом Орфеем
Рощи покорно?

Матерью учен, замедлял поток он
Бурных рек, ветро́в умерял порывы;
Шли за ним дубы по следам, внимая
Струнам певучим.

Смею ль петь, хвалы не воздав обычной
Всех Отцу? Людей и богов делами
Правит он во все времена, землею,
Морем и небом.

Выше, чем он сам, ничего нет в мире,
И ничто с Отцом не сравнится славой.
Ближе всех к нему занимает место
Дева Паллада,

Что смела в боях. Не пройду молчаньем
И тебя, о Вакх, и тебя, о Дева,
Грозная зверям, и тебя, разящий
Феб-стреловержец.

Помяну Алкида и двух отважных
Близнецов, в борьбе и ристанье славных:
Стоит им блеснуть морякам над морем
Белым сияньем,

Как отхлынет хлябь от камней прибрежных,
Ветры смолкнут вдруг, разбегутся тучи,
И валы в морях, по двойной их воле,
Грозные, стихнут.

Ромула ль затем, времена ли Нумы
Мирные воспеть, помянуть ли Приска
Гордые пучки, иль конец Катона,
Славы достойный?

Регула назвать я хочу и Скавров;
Павла, что лишил себя жизни, видя
Вражьих сил успех; как Фабриций чист был,
Вспомню я с Музой,

И каков в бою был косматый Курий,
И каков Камилл, как и он, суровой
Бедностью тесним и именьем скудным,
Дедов наследством.

Словно древа ствол, у Марцеллов слава
С каждым днем растет, и средь них сверкает
Юлиев звезда, как в кругу созвездий
Царственный месяц.

О, Отец и страж ты людского рода,
Сын Сатурна! Рок поручил охрану
Цезаря тебе: пусть вторым он правит,
Царствуй ты первым.

Все равно, триумф заслужив, кого он
В Рим введет: парфян ли смирённых, Лаций
Мнивших взять, вождей ли индийцев, серов
С края Востока,—

Пусть на радость всем он землею правит,
Ты ж Олимп тряси колесницей грозной,
Стрелы молний шли нечестивым рощам
Гневной десницей.

13

К Лидии

Если, Лидия! Те́лефа
Выю (розовый цвет!), белые Телефа
Руки хвалишь ты,— горе мне! —
Желчью горькой во мне печень вздымается.

Нет ума у меня тогда,
Нет и краски ланит! Слезы, что катятся
По щекам, уличат меня:
Как глубоко горю жгучим я пламенем.

Да, горю,— если снежные
Черезмерным вином плечи зальет тебе,
Иль на губках останется
Долгий знак от зубов юноши буйного.

Если б ты меня слушалась,
Ты отвергла б навек — грубо пятнающих
Нежность уст, что со щедростью
Напитала своим Ве́нера нектаром.

Втрое счастлив и более,
Знает прочные кто узы! Постыдными
Не разъята раздорами,
Их порвется любовь только с последним днем.

14

К Республике

О корабль, вот опять в море несет тебя
Бурный вал. Удержись! В гавани якорь свой
Брось! Ужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже

Весла,— бурей твоя мачта надломлена,—
Снасти страшно трещат,— скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать грозную

Силу волн? Паруса — в клочья растерзаны;
Нет богов на корме, в бедах прибежища;
И борта расписные
Из соснового дерева,

Что в понтийских лесах, славное, срублено,
Не помогут пловцу, как ни гордишься ты.
Берегись! Ведь ты будешь
Только ветра игралищем.

О, недавний предмет помысла горького,
Пробудивший теперь чувства сыновние,
Не пускайся ты в море,
Что шумит меж Цикладами!

15

К Парису

Хитрый в Трою когда на корабле пастух
Вез Елену с собой гостеприимную,—
Вверг в бездействие вдруг ветры Нерей, чтоб им
Злые судьбы из вод вещать:

«Не к добру ты введешь в дом к себе женщину,
За которой придет многое воинство
Греков, давших обет брак уничтожить твой
Вместе с царством Приамовым.

Сколько пота, увы, людям, коням грозит!
Роду Дардана ты сколько смертей везешь!
Вот Паллада уже шлем, колесницу, щит —
Все готовит в жестокий бой.

Не гордись, что с тобой помощь Кипридина!
Тщетно будешь кудрей волны расчесывать,
Тщетно жен чаровать лирными песнями —
Не спастись тебе в тереме

Ни от критской стрелы, ни от тяжелых пик:
Шум ворвется, Аякс быстрый найдет тебя.
Хоть и поздно, увы, все ж, любодей, узнай:
Будут кудри твои в пыли.

Видишь: гибель несут роду троянскому
Сын Лаэрта — Улисс, Нестор — пилосский царь.
Здесь бежит за тобой Тевкр-саламинец, там —
Закаленный в боях Сфенел,

Конеборец лихой, царь колесничников;
За Сфенелом вослед вот Мерион-стрелок,
Вот, храбрейший отца, страстно Тидид, ярясь,
Жаждет — грозный — найти тебя.

Ты же, словно олень, что, увидав волков
В дальнем луга краю, мчится, траву забыв,—
Так и ты побежишь, трус, запыхавшийся:
Не такой, как с Еленою!

Пусть отсрочит конец Трои и жен ее
Гнев Ахилла и флот, битвы с врагом прервав,—
Все ж, когда протечет ряд неизбежных зим,
Греки град Илион сожгут».

16

Палинодия

О дочь, красою мать превзошедшая,
Сама придумай казнь надлежащую
Моим, злословья полным, ямбам:
В волнах морских иль в огне,— где хочешь!

Ни Диндимена в древнем святилище,
Ни Феб, ни Либер не потрясают так
Души жрецов, ни корибанты
Так не грохочут гремящей медью,

Как духи Гнева, коим не страшны ведь
Ни грозный вал морской, ни германца меч,
Ни ярый пламень, ни Юпитер,
С грохотом страшным разящий с неба.

Ведь Прометей, лепя человечий род,
С людскою глиной глину звериную
Смешал, и в недра нашей груди
Злобы вложил и безумья львиных.

Лишь духи Гнева лютую вызвали
Судьбу Фиеста. Гнев был причиною,
Что города бесследно гибли,
И на местах, где стояли стены

Надменный недруг землю распахивал.
Уйми же гнев свой! В дни моей юности
Ведь и меня лишь пыл сердечный
В злобе толкнул написать поспешно

Те ямбы. Ныне горечь прошедшего
Стремлюсь сменить я дружбой и кротостью.
Мою вину мне в новых песнях
Дай искупить и верни мне душу!

17

К Тиндариде

Гостит охотно в рощах Лукретила
Сильван Ликейский, друг моих козочек:
Он бережет их от палящих
Солнца лучей и ветров осенних.

Беспечно бродят жены пахучего
Супруга, в чаще скрытые ягоды
Спокойно ищут — не страшат их
Жала змеиные, зубы волчьи,

Когда в окрестных долах, меж узеньких,
Бегущих в гору тропок на Устике
Звучат божественной цевницы
Полные сладостных чар напевы,

Богам любезен я благочестием
И даром песен. О Тиндарида, здесь
Тебе из рога изобилья
Сельские блага прольются щедро,

Уйдя от зноя в уединенную
Ложбину, будешь петь на теосский лад
Про Пенелопу и Цирцею,
Тайных соперниц в любовной муке;

В саду тенистом будешь потягивать
Со мной за кубком кубок — лесбосское
С его небуйным, легким хмелем,
И опасаться тебе не надо,

Что Кир в припадке яростном ревности
С тебя руками нетерпеливыми
Сорвет венок и растерзает
Ткань неповинной твоей одежды.

18

К Квинтилию Вару

Вар, дерев никаких ты не сажай раньше священных лоз
В рыхлой почве, вблизи Тибура рощ, подле стен Катила;
Трудным делает Вакх тем, кто не пьет, жизненный путь; нельзя
Едких сердца тревог прочь отогнать, кроме вина, ничем.

Кто, из чаши хлебнув, вспомнит про гнет войн или бедности?
Кто не грянет свой гимн Вакху-отцу с милой Венерою?
Но для каждого есть мера в питье: Либер блюдет предел.
Бой кентавров возник после вина с родом лапифов, — вот

Пьяным лучший урок; Вакх, не щадя, диким фракийцам мстит:
То, что можно свершать, то, что нельзя, узкой межой они
Делят, жадные пить. Я же тебя, бог, не дерзну пытать
Против воли твоей; таинств твоих, скрытых от всех плющом,

Я толпе не предам. Только сдержи буйный тимпан и рог!
Вслед за ними идет в злой слепоте дух Себялюбия
И Тщеславье, подняв выше всех мер праздную голову,
И Болтливость, кому вверенных тайн, словно стеклу, не скрыть.

19

К прислужникам. О Гликере

Мать страстей беспощадная,
Дионис молодой, с резвою Вольностью,
Душу вы повелели мне
Вновь доверить любви, было забытой мной.

Восхищен я Гликерою,
Что сияет светлей мрамора Пароса,
Восхищен и задором я,
И опасной для глаз прелестью личика.

Знать, Венера, покинув Кипр,
На меня одного страстью обрушилась:
Про парфян ли, про скифов ли,—
Все, что чуждо любви, петь возбраняет мне.

Так подайте, прислужники,
Дерна свежего мне, веток и ладана
И вина с чашей жертвенной;
Да богиня грядет, жертвой смирённая!

20

К Меценату

Будешь у меня ты вино простое
Пить из скромных чаш. Но его недаром
Я своей рукой засмолил в кувшине
В день незабвенный,

В день, когда народ пред тобой в театре
Встал, о Меценат, и над отчим Тибром
С ватиканских круч разносило эхо
Рукоплесканья.

Цекубским вином наслаждайся дома
И каленских лоз дорогою влагой,—
У меня же, друг, ни Фалерн, ни Формий
Чаш не наполнят.

21

К хору юношей и девушек

Пой Диане хвалу, нежный хор девичий,
Вы же пойте хвалу Кинфию, юноши,
И Латоне, любезной
Всеблагому Юпитеру!

Славьте, девы, ее, в реки влюбленную,
Как и в сени лесов хладного Алгида,
В Эриманфские дебри,
В кудри Крага зеленого.

Вы же, юноши, в лад славьте Темпейский дол,
Аполлону родной Делос и светлого
Бога, рамо чье лирой
И колчаном украшено.

Пусть он, жаркой мольбой вашею тронутый,
Горе войн отвратит с мором и голодом
От народа, направив
Их на персов с британцами!

22

К Аристию Фуску

Для того, кто чист и не тронут жизнью,
Ни к чему, мой Фуск, мавританский дротик,
Ни к чему колчан, отягченный грузом
Стрел ядовитых,

Держит ли он путь по кипящим Сиртам,
Или на Кавказ негостеприимный,
В сказочный ли край, где о берег плещут
Воды Гидаспа.

И меня, когда по лесам сабинским,
Лалагу мою воспевая громко,
Я брожу один, невооруженный,
Волк обегает,

Лютый зверь, каких не питают гордой
Давнии леса под широкой сенью,
Ни косматых львов родина сухая —
Край нумидийский.

Брось меня туда, где дыханье лета
Не живит лесов и полей увялых,
В те края, куда нагоняет злые
Тучи Юпитер,

Брось туда, где Солнце пылает ближе,
Убивая жизнь,— все равно я буду
Лалагу любить, что лепечет сладко,
Сладко смеется.

23

К Хлое

Ты бежишь от меня, Хлоя, как юная
Лань, которая мать в дебрях утратила
И напрасно страшится
Леса легкого лепета.

Задрожит ли листва в вешнем дыхании,
Шелохнет ли слегка ловкая ящерка
Веточку ежевики,—
Вся она уже в трепете.

Ведь не тигр я, не лев, Ливии страшный сын,
Чтоб тебя растерзать, хищно набросившись.
Брось за матерью бегать:
Зреешь ты для супружества!

24

К Вергилию,
на смерть Квинтилия Вара

Сколько слез ни прольешь, все будет мало их —
Так утрата горька! Плачу надгробному,
Муза, нас научи: дар благозвучия
От отца получила ты.

Наш Квинтилий, увы! спит непробудным сном.
Канут в бездну века, прежде чем Праведность,
Честь и Верность найдут мужа, усопшему
В добродетелях равного.

Много честных сердец ранила смерть его;
Но, Вергилий, твое ранено всех больней.
Тщетно молишь богов друга вернуть тебе,
Им любовно врученного.

Пусть рокочет твоя лира нежнее той,
Чьим напевам внимал бор зачарованный,—
Не наполнится вновь кровью живительной
Тень, что страшным жезлом своим

Бог Меркурий, глухой к просьбам и жалобам,
В мрачный круг оттеснил немощных призраков.
Тяжко! Но, не ропща, легче мы вынесем
То, чего изменить нельзя.

25

К Лидии

Реже всё трясут запертые окна
Юноши, стуча вперебой, лихие:
Не хотят твой сон прерывать; и любит
Дверца порог свой,—

Легкие в былом чьи скрипели часто
Петли. Слышишь ты уж все реже, реже:
«Ты, пока всю ночь по тебе страдаю,
Лидия, спишь ли?»

Дерзких шатунов в свой черед, старуха,
Бедная, в глухом тупике оплачешь,
Фра́кийский когда голосит под ново-
лунием ветер.

Ярая любовь пусть тебе и жажда
Та, что кобылиц распаляет часто,
Раненную жжет неотступно печень,—
Пусть ты и плачешь.

Пылкая, плющом молодежь зеленым
Тешится всегда, как и темным миртом,
Мертвые листы предавая Эвру,
Осени другу.

26

К Музам. Об Элии Ламии

Любимец Муз, я грусть и волнения
Отдам развеять ветрам стремительным
В Эгейском море. Что за дело
Мне до угроз полуночных скифов

И до забот державца парфянского?
О Муза, Муза, дочерь Пиерии,
Ключей ты любишь свежесть; свей же,
Свей же для Ламии цвет весенний

В венок душистый. Что́ без тебя моя
Хвала? Достоин быть он прославленным
Тобой и сестрами твоими
Плектром лесбийским на струнах новых.

27

К пирующим

Кончайте ссору! Тяжкими кубками
Пускай дерутся в варварской Фракии!
Они даны на радость людям —
Вакх ненавидит раздор кровавый!

Зачем блестит меж вин и светильников
Кинжал мидийский? Тише, приятели!
Умерьте крик и гам безбожный
И возлежите, склонясь на локоть...

Я должен с вами выпить фалернского?
Идет! Но пусть сначала признается
Мне брат Мегиллы Опунтийской,
Кто его ранил стрелой блаженства?

Не говоришь? Иначе не буду пить!
Любовь какая б ни увлекла тебя,
Палит она огнем не стыдным,—
Лишь в благородной любви ты грешен!

Что б ни таил, шепни-ка мне на ухо,—
Тебя не выдам. О злополучный мой,
В какой мятешься ты Харибде,
Юноша, лучшей любви достойный!

Какой ведун иль ведьма Фессалии
Тебя изымет зельями? Бог какой?
Из этих уз тройной Химеры
Вряд ли тебя и Пегас исторгнет!

28

К Архиту Тарентскому

Славный Архит, земель, и морей, и песков исчислитель,
Ныне лежишь ты, покрытый убогой
Малою горстью песка у большого Матинского мыса!
Что из того, что умом дерзновенным

Ты облетел и небесную твердь, и эфирные выси?
Смертной душе не укрыться от смерти.
Пал и Пелопа отец, хоть и был он богов сотрапезник,
Умер Тифон, к небесам вознесенный,

Умер Минос, посвященный Юпитером в тайны; владеет
Орк Пантоидом, вернувшимся в Тартар,
Хоть и рассказывал он, свой щит на стене узнавая,
Как воевал он под башнями Трои,

Хоть и учил он, что смерть уносит лишь кожу да жилы,
Хоть и великим он был тайновидцем
Истин природы, как сам ты твердишь; но всех ожидает
Черная ночь и дорога к могиле.

Фурии многих дают на потеху свирепому Марсу,
Губит пловцов ненасытное море,
Старых и юных гробы теснятся везде: Прозерпина
Злая ничьей головы не минует.

Так и меня потопил в Иллирийских волнах буреносный
Нот, Ориона сходящего спутник.
О мореплаватель, ты хоть горстку летучего праха
Брось на мои незарытые кости.

Не поскупись! И пускай за это грозящие ветры
Прочь повернут от волны Гесперийской
К рощам Венузии, ты же свой путь продолжай невредимо:
Пусть на тебя справедливый Юпитер

Щедро прольет дары, и Нептун, охранитель Тарента.
Грех совершить ни во что ты не ставишь?
Может ведь это и детям твоим повредить неповинным;
Суд по заслугам с возмездием строгим

Ждет и тебя: не пребудут мольбы мои без отмщенья,
Жертвы тебя не спасут никакие.
Пусть ты спешишь,— недолга надо мною задержка: три горсти
Брось на могилу мою,— и в дорогу!

29

К Икцию

Мой Икций, ты ль счастливой Аравии
Сокровищ жаждешь, страшной войной грозишь
Царям непокоренной Савы,
Цепи куешь для мидян ужасных?

Какая дева-иноплеменница,
Когда в бою падет ее суженый,
Тебе послужит? Что за отрок
Чашником будет твоим кудрявым

Из дальних серов, стрелы привыкнувший
Метать из лука царского? Можно ли
Сказать, что Тибр не возвратится,
Реки не хлынут к истокам горным,

Коль ты, скупивший книги Панэтия
И вместе с ними мудрость Сократову,
Нам посулив благое, хочешь
Их обменять на испанский панцирь?

30

К Венере

О царица Книда, царица Пафа,
Снизойди, Венера, в волнах курений
С Кипра в светлый дом молодой Гликеры,
Вняв ее зову.

Пусть с тобой спешат и твой мальчик пылкий,
Грации в своих вольных тканях, нимфы,
Без тебя тоской повитая Геба,
С ней и Меркурий.

31

К Аполлону

О чем ты молишь Феба в святилище,
Поэт, из чаши струи прозрачного
Вина лия? Не жатв сардинских —
Славных полей золотое бремя,

Не стад дородных знойной Калабрии,
Слоновой кости, злата индийского,
Не тех усадеб, близ которых
Лирис несет молчаливы воды.

Пусть те срезают гроздья каленские,
Кому Фортуной дан благосклонный серп,
И пусть купец черпает кубком
Сирии вина, окончив куплю:

Богам любезный, воды Атлантики
Он за год трижды видит бестрепетно,
Меня ж питают здесь оливки,
Легкие мальвы, цикорий дикий.

Дай, сын Латоны, тем, что имею я,
Дышать и жить мне, тихую старость дай,
Оставь мне здравый толк и даруй
С милой кифарой не знать разлуки.

32

К лире

Лира! нас зовут. Коль в тени досуга
Мы могли напеть тот напев, который
Нас переживет — одари нас ныне
Песней латинской!

На тебе звенел гражданин лесбосский,
Грозный в дни войны: меж двумя боями,
Приведя корабль, изможденный бурей,
К брегу сырому,

Либера, и Муз, и Венеру пел он,
Мальчика, что с ней неразлучен вечно,
Черные глаза молодого Лика,
Темные кудри.

О, желанный гость на пирах бессмертных,
Лучшее из всех украшений Феба,
Исцелитель мук, я к тебе взываю,
Ладная лира!

33

К Альбию Тибуллу

Альбий, ты не тужи, в сердце злопамятно
Грех Гликеры нося, в грустных элегиях
Не пеняй, что она младшего возрастом
Предпочла тебе ветрено.

Ликорида, чей лоб сужен изысканно,
К Киру страстью горит; Кир же Фолоею
Увлечен; но скорей, впрямь, сочетаются
Козы с волчьим отродием,

Чем Фолоя впадет в любодеяние.
Так Венере самой, видно, уж нравится,
Зло шутя, сопрягать тех, что не сходствуют
Ни душою, ни внешностью.

Вот и мне довелось быть, когда лучшая
Улыбалась любовь, скованным с Мирталой,
Что бурливей была моря вдоль выступов
И изгибов Калабрии.

34

К самому себе

Богов поклонник редкий и ветреный,
Хотя безумной мудрости следуя,
Блуждал я, ныне вспять направить
Я принужден свой челнок и прежних

Путей держаться. Ибо Диеспитер,
Обычно тучи молнией режущий,
Вдруг по безоблачному небу
Ко́ней промчал с грохотаньем тяжким,

Что потрясает землю недвижную
И зыби рек, и Стикс, и ужасные
Врата Тенара, и Атланта
Крайний предел. Божеству подвластно

Высоким сделать низкое, славного
Низринуть сразу, выявить скрытое:
Судьба венец с тебя срывает,
Чтобы, ликуя, венчать другого.

35

К Фортуне

Богиня! Ты, что царствуешь в Антии!
Ты властна смертных с низшей ступени ввысь
Вознесть, и гордые триумфы
В плач обратить похоронный можешь.

К тебе взывает, слезной мольбой томя,
Крестьянин бедный; вод госпожу, тебя
Зовет и тот, кто кораблями
Критское море дразнить дерзает.

Тебя страшится дак и бродячий скиф,
Народы, грады, страны, надменный Рим,
И мать восточного владыки,
И беспощадный тиран в порфире

Трепещут, как бы дерзкой стопою ты
В дворцы не вторглась; как бы толпа, сойдясь,
«К оружью!» — не звала, «к оружью!»
Медлящих граждан, чтоб власть низвергнуть.

И Неизбежность, верная спутница,
Перед тобой в железной руке несет
Стальные гвозди, крючья, клинья,
Скобы кривые — для глыб скрепленья.

А за тобою — Верность с Надеждою,
В одежде белой, душ утешители
В тот час, как в гневе ты оставишь
Взысканных домы, облекшись в траур,

И разбежится челядь их низкая,
Уйдет подруга, хитрый покинет друг,
Допив вино, сцедив осадок,
Друга ярмо разделять не склонный.

Храни ж, богиня, Цезаря за морем
В войне британской! Юношей свежий рой
Храни, чтоб рос он, страх внушая
Красному морю, всему Востоку!

Увы! Нам стыдно братоубийственных
Усобиц наших. Чем не преступны мы?
Чего еще не запятнали
Мы, нечестивцы? Чего из страха

Пред высшей силой юность не тронула?
Дала пощаду чьим алтарям?.. О, пусть
Ты вновь мечи перековала б
Против арабов и массагетов!

36

К Плотию Нумиде

Фимиамом, и струнами,
И закланьем тельца, жертвою должною,
Ублажим мы богов за то,
Что Нумиду они к нам из Испании

Невредимым доставили.
Всех лобзая друзей, больше чем Ламию
Никого не лобзает он,
Помня, что при одном дядьке взросли они,

Вместе в тогу оделися.
Ныне белой чертой день сей отметим мы!
Пусть амфоры чредой идут,
Пляшут ноги пускай, словно у салиев.

Пусть в фракийском питье наш Басс
Дамалиде не сдаст, жадной до выпивки;
Пир украсят пусть груды роз,
Зелень мирты, и в ней — лилия бледная.

Все стремить взоры томные
К Дамалиде начнут, но Дамалида лишь
К полюбовнику новому
Будет жаться тесней, чем сладострастный плющ.

37

К пирующим

Теперь — пируем! Вольной ногой теперь
Ударим оземь! Время пришло, друзья,
Салийским угощеньем щедро
Ложа кумиров почтить во храме!

В подвалах древних не подобало нам
Цедить вино, доколь Капитолию
И всей империи крушеньем
Смела в безумье грозить царица

С блудливой сворой хворых любимчиков,
Уже не зная меры мечтам с тех пор,
Как ей вскружил успех любовный
Голову. Но поутихло буйство,

Когда один лишь спасся от пламени
Корабль, и душу, разгоряченную
Вином Египта, в страх и трепет
Цезарь поверг, на упругих веслах

Гоня беглянку прочь от Италии,
Как гонит ястреб робкого голубя
Иль в снежном поле фессалийском
Зайца охотник. Готовил цепи

Он роковому диву. Но доблестней
Себе искала женщина гибели:
Не закололась малодушно,
К дальним краям не помчалась морем.

Взглянуть смогла на пепел палат своих
Спокойным взором и, разъяренных змей
Руками взяв бесстрашно, черным
Тело свое напоила ядом,

Вдвойне отважна. Так, умереть решив,
Не допустила, чтобы суда врагов
Венца лишенную царицу
Мчали рабой на триумф их гордый.

38

К прислужнику

Ненавистна, мальчик, мне роскошь персов,
Не хочу венков, заплетенных лыком.
Перестань искать, где еще осталась
Поздняя роза.

Мирт простой ни с чем не свивай прилежно,
Я прошу. Тебе он идет, прислужник,
Также мне пристал он, когда под сенью
Пью виноградной.

КНИГА ВТОРАЯ

1

К Азинию Поллиону

Времен Метелла распри гражданские,
Причина войн, их ход, преступления,
Игра судьбы, вождей союзы,
Страшные гражданам, и оружье,

Неотомщенной кровью залитое,—
Об этом ныне с гордой отвагою
Ты пишешь, по огню ступая,
Что под золою обманно тлеет.

Пусть ненадолго строгой трагедии
Примолкнет Муза,— судьбы отечества
Поведав людям, ты наденешь
Снова высокий котурн Кекропа,—

О Поллион, ты — щит обвиняемых,
Ты на совете — помощь для курии,
Тебя триумфом далматинским
Увековечил венок лавровый...

Слух оглушен рогов грозным ропотом,
Уже я слышу труб рокотание,
Уже доспехов блеск пугает
Всадников строй и коней ретивых.

Уже я слышу глас ободряющий
Вождей, покрытых пылью почетною,
И весть, что мир склонился долу,
Весь, кроме твердой души Катона.

Кто из богов с Юноной был афрам друг
И, не отмстив, в бессилье покинул их,
Тот победителей потомство
Ныне Югурте приносит в жертву.

Какое поле, кровью латинскою
Насытясь, нам не кажет могилами
Безбожность битв и гром паденья
Царства Гесперии, слышный персам?

Какой поток, пучина не ведают
О мрачной брани? Море Италии
Резня какая не багрила?
Где не лилась наша кровь ручьями?

Но, чтоб, расставшись с песнью шутливою,
Не затянуть нам плача Кеосского,
Срывай, о Муза, легким плектром
В гроте Дионы иные звуки.

2

К Саллюстию Криспу

Ты, Саллюстий Крисп, серебра не любишь,
Коль оно не блещет в разумной трате.
Пользы в деньгах нет, коли они зарыты
В землю скупцами.

Будет Прокулей жить в веках грядущих,
Нежного отца заменив для братьев,
Вознесет его на нетленных крыльях
Вечная слава.

Алчность обуздав, будешь ты скорее
На земле царем, чем к далеким Гадам
Ливию придав и рабами сделав
Два Карфагена.

Жажде волю дав, все растет водянка,
Теша блажь свою, коль исток болезни
Не оставит жил, а дурная влага —
Бледного тела.

Пусть сидит Фраат на престоле Кира!
Отучая чернь от понятий ложных,
С нею врозь идя, не узрит счастливца
В нем Добродетель.

Ведь она и власть, и венец надежный,
И победный лавр лишь тому дарует,—
Кто бы ни был он,— кто глядит на злато
Взором бесстрастным.

3

К Деллию

Хранить старайся духа спокойствие
Во дни напасти; в дни же счастливые
Не опьяняйся ликованием,
Смерти подвластный, как все мы, Деллий,

Печально ль жизни будет течение,
Иль часто будешь ты услаждать себя
Вином Фалерна лучшей метки,
Праздник на мягкой траве встречая.

Не для того ли тень сочетается
Сосны огромной с тополя белого
Отрадной тенью, не к тому ли
Гибкий ручей в берегах играет,

Чтобы сюда ты вина подать велел,
Бальзам и розы, кратко цветущие,
Пока судьба, года и Парок
Темная нить еще срок дают нам.

Ведь ты оставишь эти угодия,
Что Тибр волнами моет янтарными,
И дом с поместьем,— и богатством
Всем завладеет твоим наследник.

Не все ль равно, ты Инаха ль древнего
Богатый отпрыск, рода ли низкого,
Влачащий дни под чистым небом,—
Ты беспощадного жертва Орка.

Мы все гонимы в царство подземное,
Вертится урна: рано ли, поздно ли —
Наш жребий выпадет, и вот он —
В вечность изгнанья челнок пред нами.

4

К Ксанфию

Ксанфий, не стыдись, полюбив служанку!
Вспомни, что раба Брисеида также
Белизной своей покорила снежной
Гордость Ахилла.

Вспомни: и Аякс, Теламона отпрыск,
Пленной был склонен красотой Текмессы;
Вспыхнул и Атрид посреди триумфа
К деве плененной

Вслед за тем, как вождь фессалийцев славный
Варваров сломил, и как смерть героя
Гектора дала утомленным грекам
Трою в добычу.

Может быть, тебя осчастливит знатный
Род Филлиды вдруг; может быть, затмила
Царскую в ней кровь лишь судьбы немилость,—
Кто это знает?

Верь, что не могла б из презренной черни
Вырасти такой бескорыстной, верной,
Если бы была рождена Филлида
Матерью низкой.

Рук ее, лица, как и ног точеных
Красоту хвалю я без задней мысли;
Подозренья брось: ведь уже пошел мне
Пятый десяток!

5

К Лалаге

Она покуда шеей покорною
Ярмо не в силах вынести тесное,
В труде равняясь паре, или
Тяжесть быка, что взъярен любовью.

Ее мечты — средь луга зеленого,
Где телке любо влагой проточною
Умерить зной или резвиться
В стаде телят в ивняке росистом.

К незрелым гроздьям брось вожделение:
Придет пора, и ягоды бледные
Лозы окрасит в цвет пурпурный
Пестрая осень в черед обычный.

Свое получишь: время жестокое
Бежит, и ей те годы придаст оно,
Что у тебя отнимет: скоро
Лалага будет искать супруга

И всех затмит: Фолою пугливую
И Хлору, что, как месяц над заводью,
Сияет белыми плечами,
Споря красою с книдийцем Гигом,

Который, если он замешается
В девичий круг, то длинными кудрями
И ликом женственным обманет
Даже того, кто пытлив и зорок.

6

К Септимию

Ты со мною рад и к столпам Геракла,
И к кантабрам плыть, непривычным к игу,
И в Ливийский край, где клокочут в Сирте
Маврские волны.

Ну, а мне милей в пожилые годы
Тибур, что воздвиг гражданин Аргосский,—
Отдохну я там от тревог военных
Суши и моря.

Если ж злые в том мне откажут Парки,
Я пойду в тот край, для овец отрадный,
Где шумит Галез, где когда-то было
Царство Фаланта.

Этот уголок мне давно по сердцу,
Мед не хуже там, чем с Гиметтских склонов,
А плоды олив без труда поспорят
С пышным Венафром,

Там весна долга, там дарит Юпитер
Смену теплых зим, и Авлон, что Вакху-
Плодоносцу люб, зависти не знает
К лозам Фалерна.

Тот блаженный край и его стремнины
Ждут меня с тобой, там слезою должной
Ты почтишь, скорбя, неостывший пепел
Друга-поэта.

7

К Помпею Вару

В дни бурь и бедствий, друг неразлучный мой,
Былой свидетель Брутовой гибели,
Каким ты чудом очутился
Снова у нас под родимым небом?

Помпей, о, лучший из собутыльников,
Ты помнишь, как мы время до вечера
С тобой за чашей коротали,
Вымочив волосы в благовоньях?

Ты был со мною в день замешательства,
Когда я бросил щит под Филиппами,
И, в прах зарыв покорно лица,
Войско сложило свое оружье.

Меня Меркурий с поля сражения
В тумане вынес вон незамеченным,
А ты подхвачен был теченьем
В новые войны, как в волны моря.

Но ты вернулся, слава Юпитеру!
Воздай ему за это пирушкою:
Уставшее в походах тело
Надо расправить под тенью лавра.

Забудемся над чашами массика,
Натремся маслом ароматическим,
И нам сплетут венки из мирта
Или из свежего сельдерея.

Кто будет пира распорядителем?
Клянусь тебе, я буду дурачиться
Не хуже выпивших фракийцев
В честь возвращенья такого друга.

8

К Барине

Если б как-нибудь за измену клятвам
Пострадать тебе привелось, Барина,
Почернел бы зуб у тебя иль ноготь
Стал бы корявым.

Я поверить мог бы тебе, но только
Поклянешься ты и обманешь, тотчас
Ты пышней цветешь, и с ума ты сводишь
Юношей то́лпы.

Ты умеешь лгать, поминая в клятвах
И отцовский прах, и ночное небо,
И безмолвье звезд, и богов, не знавших
Смерти холодной.

Но от этих клятв лишь смешно Венере,
И смеются нимфы, и сам жестокий
Купидон, точа на бруске кровавом
Жгучие стрелы.

А тебе меж тем поколенье юных
Вновь растет рабов, и не могут бросить
Толпы старых дом госпожи безбожной,
Как ни страдают.

В страхе мать дрожит пред тобой за сына
И старик скупой; молодые жены
За мужей своих пред твоим трепещут
Жадным дыханьем.

9

К Вальгию Руфу

Не век над полем небу туманиться,
Не век носиться ветру над Каспием,
Кружа неистовые бури;
И не навек, дорогой мой Вальгий,

Окован стужей берег Армении;
И под Бореем, веющим с севера,
Гарганский дуб не вечно гнется;
Вязам недолго знать платье вдовье.

Зачем же льешь ты песни плачевные
О милом Мисте, смертью похищенном?
Горит ли Веспер или меркнет —
Не покидает тебя твой пламень.

Ты помнишь старца многовекового?
Не вечно плакал он по Антилоху,
И над Троилом не рыдали
Сестры-фригиянки год за годом.

Забудь же, Вальгий, жалобы женские!
Прославь нам лучше Августа-цезаря,
Грядущего в победных лаврах,
Снежный покров нам прославь Нифата,

Мидийцев реку, ныне покорную,
Волною прежде бурно кипевшую,
И в областях, им отведенных,
Конников скифских неутомимых.

10

К Лицинию Мурене

Правильнее жить ты, Лициний, будешь,
Пролагая путь не в открытом море,
Где опасен вихрь, и не слишком близко
К скалам прибрежным.

Выбрав золотой середины меру,
Мудрый избежит обветшалой кровли,
Избежит дворцов, что рождают в людях
Черную зависть.

Ветер гнет сильней вековые сосны,
Падать тяжелей высочайшим башням,
Молнии удар поражает чаще
Горные выси.

В горестях надежд, опасений в счастье
Не теряет муж с закаленным сердцем.
И приводит к нам и уводит зимы
Тот же Юпитер.

Плохо пусть сейчас — не всегда так будет.
Не всегда и Феб напрягает лук свой:
Час придет — и звонкой струной он будит
Сонную Музу.

Бедами стеснен, ты не падай духом,
Мужественным будь. Но умей убавить,
Если вдруг крепчать стал попутный ветер,
Парус упругий.

11

К Квинтию Гирпину

О том, что мыслит храбрый кантабр и скиф,
За дальним брегом бурного Адрия,
Не думай, Квинт Гирпин, не думай
И не волнуйся о нуждах жизни,

Довольной малым... Юность цветущая
С красою вместе быстро уносится,
И старость гонит вслед за ними
Резвость любви и беспечность дремы.

Не век прекрасны розы весенние,
Не век кругла луна светозарная,—
Зачем же мир души не вечной
Ты возмущаешь заботой дальней?

Пока мы живы, лучше под пинией
Иль под платаном стройным раскинуться,
Венком из роз прикрыв седины,
Нардом себя умастив сирийским,

И пить! Ведь Эвий думы гнетущие
Рассеет быстро. Отрок, проворнее
Фалерна огненную влагу
Ты обуздай ключевой водою!

А ты из дома, что в стороне стоит,
Красотку Лиду вызови,— пусть она
Спешит к нам с лирой, косы наспех
В узел связав на манер лаконский.

12

К Меценату

В мягких лирных ладах ты не поведаешь
Долголетней войны с дикой Нуманцией,
Ганнибалову ярь, море Сицилии,
От крови пунов алое;

Злых лапифов толпу, Ги́лея буйного
И Земли сыновей, дланью Геракловой
Укрощенных,— от них светлый Сатурна дом,
Трепеща, ждал погибели.

Лучше ты, Меценат, речью обычною
Сказ о войнах веди Цезаря Августа
И о том, как, склонив выю, по городу
Шли цари, раньше грозные.

Ну, а я воспою, Музе покорствуя,
Звонкий голос твоей милой Ликимнии,
Ясный блеск ее глаз, грудь ее, верную
Неизменной любви твоей.

Ей к лицу выводить цепь хороводную;
В играх первою быть; в пляске, в Дианин день,
В храме, полном людей, руки протягивать
К девам, пышно разряженным.

Все богатства казны Ахеменидовой,
Аравийских дворцов, пашен Мигдонии
Неужели бы ты взял за единственный
Волос милой Ликимнии

В миг, как шею она страстным лобзаниям
Отдает, иль тебя, в шутку упорствуя,
Отстранит, чтоб силком ты поцелуй сорвал —
Или чтобы самой сорвать?

13

К рухнувшему дереву

Кто в черный день садил тебя, дерево,
И, посадив, рукою преступною
Взрастил потомкам на погибель
И на позорище всей округе,—

Тот, верно, задушил старика отца,
Тот, верно, в полночь сени священные
Залил невинной кровью гостя,
Тот и колхийской губил отравой,

И всем, что есть на свете ужасного,
Раз им в моих пределах посажено
Ты, злое дерево, чтоб рухнуть
Так, без причин, на главу владельца.

Никто не может знать и предчувствовать,
Когда какой беречься опасности:
Моряк боится лишь Босфора
И о других не гадает бедах;

Солдат — парфянских стрел и отбега вспять:
Парфянин — мощи римлян карающих;
А смерть ко всем идет нежданной,
Схитила многих и многих схитит.

Я Прозерпины царство суровое
Чуть не узрел, Эака, что суд творит,
И те обители блаженных,
Где на лесбийских тоскует струнах

Сапфо, томясь о девах Эолии,
И где Алкей, взмахнув золотым смычком,
Поет так звучно грозы моря,
Грозы изгнанья, сражений грозы.

Словам, достойным священнодействия,
Дивятся тени в чинном безмолвии,
Но вновь сдвигаются, заслышав
Песнь про бои, про царей сверженье.

Что дива в том, что уши стоглавый пес
Забыл под эту песнь настораживать
И жалами не водят змеи,
Что в волосах Евменид таятся,

Коль Прометей с Пелопа родителем
Забвенье муки в звуках тех черпают
И Орион на боязливых
Рысей и львов не ведет охоты?

14

К Постуму

О Постум, Постум! Как быстротечные
Мелькают годы! Нам благочестие
Отсрочить старости не может,
Нас не избавит от смерти лютой,

Хотя бы жертвой трижды обильною
Смягчить пытался ты беспощадного
Плутона, в чьем плену томятся
Даже трехтелые великаны,

За той рекою мрачной, которую
Мы все, земли дарами живущие,
Переплываем — властелины
Или смиренные поселяне.

К чему бежать нам Марса жестокого
И бьющих в берег волн Адриатики,
К чему нам осенью бояться
Австра, что рушит здоровье наше?

Мы все увидим черный, извилистый
Коцит, волной ленивою плещущий,
Бесславных дочерей Даная,
Труд Эолида Сизифа вечный.

Оставим землю, дом и любезную
Супругу, а из всех, что растили мы,
Дерев последуют за нами
Только постылые кипарисы.

Возьмет наследник вина, хранимые
За ста замками, на пол расплещет он
Цекубских гроздей сок, какого
Даже понтифики не пивали.

15

О римской роскоши

Земли уж мало плугу оставили
Дворцов громады; всюду виднеются
Пруды, лукринских вод обширней,
И вытесняет платан безбрачный

Лозы подспорье — вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены маслины рощи,
Столько плодов приносившей прежде;

И лавр густою перенял зеленью
Весь жар лучей... Не то заповедали
Нам Ромул и Катон суровый,—
Предки другой нам пример давали.

Скромны доходы были у каждого,
Но умножалась общая собственность;
В своих домах не знали предки
Портиков длинных, лицом на север,

Простым умели дерном не брезговать
И дозволяли камень обтесанный
Лишь в государственных постройках
Да при убранстве священных храмов.

16

К Помпею Гросфу

Мира у богов мореход эгейский
Просит в грозный час налетевшей бури,
Из-за черных туч в небесах не видя
Звезд путеводных,

Мира просит гет, утомлен войною,
Мира просит перс, отягченный луком,
Только мира, Гросф, не купить за пурпур,
Жемчуг и злато.

Ибо никого не спасут богатства
И высокий сан от томлений духа
И забот ума, что и под роскошной
Кровлей витают.

Хорошо тому, кто богат немногим,
У кого блестит на столе солонка
Отчая одна, но ни страх, ни страсти
Сна не тревожат.

Что ж стремимся мы в быстротечной жизни
К многому? Зачем мы меняем страны?
Разве от себя убежать возможно,
Родину бросив?

Всходит на корабль боевой Забота,
За конями турм боевых несется,
Легче, чем олень, и быстрей, чем ветер,
Тучи несущий.

Будь доволен тем, что в руках имеешь,
Ни на что не льстись и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
Быть совершенным.

Славен был Ахилл, но погиб он рано;
Долго жил Тифон, но иссох убого;
Мне ж, быть может, то, в чем тебе откажет,
Время дарует.

У тебя стада в сицилийском поле
Блеют и мычат, у тебя в квадриге
Кобылица ржет, у тебя одежду
Пурпур окрасил.

У меня — полей небольшой достаток,
Но зато даны мне нелживой Паркой
Эллинских Камен нежный дар и к злобной
Черни презренье.

17

К Меценату

Зачем томишь мне сердце тоской своей?
Так решено богами и мной самим:
Из нас двоих умру я первым,
О Меценат, мой оплот и гордость!

А если смерть из двух половин души
Твою похитит раньше,— зачем тогда
Моей, калеке одинокой,
Медлить на свете? Тот день обоим

Принес бы гибель. Клятву неложную
Тебе даю я: выступим, выступим
С тобою вместе в путь последний,
Вместе, когда б ты его ни начал!

Ничто не в силах нас разлучить с тобой:
Ни злость Химеры пламенно-дышащей,
Ни мощь сторукого Гианта,—
Правда и Парки о том судили.

Весов созвездье иль Скорпион лихой
Вершит мне участь, ставши владыкою
В мой час рожденья, Козерог ли,
Волн Гесперийских владыка мощный,—

Но как-то дивно наши созвездия
Друг с другом сходны: спас тебя блещущий
Отец Юпитер от Сатурна,
Крылья замедлив Судьбы летучей

В тот год, когда народ многочисленный
В театре трижды рукоплескал тебе;
Меня ж, над головой обрушась,
Дерево чуть не лишило жизни,

Но Фавн, хранитель паствы Меркурия,
Отвел удар. Итак, не жалей богам
В обетном храме жертв обильных,—
Я же зарежу простую ярку.

18

К алчному

У меня ни золотом,
  Ни белой костью потолки не блещут;
Нет из дальней Африки
  Колонн, гиметтским мрамором венчанных;

Не был я наследником
  Царей пергамских пышного чертога,
И одежд пурпуровых
  Не ткут мне жены честные клиентов.

Но за то, что лирою
  И песнопенья даром я владею,—
Мил я и богатому.
  Ни от богов, ни от друзей не жду я

Блага в жизни большего:
  Одним поместьем счастлив я сабинским.
Днями дни сменяются,
  И, нарождаясь, вечно тают луны;

Ты ж готовишь мраморы,
  Чтоб строить новый дом, когда могила
Ждет тебя разверстая,
  И выдвигаешь насыпями в Байях

Берег в море шумное,
  Как будто тесно для тебя на суше!
Что ж? Тебе и этого
  Еще все мало, и, межи срывая,

Рад своих клиентов ты
  Присвоить землю,— и чета несчастных
С грязными ребятами
  Богов отцовских тащит, выселяясь...

А меж тем вернее нет
  Дворца, что ждет у жадного Плутона
Барина богатого
  В конце дороги. Что ж еще ты бьешься?

Та же расступается
  Земля пред бедным, как и пред царями!
Прометея хитрого
  Не спас Харон за золото из Орка;

Тантал, как и Тантала
  Весь гордый род, обуздан в царстве мертвых;
Так бедняге честному
  Плутон поможет, званый и незваный.

19

К Вакху

Я видел: Вакх в пустыне утесистой
Учил — о, диво! — мудрости песенной,
Внимаем сонмом нимф и чутким
Племенем сáтиров козлоногих.

Священным сердце полное трепетом,
Едва дыханье Вакха почуяло,
Ликует! Смилуйся, о Либер,
Смилуйся, тяжким разящий тирсом!

Дано мне петь вакханок неистовство,
Вино и млеко реки струящие
В широких берегах, и меда
Капли, сочащиеся из дупел.

Дано к созвездьям славу причтенную
Жены блаженной петь, и Пенфеевых
Чертогов рушимые кровли,
И эдонийского казнь Ликурга.

Ты кажешь путь потокам и морю грань;
Обрызган лозным хмелем, в ущельях гор
Узлом нежалящим змеиным
Ты Бистонид обвиваешь кудри.

Когда по кручам к отчим царениям
Рвалось Гигантов грешное полчище,
Ты ниспроверг в обличье львином
Рета когтями и грозной пастью.

Для хороводных игр и веселия,
А не для буйной мнившийся созданным
Войны, таков же в гуще боя
Был ты, каков и в забавах мирных.

Тебя узрев и рог золотой узнав,
Безвредный Цербер трепетно взмахивал
Хвостом и по твоем возврате
Ноги лизал треязычной пастью.

20

К Меценату

Взнесусь на крыльях мощных, невиданных,
Певец двуликий, в выси эфирные,
С землей расставшись, с городами,
Недосягаемый для злословья.

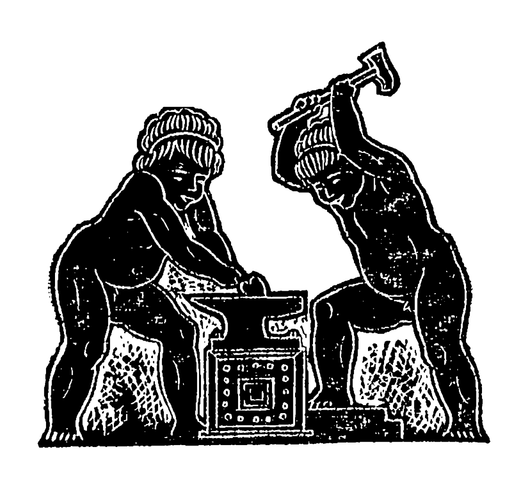
Я, бедный отпрыск бедных родителей,
В дом Мецената дружески принятый,
Бессмертен я, навек бессмертен:
Стиксу не быть для меня преградой!

Уже я чую: тоньше становятся
Под грубой кожей скрытые голени —
Я белой птицей стал, и перья
Руки и плечи мои одели.

Летя быстрее сына Дедалова,
Я, певчий лебедь, узрю шумящего
Босфора брег, заливы Сирта,
Гиперборейских полей безбрежность.

Меня узнают даки, таящие
Свой страх пред римским строем, колхидяне,
Гелоны дальние, иберы,
Галлы, которых питает Рона.

Не надо плача в дни мнимых похорон,
Ни причитаний жалких и горести:
Сдержи свой глас, не воздавая
Почестей лишних пустой гробнице.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

К хору юношей и девушек

Противна чернь мне, таинствам чуждая!
Уста сомкните! Ныне, служитель муз,
Еще неслыханные песни
Девам и юношам запеваю.

Цари грозны для трепетных подданных,
Царей превыше воля Юпитера.
Гигантов одолев со славой,
Мир он колеблет движеньем брови.

Иной раскинет шире ряды борозд
В своих поместьях; родом знатней, другой
Сойдет за почестями в поле;
Добрыми нравами славен третий;

Четвертый горд толпою приспешников;
Но мечет с равной неотвратимостью
Судьба простым и знатным жребий,—
В урне равны имена людские.

Кто чует меч над шеей преступною,
Тому не в радость яства Сицилии,
Ни мирный звон, ни птичье пенье
Сна не воротят душе тревожной.

Но миротворный сон не чуждается
Убогой кровли сельского жителя,
Ни ветром зыблемой долины,
Ни прибережных дубрав тенистых.

Кто тем, что есть, доволен — тому уже
Не страшно море неугомонное
И бури грозные несущий
Геда восход иль закат Арктура,

Не страшен град, лозу побивающий,
И не страшна земля, недовольная
То ливнем злым, то летней сушью,
То холодами зимы суровой.

А здесь и рыбам тесно в пучине вод:
За глыбой глыба рушится с берега.
И вновь рабов подрядчик гонит:
Места себе не найдет хозяин

На прежней суше. Но и в морской приют
К нему нагрянут Страх и Предчувствия;
И на корабль взойдет Забота,
И за седлом примостится конским.

Так если нам ни мрамором Фригии,
Ни ярче звезд блистающим пурпуром,
Ни соком лоз, ни нардом персов
Не успокоить душевной муки,—

Зачем на зависть людям высокие
Покои мне и двери роскошные?
    Зачем менять мой дол сабинский
        На истомляющее богатство?

2

К римскому юношеству

Военным долгом призванный, юноша
Готов да будет к тяжким лишениям;
Да будет грозен он парфянам
В бешеной схватке копьем подъятым.

Без крова жить средь бранных опасностей
Он пусть привыкнет. Пусть, увидав его
Со стен твердыни вражьей, молвит
Дочке-невесте жена тирана:

«Ах, как бы зять наш будущий, царственный,
В искусстве ратном мало лишь сведущий,
Не раззадорил льва, что в сечу
Бурно кидается в яром гневе!»

И честь и радость — пасть за отечество!
А смерть равно разит и бегущего
И не щадит у тех, кто робок,
Спин и поджилок затрепетавших.

Падений жалких в жизни не ведая,
Сияет Доблесть славой немеркнущей
И ни приемлет, ни слагает
Власти, по прихоти толп народных.

И, открывая небо достойному
Бессмертья, Доблесть рвется нехоженым
Путем подняться, и на крыльях
Быстро летит от толпы и грязи.

Но есть награда также молчанию:
И если кто нарушит Церерины
Святые тайны, то его я
Не потерплю под одною кровлей

Иль в том же чёлне. Часто Диéспитер
Карает в гневе с грешным невинного;
А кто воистину преступен,
Тех не упустит хромая Кара.

3

К Августу

Кто прав и к цели твердо идет, того
Ни гнев народа, правду забывшего,
Ни взор грозящего тирана
Век не откинут с пути, ни ветер,

Властитель грозный бурного Адрия,
Ни Громовержец дланью могучей,— нет:
Пускай весь мир, распавшись, рухнет —
Чуждого страха сразят обломки.

И Геркулес и Поллукс таким путем
Достигли оба звездных твердынь небес:
Меж них возлегши, будет Август
Нектар пурпурными пить устами.

Таким путем, о Вакх, и тебя везли
Твои тигрицы, чуждому им ярму
Подставив шеи; так и Ромул
Орка избегнул на ко́нях Марса,

Когда Юнона радость рекла богам,
Совет державшим: «Трою державную
Повергнул в прах судья преступный
Вместе с женой, из-за моря плывшей,—

Град, обреченный мной и Минервою
С тех пор, как не дал Лаомедонт богам
Награды должной,— обреченный
Вместе с народом, с вождем лукавым.

Уже не блещет ныне бесславный гость
Лаконки блудной; клятвопреступный род
Приама, Гектором могучий,
Греков уже не разит отважных.

Войне, раздором нашим затянутой,
Конец положен. Гнев мой и ненависть
Сложив, я милую для Марса
Внука, который рожден мне жрицей

В дому троянском; в светлый чертог ему
Вступить дозволю; нектара сок вкушать
И приобщить его отныне
К сонмам блаженных богов дозволю.

И лишь бы между Римом и Троею
Шумело море — пусть беглецы царят
Счастливые в краю желанном!
Лишь бы Приама, Париса пепел

Стада топтали, звери без страха там
Щенят скрывали б,— пусть Капитолия
Не меркнет блеск, и пусть победный
Рим покоряет парфян законам!

Вселяя страх, он пусть простирает власть
До граней дальних, где отделяется
Водой от Африки Европа,
Вздувшись, где Нил орошает пашни.

Пусть презирает злато, которому
В земле остаться лучше не вырытым,
Чем громоздиться на потребу
Людям, громящим и божьи храмы.

И где бы мира грань ни стояла, пусть
Ее оружьем тронет, стремясь достичь
Краев, где солнца зной ярится,
Стран, где туманы и ливни вечно.

Но лишь один воинственным римлянам
Завет кладу я: предков не в меру чтя
И веря счастью, не пытайтесь
Дедовской Трои восставить стены!

Коль встанет Троя в пору недобрую,—
Судьба вернется с гибелью горькой вновь:
Юпитера сестра-супруга,
Двину сама я полки победно.

Пусть трижды встанут медных ограды стен,
Творимых Фебом,— трижды разрушат их
Мои ахейцы; трижды жены
Пленные мужа, детей оплачут».

Шутливой лире это совсем нейдет!
Куда ты, Муза? Брось же упорно так
Рассказывать бессмертных речи
И унижать величавость малым.

4

К Каллиопе

Сойди с небесных высей и флейтою,
О Каллиопа, долгую песнь сыграй,
Иль громким голосом пропой нам,
Иль прозвени на кифаре Феба!

Вам слышно? Чу! Иль сладким безумием
Я обольщен? Как будто блуждаю я
В священных рощах, где отрадно
Струи бегут, дуновенья веют...

То было в детстве: там, где у Вольтура
Вдали от крова милой Апулии
Я спал, игрою утомленный,—
Голуби скрыли меня, как в сказке,

Листвою свежей. Диву давались все,
Кто на высотах жил Ахеронтии,
В лесистой Бантии, на тучных
Нивах вокруг городка Форента,

Что невредимым спал я средь черных змей,
Среди медведей, лавром священным скрыт
И миртовых ветвей листвою,
Отрок бесстрашный, храним богами.

Я ваш, Камены, ваш, поднимусь ли я
К сабинам в горы, или пленит меня
Пренесты холод, влажный Тибур
Или потоки в прозрачных Байях.

И другу хоров ваших и звонких струй —
Ни при Филиппах бегство постыдное,
Ни дуб проклятый не опасен,
Ни Палинур в Сицилийском море.

Коль вы со мною — смело по бурному
Пущусь Босфору, смело я путником
К пескам пылающим отправлюсь,
Что ассирийский покрыли берег,

Увижу бриттов, к гостю безжалостных,
Конканов, пьяных кровью из конских жил,
Гелонов, что колчаны носят,
Скифскую реку узрю безвредно.

Как только войско, в битвах усталое,
Великий Цезарь вновь городам вернет,
Ища окончить труд тяжелый,—
В грот Пиерид вы его ведете.

Совет вы кроткий, о благодатные,
Ему даете, радуясь данному...
Мы знаем: войско злых титанов
Страшное — молнией быстрой свергнул

Тот бог, кто правит морем волнуемым,
Землей недвижной, царствами слезными,
Кто и богов и смертных держит
Властью единой и непреложной.

Его повергли юноши буйные
В немалый ужас, силою гордые,—
Два брата, что хотели Пелий
Нагромоздить на Олимп лесистый.

Но что Тифою, Миманту сильному,
Порфириону, грозному обликом,
Иль Рету, или Энкеладу,
Рвущему с корнем деревья смело,—

Что им поможет против звенящего
Щита Паллады? С нею — ревнительный
Вулкан; с ней — чтимая Юнона,
С нею — и бог, неразлучный с луком,

Кто в чистой влаге моет Касталии
Кудрей извивы,— житель кустарников
Ликийских иль лесов родимых
Делоса,— ты, Аполлон Патарский.

Падет невольно сила без разума;
А умной силе боги и рост дадут
Все выше: им противна сила,
Что беззаконье в душе питает.

Тому Гиант сторукий свидетелем
И Орион, навек обесславленный,
Искавший девственной Дианы
И укрощенный ее стрелою.

Земля страдает, чудищ своих сокрыв:
Она тоскует, видя, что молния
Детей низвергла к бледным теням,—
Быстрый огонь не пронижет Этну,

И вечно печень Тития наглого
Орел терзает, страж ненасытности,
И Пирифоя-женолюбца
Триста цепей в преисподней держат.

5

К Августу

Мы верим: в небе — гром посылающий 6
Царит Юпитер; здесь же — причислится
К богам наш Август, как британцев
Он покорит и жестоких персов.

Ужели воин Красса с парфянкою
В постыдном браке жил — и состарился
В оружье тестя, что врагом был?
О, как испорчен сенат и нравы!

Царю покорны, дети Италии
Забыли тогу, званье, щиты богов,
Забыли огнь пред Вестой вечный,—
Хоть невредим Капитолий в Риме!

Провидец Регул этим тревожился,
Позорный мир отвергнув с презрением:
Пример опасный — так он думал —
Гибелью Риму грозит в грядущем,

Коль не погибнут вовсе те жалкие,
Что в плен сдавались. «Видел знамена я,
Там, на стенах пунийских храмов,
Видел оружье, что римский воин

Без боя отдал; видел: завязаны
Свободных граждан руки за спинами;
Ворота настежь; пашут поле,
Что разоряли, солдаты Рима.

Боец, чья вольность куплена золотом,
Смелей ли станет? Только прибавится
К стыду убыток! Цвет природный
Шерсть после окраски вернуть не может.

Не хочет доблесть, будучи попрана,
Назад вернуться к тем, кто попрал ее.
Как лань, из сети частой выйдя,
Биться не будет,— не станет храбрым

Тот, кто пунийцам лживым доверился;
Не станет новых войн победителем
Тот, чья рука была в оковах,
Кто малодушно боялся смерти!

Ища, откуда б жизнь себе выпросить,—
Войну он с миром в мыслях смешал совсем!
О, стыд! О Карфаген великий!
Выше ты стал от позора Рима!»

И от объятий верной жены своей,
От малых деток он отстраняется,
Как прав лишенный, и сурово
Взор непреклонный вперяет в землю,

Чтоб укрепить решимость сенаторов
Своим советом, миру неслыханным,
И от друзей своих печальных
Выйти в изгнанье покрытым славой!

О, знал он твердо, чем угрожал ему
Палач пунийский,— но раздвигает он
Родных, что путь загородили,
Граждан, его не пускавших дальше,—

Как будто, кончив долго тянувшийся
Процесс клиентов, он покидает суд,
    Чтоб отдохнуть в полях Венафра
        Или в Таренте, рожденном Спартой.

6

К римскому народу

Вины отцов безвинным ответчиком
Ты будешь, Рим, пока не восставлены
Богов упавшие жилища,
Их изваяния в черном дыме.

Да! Рим — владыка, если богов почтит:
От них начало, в них и конец найдем.
За нераденье боги много
Бед посылают отчизне горькой.

Монез с Пакором, дважды отбившие
В недобрый час задуманный натиск наш,
Гордятся, пронизи на шее
Римской добычей себе украсив.

Междоусобьем Риму объятому
Уже грозили дак и египтянин,
Один — летучими стрелами
Грозный, другой — корабельным строем.

В грехом обильный век оскверняются
Сначала браки, семьи, рождения;
Отсюда выйдя, льются беды
В нашей отчизне, во всем народе.

Едва созревши, девушка учится
Развратным пляскам, хитрым ласкательствам,
От малых лет в глубинах сердца
Мысль о нечистой любви лелея.

А выйдя замуж, юных поклонников
За чашей ищет,— даже без выбора,
Кого б запретною любовью,
Свет погасив, одарить украдкой,—

О нет, открыто, с мужнина ведома
Бежит по зову — кликнет ли лавочник
Или испанский корабельщик,
Щедро платящий за час позора.

В таких ли семьях выросли юные,
Что кровью пунов море окрасили,
Сразили Пирра, Антиоха
И беспощадного Ганнибала?

То были дети воинов-пахарей,
В полях ворочать глыбы привыкшие
Киркой сабинской, и по слову
Матери строгой таскать из леса

Вязанки дров в тот час, когда тени гор
Растянет солнце, снимет с усталого
Вола ярмо и, угоняя
Коней своих, приведет прохладу.

Чего не портит пагубный бег времен?
Ведь хуже дедов наши родители,
Мы хуже их, а наши будут
Дети и внуки еще порочней.

7

К Астериде

Астерида, зачем плачешь о Гигесе?
Ведь с весною его светлый Зефир примчит
Вновь с товаром вифинским,
Верность свято хранящего.

Южный ветер, Козой бешеной поднятый,
Запирает его в гавани Орика,
Где бессонные ночи
Он проводит в слезах, томясь.

Искушает его вестник, подосланный
От хозяйки, о нем страстно вздыхающей;
Уверяет, что Хлою
Жжет любовь, горемычную;

Поминает о том, как вероломная
Наговором жена Прета подвигнула
Против Беллерофонта,
Чтоб сгубить его, чистого;

Как чуть не был Пелей передан Тартару,
Ипполиту когда презрел, магнезянку,
И речами иными
На любовный склоняет грех,—

Но вотще, ибо глух Гигес к словам его,
Как Икара скала... Лишь берегись сама,
Чтоб тебя к Энипею
Не влекло больше должного,

Хоть и нет никого, кто бы искуснее
Гарцевал на коне по полю Марсову
И чрез Тусскую реку
Переплыл бы проворнее,

Ночь придет — дверь запри и не выглядывай
Из окна, услыхав жалобный флейты звук,
И, хотя бы жестокой
Звали, будь непреклонною.

8

К Меценату

Ты смущен, знаток языков обоих!
Мне, холостяку, до Календ ли марта?
Для чего цветы? С фимиамом ларчик?
Или из дерна

Сложенный алтарь под горящим углем?
Белого козла и обед веселый
Вакху обещал я, когда чуть не был
Древом придавлен!

В этот светлый день, с возвращеньем года,
Снимут из коры просмоленной пробку
С кувшина, который в дыму коптился
С консульства Тулла.

Выпей, Меценат, за здоровье друга
Кружек сотню ты, и пускай до света
Здесь горят огни, и да будут чужды
Крик нам и ссора.

Брось заботы все о державном Риме:
Полегли полки Котизона-дака,
Ми́дянин, наш враг, сам себя же губит
Смертным оружьем,

Стал рабом кантабр, наш испанский недруг,
Укрощенный, пусть хоть и поздно, цепью,
И, расслабив лук, уж готовы скифы
Край свой покинуть.

Бремя сбрось забот: человек ты частный;
Не волнуйся ты за народ; бегущим
Насладися днем и его дарами,—
Брось свои думы!

9

К Лидии

— Мил доколе я был тебе
И не смел ни один юноша белую
Шею нежно рукой обвить,
Я счастливее жил, нежели персов царь.

— Ты доколе не стал пылать
Страстью к Хлое сильней, нежели к Лидии,
Имя Лидии славилось,
И знатней я была римлянки Илии.

— Покорен я фракиянкой,—
Хлоя сладко поет, лире обучена.
За нее умереть готов,
Только жизни бы срок душеньке Рок продлил.

— Мы взаимно огнем горим,
Я и Ка́лаид, сын эллина Орнита.
Дважды ради него умру,
Только жизни бы срок юноше Рок продлил.

— Что, коль вновь возвратится страсть
И железным ярмом свяжет расставшихся?
Что, коль рыжую Хлою — прочь
И отворится дверь брошенной Лидии?

— Хоть звезды он прекраснее,
Ты же легче щепы, непостояннее
Адриатики бешеной,—
Жить с тобою хочу и умереть любя!

10

К Лике

Лика, если бы ты в скифском замужестве
Влагу Дона пила,— все же, простертого
На ветру пред твоей дверью жестокою,
Ты меня пожалела бы!

Слышишь, как в темноте двери гремят твои,
Как шумит во дворе, ветру ответствуя,
Сад твой, как леденит Зевс с неба ясного
Стужей снег свежевыпавший?

Брось — Венера велит — гордость надменную,
Чтоб не лопнул канат, туго натянутый!
Ведь родил же тебя не Пенелопою
Твой отец из Этрурии!

И хотя бы была ты непреклонною
Пред дарами, мольбой, бледностью любящих,
Пред тем, что твой муж юной гречанкою
Увлечен,— все же смилуйся

Над молящим! Не будь дуба упорнее
И ужасней в душе змей Мавритании;
Ведь не вечно мой бок будет бесчувственным
И к порогу и к сырости!

11

К Меркурию и лире

О Меркурий-бог! Амфион искусный,
Обучен тобой, воздвигал ведь стены
Песней! Лира, ты семиструнным звоном
Слух услаждаешь!

Ты беззвучна встарь, нелюбима,— ныне
Всем мила: пирам богачей и храмам!..
Дайте ж песен мне, чтоб упрямой Лиды
Слух преклонил я.

Словно средь лугов кобылице юной,
Любо ей скакать; не дает коснуться;
Брак ей чужд; она холодна поныне
К дерзости мужа.

Тигров ты, леса за собой умеешь
Влечь и быстрых рек замедлять теченье;
Ласкам ведь твоим уступил и грозный
Ада привратник —

Цербер-пес, хотя над его главою
Сотня страшных змей, угрожая, вьется;
Смрадный дух и гной треязычной пастью
Он извергает.

Вняв тебе, средь мук Иксион и Титий
Улыбнулись вдруг; без воды стояла
Урна в час, когда ты ласкала песней
Дщерей Даная.

О злодействе дев пусть услышит Лида
И о каре их, пресловутой бочке,
У которой дно пропускает воду,—
Так, хоть и поздно,

Все ж виновных ждет и в аду возмездье.
Так безбожно (что их греха ужасней?),
Так безбожно всех женихов убили
Острым железом!

Брачных свеч была лишь одна достойна.
Своего отца, что нарушил клятву,
Обманула дева святою ложью,
Славная вечно.

«Встань,— она рекла жениху младому,—
Встань, чтоб вечный сон не постиг, откуда
Ты не ждешь. Беги от сестер-злодеек,
Скройся от тестя!

Словно львицы, вдруг на ягнят напавши,
Так мужей своих они все терзают;
Я добрей — тебя не убью, не стану
Дверь запирать я.

Пусть за то, что я пощадила мужа,
Злой отец меня закует хоть в цепи;
Взяв на судно, пусть отвезет в пустыню,
В край Нумидийский.

Мчись, куда несут и пути и ветры!
Ночь тебе — покров, и Венера — спутник.
В добрый час... А мне над могилой вырежь
Надпись на память...»

12

К Необуле

Дева бедная не может ни Амуру дать простора,
Ни вином прогнать кручину, а должна бояться дяди
Всебичующих упреков.

Прочь уносят шерсть и прялку трудолюбицы Минервы
От тебя, о Необула, сын крылатый Кифереи
И блестящий Гебр Липарский,

Лишь увидишь, как смывает масло с плеч он в водах Тибра,
Конник, что Беллерофонта краше, ни в бою кулачном
Не осиленный, ни в беге.

В ланей, по полю бегущих целым стадом, он умеет
Дрот метнуть и, быстр в движенье, вепря, что таится в чаще,
На рогатину взять смело.

13

К источнику Бандузии

О, прозрачней стекла воды Бандузии!
Сладких вин и цветов жертвы достойны вы.
Завтра ждите козленка,—
Рожки вздулись на лбу его,

Чувств любовных и битв скорых предвестники:
Тщетно! Кровию вам красной окрасит он
Струй холодных потоки —
Отпрыск стада веселого.

Вас тяжелой порой огненный Сириус
Жечь бессилен; волам, в поле измученным,
Иль бродячему стаду
В вашей сладостно свежести.

Славны будете вы: песнею громкою
Я прославлю, поэт, дуб, что над гротами
Вырос, где говорливо
Ваш поток низвергается.

14

К римскому народу

Цезарь, про кого шла молва в народе,
Будто, как Геракл, лавр купил он смертью,
От брегов испанских вернулся к Ларам
Победоносцем.

Радостно жена да встречает мужа,
Жертвы принеся божествам хранящим;
С ней — сестра вождя, а за ней, украсив
Кудри повязкой,

Матери юниц и сынов, не павших.
Вы же, дети тех, что в бою погибли,
И вдовицы их, от словес печальных
Вы воздержитесь.

Мне же этот день будет в праздник, думы
Черные прогнав. Не боюсь я смуты,
Ни убитым быть, пока всей землею
Правит наш Цезарь.

Отрок, принеси и венков, и мирра,
И вина, что помнит мятеж марсийский,
Коль спаслось оно от бродивших всюду
Полчищ Спартака.

И Неэра пусть поспешит, певица,
Завязав косу в благовонный узел;
А не пустит к ней негодяй привратник —
Прочь уходи ты.

Голова, седея, смягчает душу,
Жадную до ссор и до брани дерзкой,
Не смирился б я перед этим, юный,
В консульство Планка!

15

К Хлориде

Женка бедного Ивика,
Перестань наконец ты сладострастничать
И себя примолаживать!
Коль ногою одной ты уж в гробу стоишь,

Не резвись среди девушек,
Как меж звезд в небесах темное облако!
Что Фолое идет к лицу,
То Хлориде нейдет! Дочь лучше матери

Осаждать будет юношей,
Как вакханка, под звук бубна безумствуя.
К Ноту страсть неуемная
Так и нудит ее прыгать, как козочку.

Ты ж, старушка, в Луцерии
Сядь за пряжу. Тебе ль быть кифаристкою,
Украшать себя розою
И до дна осушать чаши глубокие?

16

К Меценату

Башни медной замок, двери дубовые
И бессонных собак лай угрожающий
Для Данаи могли б верным оплотом быть
От ночных обольстителей.

Но над стражем ее, робким Акрисием,
Посмеялся Зевес вместе с Венерою,
И открылся им путь верный, едва лишь бог
Превратил себя в золото.

Злато минет ряды телохранителей
И расколет скалу глубже, чем молния;
Рухнул в прах и погиб жертвою алчности
Дом пророка аргивского;

Городские врата муж-македонянин
Для себя раскрывал, силою подкупа
Низвергал он царей; и на морских вождей
Подкуп сети накидывал.

Рост богатства влечет приумножения
Жажду, кучу забот... Вот и не смею я
Всем на зависть чело вскидывать гордое,
Меценат, краса всадников.

Больше будешь себя ты ограничивать,
Больше боги дадут! Стан богатеющих
Покидаю, бедняк, и перебежчиком
К неимущим держу свой путь!

Я владею славней скудными крохами,
Чем когда бы я стал хлеб всей Апулии
Работящей таить без толку в житницах,
Нищий средь изобилия.

Ключ прозрачный и лес в несколько югеров
И всегда урожай верный с полей моих
Далеко превзойдут пышность владетелей
Плодороднейшей Африки.

Правда, нет у меня меда калабрских пчел,
И в амфорах вино из Лестригонии
Не стареет, и мне выгоны галльские
Не растят тучных овчих стад.

Но меня не гнетет бедность тяжелая;
Пожелай я еще, ты не откажешь мне.
Сжав желанья свои, с прибылью малою
Буду жить я счастливее,

Чем прибравши к рукам царство Лидийское
И Мигдонский удел. Многого ищущий —
Многим беден. Блажен тот, кому бережно
Бог дает только нужное.

17

К Элию Ламии

О Элий, отпрыск Лама старинного —
Того, что имя Ламиям первым дал
И всем потомкам их потомков,
Как говорят летописцы рода,—

Твой древний предок — так говорит молва —
Впервые власть над стенами Формий взял,
Над Лирисом, чьи волны в роще
Нимфы Марики безмолвно льются,—

В краю пространном. Завтра ненастье Евр
Примчит, засыплет листьями рощу всю,
Устелет брег травой ненужной,
Если не лжет многолетний ворон,

Дождей предвестник. Дров наготовь сухих,
Пока возможно: завтра ведь ты вином
И поросенком малым будешь
Гения тешить с прислугой праздной.

18

К Фавну

Фавн, о, нимф преследователь пугливых!
По полям открытым моих владений
Милостив пройди и уйди заботлив
К юным приплодам.

И козленок заклан к исходу года,
И вина достанет у нас для полных
Чаш, подруг любви, и алтарь старинный —
В дымке курений.

Вот стада на злачных лугах резвятся,—
Возвратились дни твоих нон декабрьских,—
И гуляет рядом с волом досужим
Люд деревенский.

Бродит волк в отаре,— не страшно овцам! —
В честь тебя листву осыпают рощи;
Пахарь в пляс пошел, по земле постылой
Трижды притопнув.

19

К Телефу

Кем приходится Инаху
    Кодр, что принял без слов смерть за отечество,
Ты твердишь, про Эаков род
    И про древнюю брань возле троянских стен,

Но сказать не умеешь ты,
    Сколько стоит вина кадка хиосского,
В чьем дому попируем мы
    И когда мы стряхнем холод Пелигнии.

Дай же, мальчик, вина скорей
    В честь полуночи, в честь новой луны и в честь
Дай Мурены-хозяина,
    Девять чаш или три с теплой смешав водой.

Тот, кто любит нечетных Муз,
    Тот, как буйный поэт, требует девять влить;
А тремя ограничиться
    Миролюбцам велят три неразлучные

Обнаженные Грации.
    Рад безумствовать я: что ж берекинтских флейт
Не слышны дуновения?
    Что, молчанье храня, с лирой висит свирель?

Ненавижу я скаредность —
    Сыпь же розы щедрей! С завистью старый Лик
Шум безумный услышит пусть,
    И соседка его, старцу нелегкая.

Вот уж взрослая, льнет к тебе
    Рода, блещешь ты сам, Телеф, в кудрях густых,
Ясный, словно звезда,— меня ж
    Иссушает, томя, к милой Гликере страсть.

20

К Пирру

Ты не видишь, Пирр, как тебе опасно
Трогать юных львят африканской львицы?
Вскоре ты сбежишь после жарких схваток,
Трус-похититель!

Вот, стремясь найти своего Неарха,
Юных круг прорвет лишь она,— и страшный
Бой решит тогда, за тобой, за ней ли
Будет добыча;

Ты спешишь достать из колчана стрелы,
А она клыки, угрожая, точит;
Сам судья борьбы наступил на пальму
Голой ногою;

Легкий ветр ему освежает плечи,
Кроют их кудрей благовонных волны —
Был таков Нирей иль с дождливой Иды
На небо взятый.

21

К амфоре

Мой друг амфора, к жизни рожденная
Со мною вместе в консульство Манлия!
Что ни дари мне — смех ли, ссоры,
Дрему любви, ликованье страсти;

При ком бы ни был собран массийский вакх,
Тобой хранимый,— ныне для праздника,
Как повелел Корвин, откройся,
Сок заскучавший налей нам в чаши.

Мудрец, Сократа выбрав наставником,
Не будет, право, пренебрегать тобой;
И сам Катон свой дух высокий
Цельным вином согревал охотно.

Ты горькой мукой мучаешь доброго
И горшей — злого; тайные замыслы,
Живущие в коварном сердце,
В шутках Лиэя раскрыть умеешь.

Вдыхаешь силу ты в малодушного
И жар надежды; ты неимущему
Даешь отвагу не страшиться
Гнева царей и меча убийцы.

О, если Либер вместе с Венерою
Придут — и с ними Граций согласный хор, —
Пусть факелы горят, доколе
Не побегут перед Фебом звезды!

22

К Диане

Страж окрестных гор и лесов, о Дева,
Ты, что, внемля зов троекратный юных
Жен-родильниц, их бережешь от смерти,
Ликом тройная!

Будет пусть твоей та сосна, что сенью
Дом венчает мой, да под ней тебя я
Кровью одарю кабана, что грозен
Сбоку ударом.

23

К Фидиле

Ладони к небу, к месяцу юному
Воздень, Фидила,— сельский обычай свят:
Умилостиви лар плодами,
Ладаном и поросенком жадным.

Тогда минует вихрь, иссушающий
Лозу, и ржа колосья помилует,
Твои питомцы и ягнята
Осенью пышной хворать не будут.

В лесах Алгида — дубы и падубы,
Тельцы пасутся, к жертвам пригодные,
Тучнеет скот в лугах альбанских,
Ждет их секира жрецов суровых,—

Тебе ж не нужны жертвы обильные,
Двухлеток выи, кровью залитые,—
Ты убираешь кротким миртом
И розмарином божков-пенатов.

Рукой невинной жертвенник трогая,
Не льстивой жертвой дара богатого
Смягчишь нахмуренных пенатов —
Полбой священной, крупинкой соли.

24

К богачу

Хоть казною своей затмишь
  Ты Аравию всю с Индией пышною,
Хоть займешь ты строеньями
  Оба моря, что бьют в берег Италии,

Но едва Неминуемость
  В крышу дома вобьет гвозди железные,
Не уйдешь ты от ужаса
  И главы из петли́ смертной не вызволишь.

Лучше жить, как равнинный скиф,
  Чья повозка жилье тащит подвижное,
Или как непреклонный гет,
  Где межою поля не разделенные

Хлеб родят на потребу всем;
  Где не больше, чем год, заняты пашнею,
А затем утомленного
  Заменяет другой, с долею равною;

Там безвредная мачеха
  Не изводит сирот — пасынков, падчериц;
Жен-приданниц там гнета нет,
  И не клонит жена слух к полюбовнику;

Там приданым для девушки
Служит доблесть отцов и целомудрие,
Что бежит от разлучника,
И грешить там нельзя: смерть за неверность ждет!

О, кто хочет безбожную
Брань и ярость пресечь междоусобицы,
Если он домогается,
Чтоб «Отец городов» было под статуей,

Пусть он сдержит распущенность,
И он будет почтен: только... потомками!
Мы завистливы,— доблесть нам
Ненавистна, но лишь скрылась, скорбим по ней!

Для чего втуне сетовать,
Коль проступок мечом не отсекается?
Что без нравов, без дедовских,
Значит тщетный закон, если ни дальние

Страны, зноем палимые,
Ни конечный предел Севера хладного,
Под снегами застывшими,
Не пугают купца? Если справляется

С грозным морем моряк лихой?
Это — бедность, презрев доблести трудный путь,
Все свершать, все сносить велит,—
Бедность, что за позор всеми считается.

Не снести ль в Капитолий нам,
Кликам внемля толпы, нам рукоплещущей,
Иль спустить в море ближнее
Жемчуг, камни и все злато бесплодное,

Зла источник великого,
Если только в грехах вправду мы каемся?
Надо страсть эту низкую
С корнем вырвать давно, и на суровый лад

Молодежь, слишком нежную,
Воспитать... На коня вряд ли сумеет сесть
Знатный отрок, охотою
Тяготится, зато с бóльшею ловкостью

Обруч гнать тебе греческий
Будет он иль играть в кости запретные.
Вероломный отец меж тем
Надувает друзей или товарищей,

Чтоб для сына негодного
Больше денег собрать. Деньги бесчестные
Что ни день, то растут, и все ж
Для несытых страстей их недостаточно!

25

К Вакху

Вакх, я полон тобой! Куда
Увлекаешь меня? В рощи ли, в гроты ли
Вдохновение мчит меня?
Где, в пещере какой Цезаря славного

Блеск извечный стихом своим
Вознесу я к звездам, к трону Юпитера?
Небывалое буду петь
И доселе никем в мире не петое!

Как вакханка, восстав от сна,
Видя Гебр пред собой, снежную Фракию
И Родоп, что лишь варварской
Попираем стопой, диву дивуется,

Так, с пути своего сойдя,
Я на берег дивлюсь и на пустынный лес.
Вождь наяд и менад, легко
Стройный ясень рукой вмиг исторгающих!

Петь ничтожное, дольнее
Больше я не могу! Сладко и боязно,
О Леней, за тобой идти,
За тобою, лозой лоб свой венчающим.

26

К Венере

Девицам долго знал я, чем нравиться,
И был в любви достойным воителем,—
Теперь оружие и лиру
После побед их стена та примет,

Что охраняет образ Венеры нам.
Сюда, сюда несите вы факелы
И грозные воротам вражьим
Крепкие ломы, крутые луки!

О золотого Кипра владычица
И стен Мемфиса, вечно бесснежного!
Высоко поднятым бичом ты
Раз хоть коснись непокорной Хлои!

27

К Галатее

Пусть злочестных в путь поведут приметы
Злые: крики сов или сук брюхатых,
Пусть на них лиса, что щенилась, мчится
Или волчица;

Пусть змея им путь пресечет начатый
И спугнет коней, по дороге прянув
Как стрела. А я, за кого тревожусь,
Буду молиться;

Ворон пусть, вещун, от восхода солнца
С криком к ней летит перед тем, как птица,
Вестница дождей, возвратится к лону
Вод неподвижных.

Счастливо живи, Галатея, всюду,
Где тебе милей; и меня ты помни.
Пусть тебе в пути не грозит вóрона,
Дятел зловещий.

Но смотри: скользит Орион к закату,
Пробудитель бурь; хорошо мы знаем,
Что сулят нам черный залив и в ветре
Белое небо.

Жены пусть врагов, дети их порывы
Ярости слепой испытают Австра,
Ропот черных волн и удары бури
В берег дрожащий!

Знала этот страх и Европа, вверив
Хитрецу быку белоснежный стан свой
И увидев вдруг, что кругом бушуют
Море и рыбы.

Лишь вчера цветы на лугу сбирала,
Сплесть спеша венок, по обету, нимфам,—
Ныне зрит вокруг в полусвете ночи
Звезды и волны.

Лишь ступив ногой на стоградный остров
Крит, она рекла: «О отец! Отныне
Я тебе не дочь — мою честь сгубило
Страсти безумье.

Где была я? Где я? Ведь павшей деве
Даже смерть мила! Наяву ль я плачу,
Вспомнив мой позор, или мне, невинной,
Призрак бесплотный,

Вылетевший в дверь из слоновой кости,
Страшный сон навел? Разве лучше было
Морем долго плыть, чем в зеленом поле
Рвать мне цветочки?

Будь сейчас он здесь, этот бык проклятый,
Я б его мечом изрубила в гневе,
Я б ему рога обломала, был хоть
Мил так недавно.

Стыд забыв, ушла от родных Пенатов!
Стыд забыв, еще умереть я медлю!
О, да слышит бог: среди львов я голой
Лучше останусь,

Лучше стану тиграм добычей нежной
Раньше, чем со щек худоба лихая
Сгонит красоту и иссушит тело
Жертвы прекрасной.

Вот отец корит, хоть далек он: «Что́ ж ты
Медлишь смерть избрать себе? Видишь — ясень?
Под его суком захлестни на горле
Девичий пояс!

Если же в скалах, на утесах острых
Смерть тебя прельстит, то свирепой буре
Вверь себя. Иль ты предпочтешь — царевна,—
Долю наложниц:

Шерсти прясть урок для хозяйки, грубой
Варвара жены?..» Между тем Венера
Внемлет ей, смеясь вероломно с сыном,—
Лук он ослабил.

Всласть натешась, ей говорит: «Сдержи ты
Гневный пыл и ссор избегай горячих —
Даст тебе рога ненавистный бык твой,
Даст изломать их.

Ты не знаешь: бог необорный — муж твой,
Сам Юпитер. Брось же роптать, великий
Жребий несть учись: ты ведь части света
Имя даруешь».

28

К Лиде

Что другое в Нептунов день
Делать мне? Ты достань, Лида, проворнее
Из подвала цекубское
И конец положи думе назойливой.

Видишь: полдень склоняется,
Ты же, словно и впрямь день окрыленный спит,
Медлишь вынуть из погреба
В нем застрявший кувшин времени Бибула.

В сменной песне Нептуна я
Воспою, Нереид кудри зеленые.
Ты на лире изогнутой
Про Латону споешь, про Стреловержицу;

Под конец мы восславим ту,
Что над Книдом царит и над Цикладами,
И на Паф с лебедей глядит,—
По заслугам и Ночь будет помянута.

29

К Меценату

Царей тирренских отпрыск! Тебе давно
Храню, не тронув, с легким вином кувшин
И роз цветы; и из орехов
Масло тебе, Меценат, на кудри

Уже отжато. Брось промедление!
Не век же Тибур будешь ты зреть сырой,
И поле Эфулы покатой,
И Телегона-злодея гóры.

Покинь же роскошь эту постылую,
Покинь чертог, достигший небесных туч;
В блаженном Риме брось дивиться
Грохоту, дыму и пышным зданьям.

Богатым радость — жизни уклад сменять;
Под кровлей низкой скромный для них обед
Без багреца, без балдахина
Часто морщины со лба сгонял им.

Уж Андромеды светлый отец зажег
Свое созвездье; Малый бушует Пес
И Льва безумное светило:
Знойные дни возвращает Солнце.

С бредущим вяло стадом спешащий в тень
Пастух усталый ищет ручей в кустах
Косматого Сильвана; замер
Берег, не тронутый спящим ветром.

А ты, уставом города занятый
И благом граждан, вечно тревожишься,
Что нам готовят серы, бактры,
Киру покорные встарь, и скифы.

Но мудро боги скрыли грядущее
От нас глубоким мраком: для них смешно,
Когда о том, что недоступно,
Смертный мятется. Что есть, спокойно

Наладить надо; прочее мчится все,
Подобно Тибру: в русле сейчас своем
В Этрусское он море льется
Мирно,— а завтра, подъявши камни,

Деревья с корнем вырвав, дома и скот —
Все вместе катит; шум оглашает вкруг
Леса соседние и горы;
Дикий разлив и притоки дразнит.

Лишь тот живет хозяином сам себе
И жизни рад, кто может сказать при всех:
«Сей день я прожил! Завтра — тучей
Пусть занимает Юпитер небо

Иль ясным солнцем,— все же не властен он,
Что раз свершилось, то повернуть назад;
Что время быстрое умчало,
То отменить иль не бывшим сделать.

Фортуна рада злую игру играть,
С упорством диким тешить жестокий нрав:
То мне даруя благосклонно
Почести шаткие, то — другому.

Ее хвалю я, если со мной; когда ж
Летит к другому, то, возвратив дары
И в добродетель облачившись,
Бедности рад я и бесприданной.

Ведь мне не нужно, если корабль трещит
От южной бури, жалкие слать мольбы
Богам, давать обеты, лишь бы
Жадное море моих не съело

Из Тира, с Кипра ценных товаров груз.
Нет! Я спокойно, в челн двухвесельный сев,
Доверюсь Близнецам и ветру,
И понесусь по валам Эгейским».

30

К Мельпомене

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд

Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию

Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Назван буду везде — там, где неистовый
Авфид ропщет, где Давн, скудный водой, царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества,

Первым я приобщил песню Эолии
К италийским стихам. Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

К Венере

Ты ль, Венера, опять меня
Вызываешь на бой? Сжалься, молю, молю!
Уж не тот я, каким я был
При Кинаре моей! Смилуйся, сладостных

Мать страстей беспощадная,
Перестань меня гнуть, ныне бесстрастного,
Пять десятков отжившего,
Властью нежной! На зов юношей трепетный

Снизойди,— к Павлу Максиму
На крылах лебедей, пурпуром блещущих,
Ты вознесись с шумной свитою,
Если хочешь зажечь сердце достойное.

Знатен он, и собой красив,
И готов постоять за обездоленных.
Ста искусствам обученный,
Далеко пронесет он твой победный стяг.

И когда над соперником
Верх возьмет, превзойдя щедрого щедростью.
У Альбанского озера,
Под кедровым шатром, образ твой мраморный

Он воздвигнет,— ты будешь там
Дым курений вдыхать и веселить свой слух
Берекинтскою флейтою;
С лирным звоном смешав звуки свирельные,

Дважды в день пред тобою там
В пляске будут ходить отроки с девами,
И во славу твою трикрат
Бить о землю стопой, бить, точно Салии.

Мне же девы и отроки
Чужды; больше надежд нет на взаимную
Силу страсти; пиры претят;
И чела не хочу я обвивать венком.

Но — увы! — почему слеза
По щеке у меня крадется робкая?
Почему среди слов язык
Так позорно молчит, он, что молчанью враг?

Лигурин, не тебя ль во сне
Я в объятьях держу, или по Марсову
Полю вслед за тобой несусь,
Иль плыву по волнам, ты ж отлетаешь прочь!

2

К Юлу Антонию

Тот, держась на крыльях, скрепленных воском,
Морю имя дать обречен, как Икар,
Кто, о Юл, в стихах состязаться дерзко
С Пиндаром тщится.

Как с горы поток, напоенный ливнем
Сверх своих брегов, устремляет воды,
Рвется так, кипит глубиной безмерной
Пиндара слово.

Фебова венца он достоин всюду —
Новые ль слова в дифирамбах смелых
Катит, мчится ль вдруг, отрешив законы,
Вольным размером;

Славит ли богов иль царей, героев,
Тех, что смерть несли поделом кентаврам,
Смерть Химере, всех приводившей в трепет
Огненной пастью;

Иль поет коня и борца, который
С игр элидских в дом возвратился в славе,
Песнью, в честь его, одарив, что сотни
Статуй ценнее;

Плачет ли с женой скорбной об утрате
Мужа и до звезд его силу славит,
Нрав златой и доблесть, из тьмы забвенья
Вырвав у Смерти.

Полным ветром мчится диркейский лебедь
Всякий раз, как ввысь к облакам далеким
Держит путь он; я же пчеле подобен
Склонов Матина:

Как она, с трудом величайшим, сладкий
Мед с цветов берет ароматных, так же
Средь тибурских рощ я слагаю скромно
Трудные песни.

Лучше ты, поэт, полнозвучным плектром
Нам споешь о том, как, украшен лавром,
Цезарь будет влечь через Холм Священный
Диких сигамбров.

Выше, лучше здесь никого не дали
Боги нам и рок, не дадут и впредь нам,
Даже если б вдруг времена вернулись
Века златого.

Будешь петь ты радость народа, игры,
Дни, когда от тяжб отрешится форум,
Если бог к мольбам снизойдет, чтоб храбрый
Август вернулся.

Вот тогда и я подпевать отважусь,
Если только речь мою стоит слушать,
Цезаря возврат привечая: «Славься,
Ясное солнце!»

«О, триумф!» — не раз на его дороге,
«О, триумф!» — не раз возгласим, ликуя,
И воскурит Рим благосклонным вышним
Сладостный ладан.

Твой обет — волов и коров по десять,
Мой обет — один лишь бычок, который
Уж покинул мать и на сочных травах
В возраст приходит.

У него рога словно серп на небе
В третий день луны молодой; примета
Есть на лбу — бела, как полоска снега,—
Сам же он рыжий.

3

К Мельпомене

На кого в час рождения,
Мельпомена, упал взор твой приветливый,
Уж того ни кулачный бой
Не прельстит, ни успех в конском ристании.

И ему не сужден триумф
В Капитолии в честь воинских подвигов
И венок победителя,
Растоптавшего спесь гордого недруга.

Но в тибурской глуши стоит
Шум лесов, и ручьи плещут и шепчутся.
Он опишет в стихах их шум
И надолго в веках этим прославится.

Я горжусь — молодежь меня
Причисляет к своим лучшим избранникам,
И с годами звучит слабей
Ропот зависти и — недружелюбия.

Муза, сладостным звоном струн
Переполнившая щит черепаховый,
Кажется, бессловесных рыб
Ты могла б одарить голосом лебедя.

Удивительно ли тогда,
    Что показывают пальцем прохожие
На меня? Если я любим,
    Я обязан тебе честию выпавшей.

4

К Риму

Орел, хранитель молнии блещущей,
В пернатом царстве стал повелителем,
Когда похитил Ганимеда,
Волю Юпитера выполняя.

Сначала юность, пылкость врожденная
Птенца толкнули к первому вылету;
Потом учил его отваге
Ветер весенний, развеяв тучи

В лазурном небе; вскоре за овцами
Орленок начал алчно охотиться;
А там — напал он и на змеев,
В жажде борьбы и поживы щедрой.

Косматый львенок, львицею вскормленный,
Едва завидит серну на пастбище,
Стремится к жертве обреченной,
Острые зубы свирепо скаля.

Таким в Ретийских Альпах винделики
Узнали Друза!.. Странен обычай их
Топорики носить с собою,
Словно у них амазонки — предки.

Откуда навык этот — неведомо,
Но весть правдива: лютых винделиков,
Непобедимых в дни былые,
Юный воитель разбил в сраженье!

Ясна им стала мощь добродетели,
Возросшей в доме, ларами взысканном;
И ясен смысл заботы отчей
Августа о молодых Неронах!

Отважны только отпрыски смелого;
Быки и кони силу родителей
Наследуют; смиренный голубь
Не вырастает в гнезде орлином.

Ученье — помощь силе наследственной,
Душа мужает при воспитании;
Но если кто прельщен пороком —
Все благородное в нем погибнет.

Чем Рим обязан роду Неронову,
Метавр об этом знает: у вод его
Смерть Гасдрубал нашел... Для римлян
Солнце впервые в тот день блеснуло.

Улыбке славы сумрачный Лациум
Тогда поверил: долго Италией
Пуниец шел, как пламень чащей,
Как ураган Сицилийским морем.

И мир услышал речь Ганнибалову:
«Мы — стадо ланей, волчья добыча мы!
Не в битве, только в отступленье
Будем отныне искать триумфа.

О люд троянский, после пожарища
Проплывший смело море Этрусское,
Чтоб дети, старцы и пенаты
Мир обрели под авзонским небом,

Ты впрямь подобен дубу алгидскому,
Который в страшный час, под ударами
Секир, судьбе не покоряясь,
Твердостью спорит с самим железом!

И даже Гидра многоголовая
Смущала меньше взоры Геракловы!
Подобных чудищ не бывало
В дебрях Колхиды и в древних Фивах!

Врага утопишь — выплывет в ярости,
Низринешь наземь — он победителя,
Восстав, повергнет. Скорбным вдовам
Памятна громкая битва будет!

Не слать отныне мне карфагенянам
Посланцев пышных: рушатся, рушатся
Надежды! Гибель Гасдрубала
Нам предвещает позор великий.

Увы, всесильны воины Клавдиев!
Им сам Юпитер грозный сопутствует:
Решенья, принятые мудро,
Оберегают их в трудных войнах».

5

К Августу

Отпрыск добрых богов, рода ты римского
Охранитель благой, мы заждались тебя!
Ты пред сонмом отцов нам обещал возврат
Скорый; о, воротись скорей!

Вождь наш добрый, верни свет своей родине!
Лишь блеснет, как весна, лик лучезарный твой
Пред народом, для нас дни веселей пойдут,
Солнце ярче светить начнет.

Как по сыну скорбит мать, если злобный Нот
По Карпафским волнам плыть не дает ему,
Не давая узреть дома родимого
Больше года; как мать, молясь,

Иль обеты творя, или гадаючи,
Не отводит очей от берегов крутых,
Так, тоской исходя, родина верная
Все томится по Цезарю.

Безопасно бредет ныне по пашне вол;
Сев Церера хранит и Изобилие;
Корабли по морям смело проносятся;
Ни пятна нет на честности;

Не бесчестит семьи любодеяние;
Добрый нрав и закон — цепь для распутников;
Мать гордится, что сын видом в отца пошел;
За виной кара следует.

Кто боится парфян, кто скифа дерзкого?
Кто — Германской страны, диким отродием
Столь чреватой? На то Цезарь наш здравствует!
Кто — войны с злой Иберией?

На холмах у себя день свой проводит всяк,
Сочетая с лозой дерево вдовое,
И, домой воротясь, пьет на пиру, к тебе,
Словно к богу, взываючи.

Он, с мольбою к тебе и с возлиянием
Обращаясь, твое чтит имя божие,
Приобщая его к Ларам,— так в Греции
Чтут Геракла и Кастора.

«О, продли, добрый вождь, ты для Гесперии
Счастья дни!» — по утрам так мы и трезвые
Молим, молим мы так и за вином, когда
Солнце к морю склоняется.

6

К Аполлону

Бог, чью месть за дерзкий язык изведал
Род Ниобы весь, похититель Титий
И Ахилл, едва не вошедший в Трою
Победоносно:

Воин всех сильней, но тебе не равный,
Хоть родился он от Фетиды-нимфы;
Хоть копьем своим приводил он в трепет
Башни дарданцев.

Словно гордый кедр, что секирой срублен,
Словно Эвром вдруг кипарис сраженный,
Рухнул наземь он, и покрылась прахом
Гордая выя.

Он бы не врасплох, не в коне сокрытый,
В том, что ложно был посвящен Минерве,—
Грянул на троян, что в дворце Приама
Пели, пируя;

Нет, он был бы въявь для врага ужасен,
Он бы вверг в огонь и грудных младенцев,
Не щадя — о, грех! — даже тех, что скрыты
В матери чреве.

К счастью, Феб, твой глас и благой Венеры
Вняв, отец богов снизошел к Энею:
Стены дал ему возвести для града
С лучшей судьбою.

Ты, учивший Муз прикасаться к лире,
Ты, чьи дальний Ксанф омывает кудри,
Будь защитой, Феб, Агиэй безусый,
Давна Камене!

Феб вдохнул мне дар — научил искусству
Песни петь и дал мне поэтом зваться.
Лучшие из дев и отцов славнейших
Отроки! Вас ведь

Всех берет под кров свой Диана-дева,
Чьи и рысь и лань поражают стрелы...
Вы блюдите такт, по ударам пальца,
Песни лесбийской.

Чинно пойте песнь вы Латоны сыну,
Пойте той, что свет возвращает ночью,
Рост дает плодам и движеньем быстрым
Месяцев правит.

Дева! Став женой; «Вознесла я,— скажешь,—
Гимн богам во дни торжества, что Риму
Век протекший дал, а поэт Гораций
Дал мне размеры».

7

К Манлию Торквату

С гор сбежали снега, зеленеют луга муравою,
Кудрями кроется лес;
В новом наряде земля, и рекам снова просторно
Воды струить в берегах;

Грация с сестрами вновь среди нимф начинает, нагая,
Легкий водить хоровод.
Ты же бессмертья не жди,— так год прожитой нам вещает,
Месяц вещает и день.

Стужу растопит зефир, весну поглотившее лето
Тоже погибнет, когда
Щедрая осень придет, рассыпая дары, а за нею
Снова нахлынет зима.

Но в небесах за луною луна обновляется вечно,—
Мы же в закатном краю,
Там, где родитель Эней, где Тулл велелепный и Марций,—
Будем лишь тени и прах.

Знает ли кто, подарят ли нам боги хоть день на придачу
К жизни, уже прожитой?
Пусть же минует все то наследников жадных, чем можешь
Жизнь ты свою усладить!

Стоит тебе умереть, и Минос совершит над тобою
Непререкаемый суд,—
Ни красноречье тебя, ни твое благочестье, ни знатность
К жизни, Торкват, не вернут,

Ибо Диана сама своего Ипполита не в силах
Вывесть из царства теней
И не способен Тезей сокрушить оковы, в которых
Страждет давно Пирифой.

8

К Цензорину

Я бы рад, Цензорин, милым товарищам
Чаши в дар принести, бронзу желанную
Иль треножники дать, храбрых отличие
Греков,— ты бы тогда лучший унес себе
Из подарков моих, если б богат я был
Тем, что дали Скопас или Пракситель нам,
Этот — мрамором, тот — краской текучею
И богов и людей изображавшие.
Но и я не богат, да и твои, мой друг,
Вкус и средства совсем с этим не сходственны.
Ты любитель стихов — их и дарю тебе,
И не стану скрывать цену дарения.
Ведь ни мраморный столп с резаной надписью,
Жизнь по смерти вождям храбрым дающею,
Ни пунийцев разгром, ни Ганнибалова
Брань, ему самому ставшая гибелью
[Ни пожар, Карфаген испепеляющий],
Так не славят того, имя кому дала
Покоренная им силою Африка,
Как пропетая песнь музой Калабрии.
Нет деяньям наград, если немотствуют
Свитки Муз. Даже сын Марса и Илии —
Чем он был бы для нас, если б безмолвия
Зависть скрыла навек подвиги Ромула?

Вот Эака из волн вырвавши Стиксовых,
Доблесть, счастье его и всемогущий глас
Песнопевцев вознес в область бессмертия.
Муза смерти не даст славы достойному —
Даст блаженство небес! Так за желанный пир
Сел герой Геркулес в высях Юпитера;
Так Тиндара сыны, звезды блестящие,
С дна морского стремят лодки разбитые
[Так, зеленой лозой лоб свой украсивши];
Вакх свершенье дает нашим желаниям.

9

К Лоллию

Поверь, погибнуть рок не судил словам,
Чтó я, рожден близ шумного Авфида,
С досель неведомым искусством
Складывал в песни под звуки лиры.

Хотя Гомер и первый в ряду певцов,
Но все же Пиндар, все же гроза-Алкей,
Степенный Стесихор, Кеосец
Скорбный еще не забыты славой.

Не стерло время песен, что пел, шутя,
Анакреонт, и дышит досель любовь,
И живы, вверенные струнам,
Пылкие песни лесбийской девы.

Ведь не одна Елена Лаконская
Горела страстью к гостю-любовнику,
Пленясь лицом его и платьем,
Роскошью царской и пышной свитой.

И Тевкр не первый стрелы умел пускать
Из луков критских; Троя была не раз
В осаде; не одни сражались
Идоменей и Сфенел — герои

В боях, достойных пения Муз; приял
Свирепый Гектор и Деифоб лихой
Не первым тяжкие удары
В битвах за жен и детей сограждан.

Немало храбрых до Агамемнона
На свете жило, но, не оплаканы,
Они томятся в вечном мраке —
Вещего не дал им рок поэта.

Безвестный подвиг, словно бездействие,
В могилу сходит. Лоллий! Стихи мои
Тебя без славы не оставят;
Не уступлю я твоих деяний

В добычу алчной пасти забвения;
Тебе природой ум дальновидный дан,
Душою прям и тверд всегда ты
В благоприятных делах и трудных;

Каратель строгий жадных обманщиков,
Ты чужд корысти всеувлекающей;
Ты не на год лишь консул в Риме —
Вечно ты консул, пока ты судишь,

Превыше личной выгоды ставя честь,
Людей преступных прочь отметаешь дар
И сквозь толпу враждебной черни
Доблесть проносишь, как меч победный.

Не тот счастливым вправе назваться, кто
Владеет многим: имя счастливого
К лицу тому лишь, кто умеет
Вышних даянья вкушать разумно,

Спокойно терпит бедность суровую,
Боится пуще смерти постыдных дел,
Но за друзей и за отчизну
Смерти навстречу пойдет без страха.

10

К Лигурину

Неприступный пока, мой Лигурин, щедро Венерою
Одаренный, когда первый пушок спесь пособьет твою,
И обрежут руно пышных кудрей, что по плечам бегут,
И ланиты, чей цвет розы нежней, грубой покроются

Бородою,— тогда ты, Лигурин, в зеркало глянувши,
И не раз и не два скажешь с тоской, видя, что стал другим:
«Ах, зачем не имел в нежных годах чувств я теперешних?
Не вернется, увы, свежесть ланит следом за чувствами!»

11

К Филлиде

Бочка есть с вином у меня альбанским,—
Девять лет ему; есть в саду, Филлида,
Сельдерей, венки чтобы вить; найдется
Плющ в изобилье,—

Он идет к твоим заплетенным косам!
Дом зовет гостей, серебром смеется,
И алтарь, увитый вербеной, жаждет
Праздничной крови.

Все рабы у дел, и мелькают быстро
Там и сям, спеша, все служанки, слуги,
Пляшущий огонь к небесам кидает
Дымные клубы.

Но чтоб знала ты, на какую радость
Ты звана, скажу: мы справляем Иды —
Тот апреля день, что Венерин месяц
Надвое делит.

Этот день святей для меня и ближе,
Чем рожденья день; Меценат желанный
От него ведет счет годам, что быстро
Всё прибывают.

Знаю, что тебя привлекает Телеф,
Но поверь, что он для тебя не пара:
Он давно в плену у другой девицы —
Бойкой, богатой.

Нас от жадных грез Фаэтон спаленный
Должен уберечь; нам урок суровый
Дал крылатый конь, из-под неба сбросив
Беллерофонта!

Дерево ты гни по себе, Филлида,
И, за грех сочтя о неровне грезить,
Не стремись к нему, а скорее эту
Выучи песню

И пропой ее голоском мне милым,—
Страстью я к тебе увлечен последней,
Больше не влюблюсь ни в кого! — рассеет
Песня заботу.

12

К Вергилию-торговцу

Вот уж, спутник весны, веет фракийский ветр,
Гонит вдаль паруса, моря ласкаяя гладь;
Льда уж нет на лугах; воды бесшумно мчат
Реки, талых снегов полны.

Вьет касатка гнездо с слезными стонами
О загубленном ей Итисе, Итисе.
О, позор для Афин! Зло ей пришлось царю
Мстить за дикую страсть его.

Вот пасут пастухи жирных овец стада;
Лежа в мягкой траве, тешат свирелью слух
Богу Пану, кому пó сердцу скот хранить
В темных рощах Аркадских гор.

Будит жажду весна! Хочешь, Вергилий, пить
Сок калесской лозы, Либера дар? Так знай:
Ты получишь вина, юношей знатных друг,—
Нарда только достань ты мне.

Нарда малый оникс выманит амфору,
Ту, что ныне лежит в складе Сульпиция.
Много новых надежд властно дарить вино,
Горечь тяжких забот смывать.

Жаждешь этих утех,— так поспеши скорей
К нам с товаром своим: я ведь не думаю
Дать безмездно тебе мокнуть в моем вине,
Словно в пышном дому богач.

Право, медлить ты брось, всякий расчет забудь.
Помня мрачный костер, можно пока, дерзай
С трезвой мыслью мешать глупость на краткий срок:
Сладко мудрость забыть порой!

13

К Лике

Вняли, Лика, моим боги желаниям,
Вняли, Лика! И вот ты уже старишься,
А чтоб юной казаться,
Пьешь и пляшешь, бесстыдница,

Пьешь и хочешь зазвать песнью дрожащею
Ты Эрота, а тот жертву ждет новую
На ланитах цветущей
Хии, цитры владычицы.

Он, порхая, дубов дряхлых сторонится,
И тебя потому он обегает, что
У тебя уж морщины,
Зубы желты и снег в кудрях.

И ни косская ткань в краске пурпуровой,
Ни камней дорогих блеск не вернут тебе
Тех времен улетевших,
След которых лишь в записях.

Где же прелесть, увы, где же румянец твой,
Где движений краса? Прежняя Лика где,
Что любовью дышала,
Что меня у меня брала,

Состязаясь красой с юной Кинарою?
Но Кинаре судьба краткий лишь век дала,
Собираясь, вороне
Старой возрастом равную,

Лику долго хранить, чтоб этим зрелищем
Любоваться могли пылкие юноши,
Громким хохотом тешась
Пред обугленным факелом.

14

К Августу

Какою в камень врезанной надписью
Смогли б сенат и римские граждане
Тебя достойно возвеличить,
Гордость народа, великий Август,

В краях подлунных между владыками
Себе величьем равных не знающий!
Недавно мощь твоей десницы
Вольнице винделикийских взгорий

Пришлось изведать: ратью твоею Друз
Удар нанес ей незабываемый;
Генавнов отогнав и бревнов,
Крепости их на альпийских высях

С землей сровнял он. Новой победы мы
Недолго ждали: в жарком сражении
Разбито было племя ретов
Старшим Нероном, твоим посланцем.

Он вихрем мчался по полю бранному,
Разя нещадно варварских воинов,
Свободу выше жизни чтущих:
Как необузданный южный ветер

Стегает волны в полночь осеннюю,
Так он отряды вражьи без устали
Крушил и конской потной грудью
Путь пробивал себе в гущу боя.

Как Авфид, вздутый в час половодия,
Беснуясь, мчится через Апулию
И с бычьей силой угрожает
Все затопить — и луга и пашни,—

Так храбрый Клавдий бешеным натиском
Поверг врага и трупами в панцирях
Устлал все поле, оснащенный
Ратью твоею, твоею волей,

Благим участьем мощных богов твоих.
Не в тот ли самый день достопамятный,
Когда тебе Александрия
С плачем открыла свои ворота,

Фортуна снова через пятнадцать лет
Страде военной добрый дала исход
И новой увенчала славой
Мудрое, Август, твое правленье!

Тебе дивятся Индия, Мидия,
Кочевник-скиф и еле смиренные
Кантабры, о оплот священный
Нашего края, державы нашей!

Тебе подвластны Тигр, и Дунай, и Нил.
Свои истоки в дебрях скрывающий,
И Океан, кормилец чудищ,
Дальним британцам ревущий песни.

Тебе послушны галлы бесстрашные
И дети гордой нравом Иберии;
К твоим стопам свое оружье
Племя сигамбров, смирясь, сложило.

15

К Августу

Хотел воспеть я брань и крушение
Держав, но лира грянула Фебова,
Чтоб робкий парус не боролся
С морем Тирренским. В твой век, о Цезарь,

Тучнеют нивы, солнцем согретые,
Знамена дремлют в храме Юпитера,
Забыв парфянский плен позорный;
Долго пустевший приют Квирина —

Святыня снова! Ты обуздать сумел
Рукой железной зло своеволия;
Изгнав навеки преступленья,
Ты возвратил нам былую доблесть.

Она когда-то мощь италийскую —
Латинов имя — грозно прославила
В безмерном мире: от восхода
До гесперийской закатной грани!

Ты наш защитник, Цезарь! Ни гибельной
Войны гражданской ужас не страшен нам,
Ни гнев, кующий меч, чтоб распрю
Города с городом вызвать снова!

Твоим законам, Август, покорствуют
Дуная воду пьющие варвары
И гет, и сер, и парф лукавый,
И порожденные Доном скифы.

А мы, ликуя в будни и праздники,
Дары вкушаем доброго Либера
В кругу детей и жен любимых,
Не забывая богам молиться.

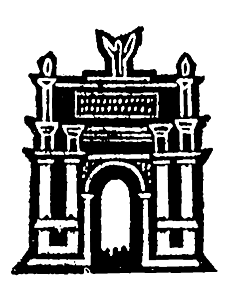
А мы, как наши пращуры, песнями
Под флейту славим доблесть и праведность
Мужей троянских, и Анхиза
С отпрыском дивным благой Венеры.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГИМН

Феб и ты, царица лесов, Диана,
Вы, кого мы чтим и кого мы чтили,
Светочи небес, снизойдите к просьбам
В день сей священный —

В день, когда завет повелел Сивиллы
Хору чистых дев и подростков юных
Воспевать богов, под покровом коих
Град семихолмный.

Ты, о Солнце, ты, что даешь и прячешь
День, — иным и тем же рождаясь снова,
О, не знай вовек ничего славнее
Города Рима!

Ты, что в срок рожать помогаешь женам,
Будь защитой им, Илифия, кроткой
Хочешь ли себя называть Луциной,
Иль Гениталией.

О, умножь наш род, помоги указам,
Что издал сенат об идущих замуж,
Дай успех законам, поднять сулящим
Деторожденье!

Круг в сто десять лет да вернет обычай
Многолюдных игр, да поются гимны
Трижды светлым днем, троекратно ночью
Благоприятной.

Парки! Вы, чья песнь предвещает правду,
То, что рок судил, что хранит, незыблем,
Термин-бог, продлите былое счастье
В новые веки!

Хлебом пусть полна и скотом, Церере
В дар Земля венок из колосьев вяжет,
Ветром пусть плоды и живящей влагой
Вскормит Юпитер.

Благосклонно, лук отложив и стрелы,
Юношей услышь, Аполлон, моленья!
Ты, царица звезд, о Луна младая,
Девушкам внемли!

Если вами Рим был когда-то создан
И Этрусский брег дан в удел троянцам,
Отчий град послушным сменить и Ларов
В бегстве успешном,

За Энеем чистым уйдя, который
Указал им путь из горящей Трои,
Спасшись сам, и дать обещал им больше,
Чем потеряли,—

Боги! Честный нрав вы внушите детям.
Боги! Старцев вы успокойте кротких,
Роду римлян дав и приплод и блага
С вечною славой.

Все, о чем, быков принося вам белых,
Молит вас Анхиза, Венеры отпрыск,
Да получит он, ко врагам смирённым
Милости полный.

Вот на суше, на море перс страшится
Ратей грозных, острых секир альбанских,
Вот и гордый скиф, и индиец дальний
Внемлют веленьям.

Вот и Верность, Мир, вот и Честь, и древний
Стыд, и Доблесть, вновь из забвенья выйдя,
К нам назад идут, и Обилье с полным
Близится рогом.

Вещий Феб, чей лук на плечах сверкает,
Феб, который люб девяти Каменам,
Феб, который шлет исцеленье людям
В тяжких недугах,

Он узрит алтарь Палатинский оком
Добрым, и продлит он навеки Рима
Мощь, из года в год одаряя новым
Счастием Лаций.

С Алгида ль высот, с Авентина ль внемлет
Здесь мужей пятнадцати гласу Дева,
Всех детей моленьям она любовно
Ухо приклонит.

Так решил Юпитер и сонм всевышних,—
Верим мы, домой принося надежду,
Мы, чей дружный хор в песнопенье славил
Феба с Дианой.

ЭПОДЫ

1

К Меценату

На либурнийских, друг, ты поплывешь ладьях
К судам громадным вражеским:
Везде охотно с Цезарем готов делить
Ты, Меценат, опасности.
А мне как быть? Мне жизнь мила, пока ты жив.
И в тягость, если нет тебя!
Избрать ли лучше мне, как ты велишь, покой,
Не сладкий от тебя вдали,
Иль подвиг бранный твой, чтобы нести его,
Как надо мужу стойкому?
Так понесем же вместе! Хоть чрез Альп хребты,
Хоть по Кавказу дикому,
Хоть до пределов самых крайних Запада
С тобой пойду бесстрашно я.
Ты спросишь, чем же облегчу я подвиг твой,
Я, слабый, невоинственный?

С тобой вдвоем я меньше за тебя боюсь,
Чем мучась в одиночестве!
Страшней наседке за неоперившихся
Птенцов, коль их покинула,
Хоть от подползших змей их защитить она
Не сможет и присутствуя.
И в этот и во всякий я готов поход,
Надеясь на любовь твою,
А вовсе не в надежде, что удастся мне
Побольше впрячь волов в плуги,
Иль что до зноя скот мой из Калабрии
Пастись пойдет в Луканию,
Иль что достигнут стен высоких Тускула
Мои чертоги сельские.
О нет! Уже я слишком от щедрот твоих
Богат; копить не стану я
Еще, чтоб в землю прятать, как скупой Хремет,
Иль расточать, как жалкий мот.

2

На Альфия

«Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Наследье дедов пашет на волах своих,
Чуждаясь всякой алчности,
Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь бурь морских,
Забыв и форум, и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих.
В тиши он мирно сочетает саженцы
Лозы с высоким тополем,
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали, в логу заброшенном,
Иль, подрезая сушь на ветках, делает
Прививки плодоносные,
Сбирает, выжав, мед в сосуды чистые,
Стрижет овец безропотных;
Когда ж в угодьях Осень вскинет голову,
Гордясь плодами зрелыми,—
Как рад снимать он груш плоды отборные
И виноград пурпуровый
Тебе, Приап, как дар, или тебе, отец
Сильван, хранитель вотчины!
Захочет — ляжет иль под дуб развесистый,
Или в траву высокую;

Лепечут воды между тем в русле крутом,
Щебечут птицы по лесу,
И струям вторят листья нежным шепотом,
Сны навевая легкие...
Когда ж Юпитер-громовержец вызовет
С дождями зиму снежную,—
В тенета гонит кабанов свирепых он
Собак послушных сворою,
Иль расстилает сети неприметные,
Дроздов ловя прожорливых,
Порой и зайца в петлю ловит робкого,
И журавля залетного.
Ужель тревоги страсти не развеются
Среди всех этих радостей,—
Вдобавок если ты с подругой скромною,
Что нянчит милых детушек,
С какой-нибудь сабинкой, апулийкою,
Под солнцем загоревшею?
Она к приходу мужа утомленного
Очаг зажжет приветливый
И, скот загнав за изгородь, сама пойдет
Сосцы доить упругие,
Затем вина подаст из бочки легкого
И трапезу домашнюю.
Тогда не надо ни лукринских устриц мне,
Ни губана, ни камбалы,
Хотя б загнал их в воды моря нашего
Восточный ветер с бурею;
И не прельстят цесарки африканские
Иль рябчики Ионии
Меня сильнее, чем оливки жирные,
С деревьев прямо снятые,
Чем луговой щавель, для тела легкая
Закуска из просвирника,
Или ягненок, к празднику заколотый,
Иль козлик, волком брошенный.
И как отрадно наблюдать за ужином
Овец, бегущих с пастбища,
Волов усталых с плугом перевернутым,
За ними волочащимся,

И к ужину рабов, как рой, собравшихся
Вкруг ларов, жиром блещущих!»
Когда наш Альфий-ростовщик так думает,—
Вот-вот уж и помещик он.
И все собрал он было к Идам денежки,
Да вновь к Календам в рост пустил!

3

К Меценату

Коль сын рукою нечестивой где-нибудь
Отца задушит старого,
Пусть ест чеснок: цикуты он зловреднее!
О, крепкие жнецов кишки!
Что за отрава мне в утробу въелася?
Иль кровь змеи мне с этою
Травой варилась назло? Иль Канидия
Мне зелье это стряпала?
Когда Медею Аргонавтов вождь пленил
Своей красой блистательной,
Она, чтоб мог он диких укротить быков,
Язона этим смазала;
И, влив такой же яд в дары сопернице,
Умчалась на крылах змеи.
Еще ни разу звезды так не жарили
Засушливой Апулии,
И плеч Геракла так не жег могучего
Кентавра дар мучительный.
А коль, затейник-Меценат, захочешь ты
Опять такого кушанья,
Пусть поцелуй твой дева отстранит рукой
И дальше отодвинется!

4

К вольноотпущеннику

Вражда такая ж, как у волка с овцами,
И мне с тобою выпала.
Бичами бок твой весь прожжен испанскими,
А голени — железами.
Ходи ты, сколько хочешь, гордый деньгами,—
Богатством свой не скроешь род!
Ты видишь, идя улицей Священною,
Одетый в тогу длинную,
Как сторонятся все тебя прохожие,
Полны негодования?
«Плетьми запорот так он триумвирскими,
Что и глашатай выдохся;
В Фалерне ж он помещик: иноходцами
Он бьет дорогу Аппия.
Как видный всадник, в первых он рядах сидит,
С Отоном не считаяся.
К чему же столько кораблей тяжелых нам
Вести с носами острыми
На шайки беглых, на морских разбойников,
Коль он — трибун наш воинский?»

5

Против Канидии

«О боги, кто б ни правил с высоты небес
Землей и человечеством,
Что значат этот шум и взоры грозные,
Ко мне все обращенные?
Детьми твоими заклинаю я тебя,
Коль впрямь была ты матерью,
Ничтожной этой оторочкой пурпурной
И карами Юпитера,
Зачем ты смотришь на меня, как мачеха,
Как зверь, стрелою раненный?»
Лишь кончил мальчик умолять дрожащими
Устами и, лишен одежд,
Предстал (он детским телом и безбожные
Сердца фракийцев тронул бы),—
Канидия, чьи волосы нечесаны
И перевиты змейками,
Велит и ветви фиг, с могил добытые,
И кипарис кладбищенский,
И яйца, кровью жабы окропленные,
И перья мрачных филинов,
И травы, ядом на лугах набухшие
В Иолке и в Иберии,
И кость, из пасти суки тощей взятую,
Сжигать в колхидском пламени.

Меж тем Сагана быстрая весь дом вокруг
Кропит водой авернскою,
Как у бегущих вепрей иль ежей морских
Волосья ощетинились.
А Вейя, совесть всякую забывшая,
Кряхтя с натуги тягостной,
Копает землю крепкою мотыгою,
Чтоб яму вырыть мальчику,
Где б, видя смену пред собою кушаний,
Он умирал бы медленно,
Лицо не выше над землею выставив,
Чем подбородок тонущих.
Пойдет сухая печень с мозгом вынутым
На зелье приворотное,
Когда, вперившись в яства недоступные,
Зрачки угаснут детские.
Мужскою страстью одержима, Фолия
Была тут Ариминская:
И весь Неаполь праздный и соседние
С ним города уверены,
Что фессалийским сводит заклинанием
Она луну со звездами.
Свинцовым зубом тут грызя Канидия
Свой ноготь неостриженный,
О чем молчала, что сказала? «Верные
Делам моим пособницы,
Ночь и Диана, что блюдешь безмолвие
При совершенье таинства,
Ко мне! На помощь! На дома враждебные
Направьте гнев божественный!
Пока в зловещих дебрях звери прячутся,
В дремоте сладкой сонные,
Пускай, всем на смех, лаем псы субурские
Загонят старца блудного!
Таким он нардом умащен, что лучшего
Рука моя не делала.
Но что случилось? Почему же яростной
Медеи яд не действует,
Которым гордой отомстив сопернице,
Царя Креонта дочери,

Она бежала прочь, а новобрачную
Спалил наряд отравленный?
Травой и корнем я не обозналася,
По крутизнам сокрытыми!
Ведь отворотным от любовниц снадобьем
Постель его намазана!
Ага! Гуляет он, от чар избавленный
Колдуньей, что сильней меня.
О Вар, придется много слез пролить тебе:
Питьем еще неведомым
Тебя приважу: не вернут марсийские
Тебе заклятья разума.
Сильней, сильнее зелье приготовлю я,
Тебе волью, изменнику!
Скорее небо ниже моря спустится,
А суша ляжет поверху,
Чем, распаленный страстью, не зажжешься ты,
Как нефть, коптящим пламенем!»
Тут мальчик бросил ведьм безбожных жалобно
Смягчать словами кроткими
И бросил им, чтобы прервать молчание,
Фиестовы проклятия:
«Волшебный яд ваш, правду сделав кривдою,
Не властен над судьбой людей.
Проклятье вам! И этого проклятия
Не искупить вам жертвами!
Лишь, обреченный смерти, испущу я дух,
Ночным явлюсь чудовищем,
Вцеплюсь кривыми я когтями в лица вам,
Владея силой адскою,
На грудь налягу вашу беспокойную
И сна лишу вас ужасом!
Всех вас, старухи мерзкие, каменьями
Побьет толпа на улице,
А трупы волки растерзают хищные
И птицы эсквилинские.
И пусть отец мой с матерью несчастною
Увидят это зрелище!»

6

К клеветнику

Что на прохожих мирных, пес, кидаешься?
Знать, волка тронуть боязно?
Посмей-ка только на меня ты броситься,
Узнаешь, как кусаюсь я!
Ведь я, как рыжий пес лаконский иль молосс,
Защитник стад пастушеских,
В снегу глубоком, уши вверх, за зверем мчусь,
Какой бы ни был спереди;
А ты, наполнив рощу грозным лаем, сам
Кусок, что кинут, нюхаешь.
Смотри, смотри же! Я — на злых жесток — держу
Рога мои готовыми,
Как зять, Ликамбу мстивший вероломному,
Как враг горячий Бупала.
Ужели, черным зубом тронут, буду я,
Не мстя, реветь, как мальчики?

7

К римскому народу

Куда, куда вы валите, преступные,
Мечи в безумье выхватив?!
Неужто мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою —
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,
Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,
А для того, чтобы, парфянам на руку,
Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем!
Ослепли вы? Влечет вас всех неистовство?
Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы — в оцепенении...
Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь, правнуков заклявшая.

9

К Меценату

Когда ж, счастливец Меценат, отведаем,
Победам рады Цезаря,
Вина Цекуба, что хранилось к празднику
(Угодно так Юпитеру)
В твоем высоком доме и споем под звук
Дорийской лиры с флейтами?
Так пили мы, когда суда сожженные
Покинул вождь, Нептуна сын,
Грозивший Риму узами, которые
С рабов он снял, предателей.
О, римский воин — не поверят правнуки! —
Порабощен царицею;
В оружии, с поклажей служит женщине
И евнухам морщинистым;
И солнце видит меж знамен воинственных
Постель с кисейным пологом!
Две тысячи тут галлов, повернув коней,
Привет пропели Цезарю,
И вдруг, налево в гавань повернувшие,
Суда укрылись недругов...
Веди ж златую колесницу, о Триумф,
Телят, ярма не ведавших!
Вождя ему, Триумф, не видел равного
Ты ни в войну с Югуртою,

Ни в ту, в которой доблесть Сципионова
Сам Карфаген разрушила!
Уж враг на суше, на море поверженный,
Сменил на траур пурпур свой.
Иль в гавань Крита он плывет стоградного,
Недобрым ветром движимый,
Иль к Сиртам, южным Нотом вечно зыблемым,
Иль по морям неведомым.
Неси же, мальчик, в чашах нам уемистых
Хиосских иль лесбосских вин,
Иль влей вина ты нам еще цекубского,
От тошноты целящего:
Заботы любо нам и страх за Цезаря
Прогнать Лиэем сладостным!

10

К Мевию

Идет корабль, с дурным отчалив знаменьем,
Неся вонючку-Мевия.
Так в оба борта бей ему без устали,
О Австр, волнами грозными!
Пусть, море вздыбив, черный Эвр проносится,
Дробя все снасти с веслами,
И Аквилон пусть дует, что нагорные
Крошит дубы дрожащие,
Пускай с заходом Ориона мрачного
Звезд не сияет благостных.
По столь же бурным пусть волнам он носится,
Как греки-победители,
Когда сгорела Троя и Паллады гнев
На судно пал Аяксово.
О, сколько пота предстоит гребцам твоим,
Тебе же — бледность смертная,
Позорный мужу вопль, мольбы и жалобы
Юпитеру враждебному,
Когда дождливый Нот в заливе Адрия,
Взревевши, разобьет корму.
Когда ж добычей жирной будешь тешить ты
Гагар на берегу морском,
Тогда козел блудливый вместе с овцами
Да будет Бурям жертвою!

11

К Петтию

Теперь, как прежде, Петтий, мне писать стишки
  Радости нет никакой, когда пронзен любовью я,
Любовью той, что ищет пуще всех во мне
  К мальчикам страсти огонь зажечь иль к нежным девушкам.
Я отрезвился от любви к Инахии —
  Третий декабрь с той поры листву с деревьев стряхивал.
Увы, какой мне стыд, везде по городу
  Баснею стал я какой! Как стыдно мне пиров теперь,
Где обличало все меня в любви моей:
  Томность, молчанье мое и вздох из глубины груди.
«Ужели перед богачом ничтожество
  С искренним чувством бедняк? — в слезах тебе я сетовал,
Когда нескромный Вакх из сердца пылкого
  Жгучим вином выводил на свет все чувства тайные.—
Но раз свободно наконец в груди моей
  Гневом вздымается желчь, пущу тогда я на ветер
Припарки, раны сердца не целящие,
  Брошу с неравным борьбу врагом мою постыдную...»
Похвастawшись тебе таким решением,
  Я отправлялся домой; но шел стопой неверною,
О, горе, вовсе не к своим дверям, увы!
  К жестким порогам, где я и бедра и бока ломал!
Теперь Ликиска я люблю надменного:
  Девушек может он всех затмить своею нежностью.

Бессильно все из этих пут извлечь меня:
Друга ль сердечный совет, насмешки ли суровые.
Лишь страсть другая разве; или к девушке,
К стройному ль станом юнцу, узлом что вяжет волосы.

13

К друзьям

Грозным ненастием свод небес затянуло: Юпитер
  Низводит с неба снег и дождь; стонут и море и лес.
Хладный их рвет Аквилон фракийский. Урвемте же, други,
  Часок, что послан случаем. Силы пока мы полны,
Надо нам быть веселей! Пусть забудется хмурая старость!
  Времен Торквата-консула дай нам скорее вина!
Брось говорить о другом: наверное, бог благосклонно
  Устроит все на благо нам. Любо теперь нам себя
Нардом персидским увлажнить и звуками лиры килленской
  От горя и волнения сердце свое облегчить.
Так и великому пел питомцу Кентавр знаменитый:
  «В бою непобедимый ты, смертным Фетидой рожден.
Край Ассарака тебя ожидает, где хладные волны
  Текут Скамандра скудного, быстро бежит Симоис.
Путь же обратный тебе оттуда отрезали Парки,
  И даже мать лазурная в дом уж тебя не вернет.
Там облегчай ты вином и песней тяжелое горе:
  Они утеху сладкую в скорби тяжелой дают».

14

К Меценату

Вялость бездействия мне почему столь глубоким забвеньем
Все чувства переполнила,
Словно из Леты воды снотворной я несколько кубков
Втянул иссохшей глоткою?
Часто вопросом таким ты меня, Меценат, убиваешь.
То бог, то бог мешает мне
Ямбы начатые — песнь, что давно уж тебе обещал я,—
Отделать вглаль и начисто.
Страстью такой, говорят, к Бафиллу-самосцу теосский
Поэт Анакреонт пылал.
Часто оплакивал он любви своей муки на лире
В стихах необработанных.
Сам ты, бедняга, горишь,— огня твоего не прекрасней
Был тот, что Илион спалил.
Радуйся счастью! А я терзаюсь рабынею Фриной:
Ей мало одного любить!

15

К Неэре

Ночью то было — луна сияла с прозрачного неба
Среди мерцанья звездного,
Страстно когда ты клялась, богов оскорбляя заране,—
Клялась, твердя слова мои
И обвивая тесней, чем плющ ствол дуба высокий,
Меня руками гибкими,
Ты повторяла: доколь Орион мореходов тревожит,
А волк грозит стадам овец,
Длинные ветер доколь развевает власы Аполлона —
Взаимной будет страсть твоя!
Больно накажет тебя мне свойственный нрав, о Неэра:
Ведь есть у Флакка мужество,—
Он не претерпит того, что ночи даришь ты другому,—
Найдет себе достойную,
И не вернет твоя красота мне прежнего чувства,
Раз горечь в сердце вкралася!
Ты же, соперник счастливый, кто б ни был ты, тщетно гордишься,
Моим хвалясь несчастием;
Пусть ты богат и скотом и землею, пускай протекает
По ней рекою золото;
Пусть доступны тебе Пифагора воскресшего тайны,
Прекрасней пусть Нирея ты,—
Все же, увы, и тебе оплакать придется измену:
Смеяться будет мой черед!

16

К римскому народу

Вот уже два поколенья томятся гражданской войною,
И Рим своей же силой разрушается,—
Рим, что сгубить не могли ни марсов соседнее племя,
Ни рать Порсены грозного этрусская,
Ни соревнующий дух капуанцев, ни ярость Спартака,
Ни аллоброги, в пору смут восставшие.
Рим, что сумел устоять пред германцев ордой синеокой,
Пред Ганнибалом, в дедах ужас вызвавшим,
Ныне загубит наш род, заклятый братскою кровью,—
Отдаст он землю снова зверю дикому!
Варвар, увы, победит нас и, звоном копыт огласивши
Наш Рим, над прахом предков надругается;
Кости Квирина, что век не знали ни ветра, ни солнца,
О, ужас! будут дерзостно разметаны...
Или, быть может, вы все иль лучшие, ждете лишь слова
О том, чем можно прекратить страдания?
Слушайте ж мудрый совет: подобно тому как фокейцы,
Проклявши город, всем народом кинули
Отчие нивы, дома, безжалостно храмы забросив,
Чтоб в них селились вепри, волки лютые,—
Так же бегите и вы, куда б ни несли ваши ноги,
Куда бы ветры вас ни гнали по́ морю!
Это ли вам по душе? Иль кто надоумит иначе?
К чему же медлить? В добрый час, отчаливай!
Но поклянемся мы все: пока не заплавают скалы,
Утратив вес,— невместно возвращение!

К дому направить корабль да будет не стыдно тогда лишь,
Когда омоет Пад Матина макушку
Или когда Апеннин высокий низвергнется в море,—
Когда животных спарит неестественно
Дивная страсть, и олень сочетается с злою тигрицей,
Блудить голубка станет с хищным коршуном,
С кротким доверием львов подпустят стада без боязни,
Козла заманит моря глубь соленая!
Верные клятве такой, возбранившей соблазн возвращенья,
Мы всем гуртом, иль стада бестолкового
Лучшею частью,— бежим! Пусть на гибельных нежатся ложах
Одни надежду с волей потерявшие.
Вы же, в ком сила жива, не слушая женских рыданий,
Летите мимо берегов Этрурии;
Манит нас всех Океан, омывающий землю блаженных.
Найдем же землю, острова богатые,
Где урожаи дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет,
Завязь приносят всегда без отказа все ветви маслины
И сизым плодом убрана смоковница;
Мед где обильно течет из дубов дуплистых, где с горных
Сбегают высей вод струи гремучие.
Без понуждения там к дойникам устремляются козы,
Спешат коровы к дому с полным выменем;
С ревом не бродит медведь там вечерней порой у овчарни,
Земля весной там не кишит гадюками.
Многих чудес благодать нас ждет: не смывает там землю
Дождливый Эвр струями непрестанными
И плодородных семян не губит иссохшая почва:
Там Царь Бессмертных умеряет все и вся;
Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,
И не томится он от солнца знойного.
Не устремляли в тот край свой корабль гребцы Аргонавты,
Распутница Медея не ступала там;
Не направляли туда кораблей ни пловцы-финикийцы,
Ни рать Улисса, много претерпевшего.
Зевс уготовил брега те для рода людей благочестных,
Когда затмил он золотой век бронзою;
Бронзовый век оковав железом, для всех он достойных
Дает — пророчу я — теперь убежище.

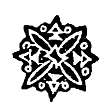
17

К Канидии

Сдаюсь, сдаюся я искусству мощному!
Молю во имя Прозерпины царственной,
Молю Дианой неприкосновенною
И заклинаний свитками, могущими
С небес на землю низводить созвездия:
О, пощади! Заклятьям дай, Канидия,
Обратный ход и чары уничтожь свои!
Ведь внука умолил Телеф Нереева,
Хоть и ходил он на него с мизийцами,
Хоть и метал в него он стрелы острые.
Ведь и троянки умастили Гектора,
Пернатым и собакам обреченного,
Когда, оставя стены, илионский царь
К ногам Ахилла пал неумолимого.
Ведь и гребцы Улисса злополучного
Щетинистые шкуры с тела сбросили
С согласия Цирцеи,— и вернулись вновь
И речь, и разум к ним, и облик доблестный.
Тобой довольно я уже наказан был,
Любимица матросов и разносчиков!
Исчезли юность и румянец скромности,
Остались кости только с кожей бледною,
И волосы, седые от помад твоих.
От мук не знаю никогда я отдыха:

Гоня друг друга, день и ночь сменяются,
Но мне от тяжких вздохов грудь не вылечить.
Готов признать я все, чему не верил я:
И то, что сердце рвут стихи сабелльские,
А от марсийских песен голова трещит.
Чего еще ты хочешь? Я горю, горю:
Так самого Геракла кровь кентаврова
Не жгла, ни в Этне пламя сицилийское
Так не бушует жарко! Ты ж, несносная,
Пока мой прах не разнесется ветрами —
Варить отравы будешь всё колхидские.
Какой конец, какую дань назначишь мне?
Скажи: когда я честно пени выплачу,—
Чтоб искупить мне все, быков ли сотню ты
Себе попросишь или восхваления
На лживой лире: «Чистая ты, честная,
Сиять ты будешь меж светил звездой златой!
Ведь даже за Елену оскорбленные
Кастор с Поллуксом поддались мольбам певца
И вновь его глазам вернули зрение;
Так разреши — ты властна! — от безумия
Меня, о ты, чей грязью не запятнан род,
О ты, что и не мыслишь на девятый день
Умерших нищих бедный прах выкапывать,
Чье сердце мягко, руки не запятнаны;
И Пактумéй — плод чрева твоего; и кровь
Твою смывает бабка с твоего белья,
Лишь вскочишь с ложа, бодрая родильница!» —
«Зачем мольбы ты в уши шлешь закрытые?
Ведь глуше я, чем скалы к воплям тонущих,
Когда Нептун волнами бьет их зимними!
Как, разглашать ты будешь безнаказанно
Котитты тайны и Амура вольного?
И, словно эсквилинский чародей и жрец,
Мои дела осмеивать по городу!
К чему ж платила старым я пелигнянкам
И яд к чему мешала быстродейственный?
Но век твой будет дольше, чем хотел бы ты,
Несчастный, будешь жизнь влачить ты горькую,
Чтоб подвергаться новым все страданиям.

Покоя жаждет Пе́лопа-предателя
Отец, голодный Тантал перед яствами,
И Прометей, орлом давно терзаемый,
И на вершине горной укрепить скалу
Сизиф стремится, вопреки Юпитеру.
То с верху башни ты захочешь броситься,
То, петлей шею затянув, повеситься
Иль меч германский в грудь вонзить в унынии
Тяжелом — тщетны будут все старания!
Помчусь, как вражий всадник, на плечах твоих, —
И предо мной сама земля расступится!
Иль мне, что может, — как ты, любопытствуя,
Узнал, — из воска куклам дать движения
И месяц с неба совлекать заклятьями,
И мертвецов сожженных расшевеливать,
Варить искусно зелья приворотные, —
Иль мне рыдать, что чарам недоступен ты?»

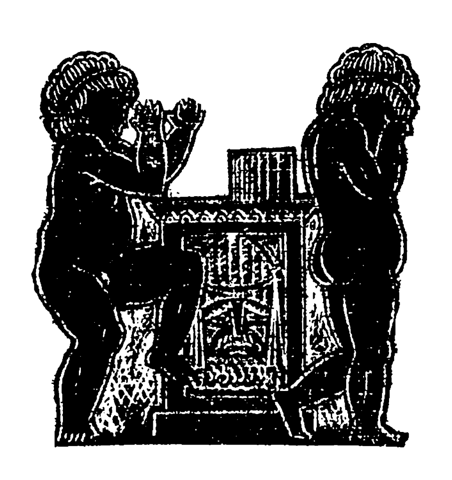

САТИРЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Что за причина тому, Меценат, что какую бы долю
Нам ни послала судьба и какую б ни выбрали сами,
Редкий доволен, и всякий завидует доле другого?
«Счастлив купец!» — говорит солдат, отягченный летами,
Чувствуя, как у него все тело усталое ноет.
И отвечает купец-мореходец, бросаемый бурей:
«Воин счастливей меня! Еще бы: лишь кинется в битву,
Час не пройдет — иль скорая смерть, или радость победы!»,
Хвалит удел мужика законник, опытный в праве,
Слыша, как в двери к нему стучится чем свет доверитель.
Ну, а мужик, для суда оставить село принужденный,
В город шагая, одних горожан за счастливцев считает!
Этих примеров не счесть: толкуя о них, утомится
Даже и Фабий-болтун! Итак, чтоб тебе не наскучить,

Слушай, к чему я веду. Представь-ка, что бог им предложит:
«Вот я! Исполню сейчас все, чего вы желали! Ты, воин,
Будешь купцом; ты, ученый делец, земледельцем! Ступайте,
Те сюда, а эти туда, поменявшись ролями!»
Нет, смотри: не хотят! А ведь счастье у них под рукою.
После этого как не надуть и Юпитеру губы,
Как не воскликнуть ему во гневе своем справедливом,
Что никогда с этих пор к людским не склонится он просьбам?
  Впрочем, начал я речь не затем, чтоб потешиться шуткой!
Правда, порою не грех и с улыбкою истину молвить:
Так ведь и школьный учитель, привлечь желая питомцев,
Пряники детям дает, чтобы азбуке лучше учились;
Но — мы в сторону шутку; поищем чего поважнее.
  Тот, кто ворочает землю упорной сохою, и этот
Лживый шинкарь, и солдат, и моряк, проплывающий смело
Бездны сердитых морей,— все одним утешаются в мыслях:
Тем, что за все злоключенья, какие они испытали,
Будет наградой им полный амбар и спокойная старость.
«Так,— для примера они говорят,— муравей работящий,
Даром что мал, а что сможет, ухватит и к куче прибавит:
Думает тоже о будущем он и беды бережется».
Да! Но лишь год, наступающий вновь, Водолей опечалит,
Он из норы ни на шаг, наслаждаясь разумно запасом,
Собранным прежде; а ты? А тебя ведь ни знойное лето,
Ни зима, ни огонь, ни моря, ни железо не могут
От барышей оторвать: лишь бы не был другой кто богаче!
  Что же в том пользы тебе, что от всех украдкой ты в землю
Золота и серебра зарываешь тяжелые груды?..
«Стоит почать,— говоришь ты,— дойдешь до последнего асса»,
Ну, а ежели их не почать, что за польза от кучи?
Пусть у тебя на гумне хоть сто тысяч мешков намолотят;
Твой желудок не больше вместит моего! Ведь когда бы
Ты в караване рабов тащил плетенку с хлебами,
Все же в прокорм получил бы не больше любого другого!
Что же за нýжда тому, кто живет в пределах природы,
Сто ли вспахал десятин он иль тысячу? — «Так! да приятней
Брать из кучи большой!» — Поверь, все равно что из малой,
Лишь бы я мог и из малой взять столько, сколько мне нужно!
Что ж ты огромные житницы хвалишь свои? Чем их хуже
Хлебные наши мешки?.. А если б тебе довелася

Нужда в одном лишь кувшине воды, ты разве сказал бы:
«Лучше в большой я реке зачерпну, чем в источнике этом!»
Вот оттого людей, которые жадны не в меру,
С берегом вместе снесет и потопит Авфид бурливый!
Кто же доволен лишь тем немногим, что нужно, ни в тине
Мутной воды не черпнет, ни жизни в волнах не погубит!
Очень много людей твердят, опьяняясь корыстью:
«Мало нам, мало всего! Ведь нас по богатству лишь ценят!»
С этими что толковать! Пускай их мучатся вволю!
Был же в Афинах один скупец, богатый и гнусный,—
Он презирал людскую молву и сужденье сограждан.
«Пусть их освищут меня,— говорит,— но зато я в ладоши
Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуясь!»
Так вот и Тантал сидел в воде, а вода убегала
Дальше и дальше от уст... Чему ты смеешься? Лишь имя
Стоит тебе изменить,— не твоя ли история это?..
Так ведь и ты над деньгами проводишь бессонные ночи,
Их осужденный беречь как святыню; любуешься ими,
Точно картиной какой! А знаешь ли деньгам ты цену?
Знаешь ли, деньги на что? Чтоб купить овощей, или хлеба,
Или бутылку вина, без чего обойтись невозможно.
Или приятно тебе, полумертвому в страхе, беречь их
Денно и нощно, боясь и воров, и пожара, и даже
Собственных в доме рабов, чтоб они, обокрав, не бежали!
Нет! Пусть лучше меня минует такое богатство!
Если когда лихорадки озноб ты почувствуешь в теле
Или другая болезнь к постели тебя приневолит,
Будет ли кто за тобою ходить и готовить припарки
Или врача умолять, чтобы спас от болезни и снова
Детям, родным возвратил? Ни супруга, ни сын не желают!
Ну, а соседи твои и знакомые, слуги, служанки?
Все ненавидят тебя! Ты дивишься? Чему же? Ты деньги
В мире всему предпочел,— за что же любить тебя людям?
Если ты хочешь родных, без труда твоего и заботы
Данных природой тебе, и друзей удержать за собою,—
Тщетны надежды твои: с таким же успехом осленка
Мог бы ты приучать к ристанью на Марсовом поле!
Полно копить! Ты довольно богат; не страшна уже бедность!
Время тебе отдохнуть от забот; что желал, ты имеешь!
Вспомни Умидия горький пример; то недлинная повесть.

Так он богат был, что деньги считал уже хлебною мерой;
Так он был скуп, что грязнее любого раба одевался,
И — до последнего дня — разоренья и смерти голодной
Все он боялся! Но вот нашлась на него Тиндарида:
Девка, которую сам отпустил он из рабства на волю,
В руки топор ухватив, пополам богача разрубила!
«Что ж ты советуешь мне? Чтоб я жил, как какой-нибудь Невий
Или же как Номентан?» — Ошибаешься! Что за сравненье
Крайностей, вовсе не сходных ни в чем? Запрещая быть скрягой,
Вовсе не требую я, чтоб безумный ты был расточитель!
Меж Танаиса и тестя Визельева есть середина!
Мера должна быть во всем, и всему есть такие пределы,
Дальше и ближе которых не может добра быть на свете!
Я возвращаюсь к тому же, чем начал; подобно скупому,
Редкий доволен судьбой, считая счастливцем другого!
Если чужая коза нагуляет полней себе вымя,
То уж и тут человек от зависти сохнет и чахнет.
Все он глядит не на тех, кто бедней, а на тех, кто богаче,
Хочет сравняться с одним, с другим, а с третьим не может!
Так, когда на бегах колесницы летят из ограды,
Только вперед возницы глядят, за передними рвутся.
А до отставших, до тех, кто в хвосте, им нет уже дела.
Вот оттого-то мы редко найдем, кто сказал бы, что прожил
Счастливо жизнь, и, окончив свой путь, выходил бы из жизни.
Точно как гость благодарный, насытясь, выходит из пира.
Но уж довольно: пора замолчать, чтоб ты не подумал,
Будто таблички украл у подслепого я, у Криспина!

2

Флейтщицы, нищие, мимы, шуты, лекаря площадные,
Весь подобный им люд огорчен и в великом смущенье:
Умер Тигеллий-певец: он для них был и щедр и приветлив!
Так; а иной, опасаясь прослыть расточителем, даже
Бедному другу не хочет подать и ничтожную помощь,
Чтобы укрылся от холода он, утолил бы свой голод!
Спросишь: зачем он добро, нажитое отцом или дедом,
Все без остатка спускает в свою ненасытную глотку
И на заемные деньги скупает к столу разносолы?..
Скажет: не хочет он слыть мелочным и расчетливым скрягой!
Что ж, ответ как ответ; да не всякий с таким согласится.
Вот Фуфидий скорей прослыть испугается мотом:
Он, у кого за душой и поместий и денег немало,
Пять процентов на месяц берет с должников, и чем больше
Кто нуждою стеснен, тех более он притесняет!
Больше всего он ловит людей молодых, у которых
Строги отцы, и надевших недавно вирильную тогу.
Как не воскликнуть, услышавши это: «Великий Юпитер!»
Скажут: «Конечно, зато по доходам его и расходы?»
Нет! Не поверишь никак! Он сам себе недруг! Не меньше,
Чем у Теренция сына изгнавший отец был страдальцем,
Так же и он — сам терзает себя, не давая покоя.
Спросишь, к чему эту речь я веду? К тому, что безумный,
Бросив один недостаток, всегда попадает в противный!

Так у Мальтина, вися, по земле волочится туника;
Ну, а другой до пупа поднимает ее, щеголяя.
Пахнет духами Руфилл — и козлом воняет Гаргоний.
Нет середины! Одни на тех лишь зарятся женщин,
Столы которых обшиты оборкой, до пят доходящей;
А для других хороши лишь девки в вонючих каморках.
Встретив знакомого раз от девок идущего: «Славно!» —
Мудрый воскликнул Катон, изрекая великое слово:
«В самом деле: когда от похоти вздуются жилы,
Юношам лучше всего спускаться сюда и не трогать
Женщин замужних».— «Ну нет, такой я хвалы не хотел бы!» —
Молвит под белой лишь столой ценящий красу Купиэнний.
Вот и послушайте вы, коль успеха в делах не хотите
Бабникам,— сколько страдать приходится им повсеместно,
Как наслаждение им отравляют заботы и беды,
Как достается оно ценою опасностей тяжких.
С крыши тот сбросился вниз головою, другого кнутами
Насмерть засекли; а тот, убегая, разбойников шайке
В руки попал; а другой поплатился деньгами за похоть;
Третий мочою облит; был раз и такой даже случай,
Что, волокиту схватив, совершенно его оскопили
Острым ножом. «Поделом!» — говорили все, Гальба же спорил.
В низшем сословии этот товар куда безопасней!
Вольноотпущенниц я разумею, которых Саллюстий
Любит безумно, как истый блудник. Но было бы лучше,
Если бы он понимал, как жить с умом и по средствам,
Если бы он, подарки даря, знал должную меру,
Добрым и щедрым бы слыл, однако себе не в убыток
И не на срам. Но, увы! Одной лишь он тешится мыслью,
Любит и хвалит одно: «Ни одной не касаюсь матроны».
Так же недавно Марсей, любовник Оригины славной,
Отчую землю и дом танцовщице отдал в подарок,
Хвастая: «Я ведь зато ничьей не коснулся супруги».
Пусть, однако, он жил и с плясуньей, и с уличной девкой —
Чем не убыток для средств, а пуще — для чести? Неужто
Надо отдельных особ избегать, не заботясь избегнуть
Зла, приносящего вред? Утратить ли доброе имя
Иль состоянье отца промотать — одинаково дурно.
Ну, так не все ли равно: с матроной грешить иль с блудницей?

Виллий решил приблудиться в зятья диктатору Сулле,—
Но за тщеславье свое поплатился он полною мерой:
Был кулаками избит, был ранен жестоким железом,
Вытолкан был за порог,— а Фавста спала с Лонгареном.
Если бы, эту печаль его видя, к нему обратился
Дух его с речью такой: «Чего тебе? Разве когда ты
Пылом объят, то тебе непременно любовницу надо,
В столу одетую, дать от великого консула родом?»
Что он сказал бы? «Ну, да: девчонку из знатного дома!»
Лучше стократ нас учит природа, вот с этим воюя,
Средств изобильем сильна, если только ты хочешь разумно
Жизнь устроять, различая, чего домогаться ты должен
Или чего избегать: ведь разница есть — пострадаешь
Ты по своей ли вине иль случайно. Поэтому, чтобы
После не каяться, брось за матронами гнаться: ведь так лишь
Горе скорее испить, чем сорвать удовольствие можно.
Право, у женщины той, что блестит в жемчугах и смарагдах
(Как ни любуйся, Керинф!), не бывают ведь бедра нежнее,
Ноги стройней; напротив, порой у блудниц они лучше!
Кроме того, свой товар выставляют блудницы честнее,
Кажут себя без прикрас, открыто: совсем не кичатся
Тем, что красиво у них, и плохого они не скрывают.
Есть у богатых обычай коней покупать лишь прикрытых,
Чтобы осанистый круп не мешал увидеть, какие
Жидкие ноги под ним, и не дался в обман покупатель:
Зад, мол, хорош, голова невеликая, шея крутая.
Правы они — так и ты не будь, на красивое глядя,
Зорче Линкея; равно не слепее известной Гипсеи
Ты на уродства взирай: «О ручки, о ножки!..» Но с задом
Тощим, носастая, с тальей короткой, с большою ступнею...
Кроме лица, ничего у матроны никак не увидишь:
Ежели это не Катия — все у нее под одеждой!
Если к запретному ты, к окруженному валом стремишься
(Это тебя ведь ярит), повстречаешь препятствий немало:
Стража, носильщики вкруг, задувальщик огня, приживалки;
Спущена стола до пят, и накинута мантия сверху —
Много всего мешает тебе добраться до сути!
Здесь же — все на виду: можешь видеть сквозь косские ткани
Словно нагую; не тоще ль бедро, не кривые ли ноги;
Глазом измеришь весь стан. Или ты предпочтешь, чтоб засады

Строили против тебя и плату вперед вырывали —
Раньше, чем видел товар ты? Охотник бегущего зайца
С песнею гонит в снегу, а лежачего трогать не хочет.
«Вот такова и любовь,— он поет,— она пробегает
Мимо того, что лежит под рукой, а бегущее ловит».
Этою песенкой ты надеешься, что ли, из сердца
Страсти волненья, печаль и заботы тяжелые вырвать?
Иль не полезней узнать, какие пределы природа
Всяческим ставит страстям? В чем легко, в чем, страдая, лишенья
Терпит она? Отличать от того, что существенно, призрак?
Разве, коль жажда тебе жжет глотку, ты лишь к золотому
Тянешься кубку? Голодный, всего, кроме ромба, павлина,
Будешь гнушаться? Когда же ты весь разгорелся и если
Есть под рукою рабыня иль отрок, на коих тотчас же
Можешь напасть, ужель предпочтешь ты от похоти лопнуть?
Я не таков: я люблю, что недорого лишь и доступно.
Ту, что «поздней» говорит, «маловато», «коль муж уберется»,—
К евнухам шлет Филодем, для себя же он лучше желает
Ту, что по зову идет за малую плату, не медля;
Лишь бы цветуща, стройна, изящна была, не стараясь
Выше казаться, белей, чем природа ее одарила.
Если прижмется ко мне и крепко обнимет руками,—
Будет она для меня всех Илий милей и Эгерий.
Буду ласкать, не боясь, что муж из деревни вернется,
Что затрещит под ударами дверь, залают собаки,
Криком наполнится дом, любовница вскочит с постели
И завизжит рабыня-пособница: «Горе мне, бедной!» —
За ноги эта страшась, за приданое — та, за себя — я.
Без подпояски бежать и босыми ногами придется,
Чтоб не платиться спиной, деньгами, а то и бесчестьем.
Горе — попасть в такую беду: согласится и Фабий.

3

Общий порок у певцов, что в приятельской доброй беседе,
Сколько ни просят их петь, ни за что не поют; а не просят —
Пению нет и конца! Таков был сардинец Тигеллий.
Цезарь, который бы мог и принудить, если бы даже
Стал и просить, заклиная и дружбой отца и своею,—
Все нипочем бы! А сам распоется — с яиц и до яблок
Только и слышишь: «О Вакх!» — то высоким напевом, то низким,
Басом густым, подобным четвертой струне тетрахорда.
Не был он ровен ни в чем. Иногда он так скоро, бывало,
Ходит, как будто бежит от врага; иногда выступает
Важно, как будто несет священную утварь Юноны.
То вдруг двести рабов у него; то не больше десятка.
То о царях говорит и тетрархах высокие речи;
То вдруг скажет: «Довольно с меня, был бы стол, хоть треногий,
Соли простая солонка, от холода грубая тога!»
Дай ты ему миллион, как будто довольному малым,—
И в пять дней в кошельке ничего! Ночь гуляет до утра;
Целый день прохрапит! Не согласен ни в чем сам с собою!
Может быть, кто мне заметит: «А сам ты? Ужель без пороков?»
Нет! Есть они и во мне, но другие и, может быть, меньше.
Новия Мений бранил за глаза и вышучивал дерзко;
Кто-то сказал: «А сам ты каков? Уж нам-то известно,
Что ты за птица!» А Мений в ответ: «О! Себе я прощаю!»
Это пристрастье к себе самому и постыдно и глупо.

Ежели сам на свои недостатки глядишь ты сквозь пальцы,
То почему же в друзьях ты их любишь высматривать зорко,
Словно орел или змей эпидаврский? А что, коль на это
Сами друзья на тебя такими же взглянут глазами?
Вот человек: он строптив, не по нашему тонкому вкусу,
Можно смеяться над ним за его деревенскую стрижку,
За неумелые складки одежд, за башмак не по мерке;
Честен и добр он зато, и лучше нет человека,
И неизменный он друг, и под этой наружностью грубой
Гений высокий сокрыт и прекрасные качества духа!
А испытай-ка себя: не посеяла ль матерь-природа
Или дурная привычка в тебе недостатка какого?
В брошенном поле бурьян вырастает, что выжечь придется!
Страстью любви ослепленный не видит ничуть недостатков
В милой подруге; ему и ее безобразие даже
Нравится: так любовался Бальбин и наростом у Агны!
Если б и в дружбе мы так заблуждались, сама добродетель,
Верно, почтила б тогда заблужденье подобное наше.
В друге должны мы сносить терпеливо все недостатки,
Так же как в сыне отец снисходительно многое терпит.
Если сын кос, говорит: «У него разбегаются глазки!»
Если он мал, как уродец Сизиф, называет цыпленком.
Ежели сын кривоног, о нем говорят: «Косолапит»,
Ежели пятки толсты: «Смотри, как шагает он важно».
Так ты суди и о друге, и, ежели скупо живет он,—
Ты говори, что твой друг бережлив; коли хвастает глупо —
Ты утверждай, что друзьям он понравиться шутками хочет;
О грубияне развязном скажи: «Он прям и отважен»;
О сумасшедшем: «Он пылок не в меру». От этого дружба
Крепче бывает меж нас, и согласье людей съединяет!
Мы же, напротив, готовы чернить добродетель; наводим
Грязь на чистейший сосуд; того, кто скромен и честен,
Мы называем тотчас чудаком, отставшим от века;
Тот, кто не любит спешить, для нас — ленивый тупица;
Ну, а ежели кто любой западни избегает,
Если, живя меж людей и завистных, и злобных, и хитрых,
Злому не выдаст себя безоружной своей стороною,
Мы говорим: он лукав, а не скажем, что он осторожен.
Если кто прост в обращенье,— как я, Меценат, пред тобою
Часто бывал,— чуть приходом своим иль своим разговором

В чтенье он нас развлечет, в размышлении нам помешает,—
Тотчас готовы его обозвать назойливым дурнем.
Как легкомысленны мы в неправых таких приговорах!
Кто без пороков родится? Тот лучше других, в ком их меньше.
Но снисходительный друг, как и должно,— мои недостатки
С добрыми свойствами, верно, сравнит; и склонится лишь к добрым.
Если их больше и если он сам дорожит моей дружбой —
Ибо тогда ведь и я на тех же весах его взвешу.
Если ты хочешь, чтоб друг у тебя не заметил нарыва,
Не замечай у него и прыщика. Кто снисхожденья
Хочет к себе самому, тот умей снисходить и к другому!
В самом деле: уж ежели гнев и пороки иные
Мы, глупцы, не умеем из душ истребить совершенно,
Что же рассудок с своими и мерой и весом? Зачем же
Он не положит за все соразмерного злу наказанья?..
Если б кто распял раба, со стола относившего блюда,
Лишь за проступок пустой, что кусок обглоданной рыбы
Или простывшей подливки он, бедный, дорогой отведал,—
Ты бы сказал, что безумнее он Лабеона. А сам ты
Сколько безумнее, сколько виновнее! Друг пред тобою
В самой безделке пустой провинился,— а ты не прощаешь,
Словно злопамятным хочешь прослыть; а ты, ненавидя,
Все убегаешь его, как должник убегает Рузона,
К дню платежа не успевший собрать ни процентов, ни суммы
И обреченный, как пленник, внимать его нудным рассказам!
Друг мой столовое ложе мое замарал; или чашу
Древней работы свалил со стола; или с блюда цыпленка
Взял, хоть он был предо мной; так неужто за это на друга
Я осержусь? Да что ж я бы сделал, когда б обокрал он,
Тайну бы выдал мою или мне не сдержал обещанья?..
Те, для кого все проступки равны, все равно не сумеют
В жизни так рассуждать: против них и рассудок и опыт,
Против них, наконец, и мать справедливости — польза!
В те времена, когда из земли поползло все живое,
Между собою за все дрались бессловесные твари —
То за нору, то за горсть желудей кулаками, ногтями,
Палками бились, а там и мечами (нужда научила!),
Вплоть до того, как они для вещей имена подыскали.
Тут уклонились они от войны; города укрепили;

Против воров, любодеев, разбойников дали законы:
Ибо и прежде Елены велись из-за похоти бабьей
Стыдные войны не раз; но все, кто в скотском порыве
Рвался страсть утолить, от сильной руки погибали
Смертью бесславной — как бык погибает, убитый сильнейшим.
Против таких-то бесчинств и придумали люди законы —
В том убедиться легко, листая всю летопись мира;
Ибо ведь чувством нельзя отличить неправду от правды,
Как отличаем приятное мы от того, что противно;
Да и рассудком нельзя доказать, что и тот, кто капусту
На огороде чужом поломал, и тот, кто похитил
Утварь из храма богов, одинаково оба виновны!
Нужно, чтоб мера была, чтоб была по проступку и кара,
Чтоб не свирепствовал бич, где и легкой хватило бы розги.

Впрочем, чтоб тросточкой ты наказал заслужившего больше,
Этого я не боюсь! Ты всегда говоришь, что различья
Нет меж большой и меж малой виной, меж разбоем и кражей;
Будто ты все бы одной косою скосил без разбора,
Если б тебя избрали царем. Но разве не царь ты?
Ты ведь твердишь, что мудрец — уж тем самым богач, и сапожник,
И красавец, и царь: так чего желать, все имея?..
«Нет, ты не понял меня,— говоришь ты,— Хрисипп, наш наставник,
Так говорит, что мудрец хоть не шьет ни сапог, ни сандалий,
Но сапожник и он».— Почему? — «Потому что и молча
Гермоген — все отличный певец, а Алфен — все сапожник
Ловкий, как был, хоть и бросил снаряд свой и лавочку запер!
Так и мудрец. Он искусен во всем; он всем обладает,
Следственно, он над всеми и царь». Хорошо! Отчего же
Ты не властен мальчишек прогнать, как они всей толпою
Бороду рвут у тебя и как ты надрываешься с крику?..
Ты и мудрец, ты и царь, а без палки смирить их не можешь!

Кончим! Пока за квадрант ты, царь, отправляешься в баню
С свитой покуда незнатной, с одним полоумным Криспином,
Я остаюся с друзьями, которые — в чем по незнанью
Я погрешу — мне охотно простят; я тоже охотно
Их недостатки сношу. И хоть я гражданин неизвестный,
Но убежден, что счастливей царя проживу я на свете!

4

Аристофан и Кратин, Евполид и другие поэты,
Мужи, которые древней комедии славою были,
Всякого, кто заслужил посмеянья в стихах комедийных,
Вор ли, убийца ль, супружних ли прав оскорбитель бесчестный,—
Смело, свободно всегда на позор выставляли народу.
В этом последовал им и Луцилий, во всем им подобный,
Кроме того, что в стихе изменил он и стопы и ритмы.
Весел, тонок, остер, лишь в составе стиха был он жесток:
Вот в чем его был порок. Он считал за великое дело
Двести стихов произнесть, на одной ноге простоявши.
Мутным потоком он тек, немало в нем было излишеств,
Лени, пустой болтовни; не любил он трудиться над слогом.
Много ль писал — умолчу! А то уж я вижу Криспина;
Он подзывает мизинцем меня: «Возьми-ка таблички,
Ежели хочешь; назначим свидетелей, время и место,
Да и посмотрим, кто больше напишет!» — О нет! Превосходно
Сделали боги, что дали мне ум и скудный и робкий!
Редко и мало ведь я говорю; но тебе не мешаю,
Если угодно тебе, подражать раздувальному меху
И напрягаться, пока от огня размягчится железо.
Пусть блаженствует Фанний, свой лик и свои сочиненья
Выставив всем напоказ; но мои-то стихи неизвестны,
Их не читает никто; а публично читать я боюся,
Ибо немало на свете людей, порицанья достойных:
Все они — против сатир! Возьми из толпы наудачу —

Этого скупость томит, того честолюбие мучит,
Этому нравятся женщины; этому мальчики милы;
Этого блеск серебра восхищает, а Альбия — бронза,
Этот меняет товары от стран восходящего солнца
Вплоть до земель, где оно закатными греет лучами:
Множа богатства, убытков страшась, он мчится сквозь бури,
Мчится, как пыльный столб, закруженный ударами вихря.
Люди такие боятся стихов, ненавидят поэта:
«Сено,— кричат,— на рогах у него! Берегись! Он пощады
Даже и другу не даст, коли вздумает сыпать насмешки!
Только б ему написать, а уж там все мальчишки, старухи,
Что из пекарни да с пруда идут, затвердят его сплетни!»
Пусть! Но примите, прошу, два слова в мое оправданье!
Прежде всего: я совсем не из тех, кто заслуженно носит
Имя поэта: ведь стих заключить в известную меру —
Этого мало! Ты сам согласишься, что кто, нам подобно,
Пишет, как говорят, тот не может быть признан поэтом.
Этого имени честь прилична лишь гению, духу
Божеской силы, устам, великое миру гласящим.
Вот отчего и комедия многих вводила в сомненье,
И задавали вопрос, уж точно ль поэзия это?
Ибо ни силы в ней духа, ни речи высокой: отлична
Только известною мерой стиха от речей разговорных.
«Так! Но и в ней — не гремит ли отец, пламенеющий гневом,
Ежели сын, без ума от развратницы, брак отвергает
И от невесты с приданым бежит и при факелах, пьяный,
Засветло бродит туда и сюда?» — Но разве Помпоний,
Если бы жив был отец, не те же слыхал бы угрозы?
Стало быть, мало в размер уложить обыденные речи,
Если, размера лишась, они подошли бы любому
Гневному старцу не только на сцене, но даже и в жизни!
Если в писаньях моих и Луцилия ритм уничтожить,
И переставить слова, поменяв последнее с первым
(То ли дело — стихи: «Когда железные грани
И затворы войны сокрушились жестоким раздором...»!),—
В нас ведь никто не найдет и разбросанных членов поэта!
Но подождем разбирать, справедливо ль считать за поэмы
То, что пишу я теперь. Вот вопрос: справедливо ль считаешь
Ты, что опасны они для людей? Пусть Сульций и Каприй,
Оба охриплые, в жарком и сильном усердии оба,

Ходят с доносом в руках, негодяев к великому страху;
Но — кто честно живет, тому не страшны их наветы.
Ежели ты и похож на разбойника — Целия, Бирра,
Я-то не Каприй, не Сульций: чего же меня ты боишься?
В книжных лавках нет вовсе моих сочинений, не видно
И объявлений о них, прибитых к столбам; и над ними
Не потеет ни черни рука, ни рука Гермогена!
Я их читаю только друзьям; но и то с принужденьем,
Но и то не везде, не при всех. А многие любят
Свитки свои оглашать и на форуме людном, и в бане,
Ибо под сводом купальни звончей раздается их голос.
Суетным людям приятно оно; а прилично ли время,
Нужды им нет, безрассудным.— «Но ты,— говорят мне,— ты любишь
Всех оскорблять! От природы ты склонен к злоречью!» — Откуда
Это ты взял? Кто из живших со мной в том меня опорочит?
«Тот, кто на друга возводит поклеп; кто слышит о друге
Злые слова и не хочет промолвить ни слова в защиту;
Тот, кто для славы забавника выдумать рад небылицу
Или для смеха готов расславить приятеля тайну:
«Римлянин! Вот кто опасен, кто черен! Его берегися!»
Часто мы видим — три ложа столовых; на каждом четыре
Гостя; один, без разбора, на всех насмешками брызжет,
Кроме того, чья вода; а как выпьет, как только откроет
Либер сокрытое в сердце, тогда и тому достается.
Этот, однако же, кажется всем и любезным, и кротким,
И откровенным; а я лишь за то, что сказал, как противно
«Пахнет духами Руфилл — и козлом воняет Гаргоний»,
Я за это слыву у тебя и коварным и едким!
Если о краже Петиллия Капитолина кто скажет
Вскользь при тебе, то, по-своему, как ты его защищаешь?
«С детства он был мне товарищ; а после мы были друзьями;
Много ему я обязан за разные дружбы услуги;
Право, я рад, что он в Риме и цел-невредим; и, однако ж...
Как он умел ускользнуть от суда, признаюсь, удивляюсь!»
Вот где злословия черного яд; вот где ржавчины едкость!
Этот порок никогда не войдет в мои сочиненья,
В сердце ж — тем боле. Поскольку могу обещать — обещаю!
Если же вольно что сказано мною, и ежели слишком
Смело, может быть, я пошутил — не сердись и одобри,

9*

Это уроки отца: приучал он меня с малолетства
Склонностей злых убегать, замечая примеры пороков.
Если советовал мне он умеренно жить, бережливо,
Жить, довольствуясь тем, что он сам для меня уготовил,
Он говорил: «Посмотри, как худо Альбия сыну,
Или как бедствует Бай! Вот пример, чтоб отцом нажитое
Детям беречь!» Отвращая меня от уличных девок,
Он мне твердил: «Ты не будь на Сцетана похож!» Убеждая
Жен не касаться чужих: «Хороша ли Требония слава? —
Мне намекал он.— Ты помнишь: застали его и поймали!
В чем причина того, что одно хорошо, а другое
Плохо,— тебе объяснят мудрецы. Для меня же довольно,
Если смогу я тебе передать обычаи дедов
И без пятна сохранить твое доброе имя, покуда
Нужен наставник тебе. А когда поокрепнут с годами
Тело твое и душа, тогда уж и плавай без пробки!»
Так он ребенком меня поучал; и если что делать
Он мне приказывал: «Вот образец,— говорил,— подражай же!»
И называл отборных мужей из судейского чина.
Если же что запрещал: «Ни пользы ведь в этом, ни чести!
Ты не уверен? А ты припомни такого-то славу!»
Как погребенье соседа пугает больного прожору,
Как страх смерти его принуждает беречься, так точно
Юную душу от зла удаляет бесславье другого.
Так был я сохранен от губительных людям пороков.
Меньшие есть и во мне; но, надеюсь, вы мне их простите!
Может быть, годы меня от тех недостатков излечат,
Может быть, искренний друг, а может быть, здравый рассудок
Ибо, ложусь ли в постель иль гуляю под портиком, всюду
Я размышляю всегда о себе. «Вот это бы лучше,—
Думаю я,— вот так поступая, я жил бы приятней,
Да и приятнее был бы друзьям. Вот такой-то нечестно
Так поступил; неужель, неразумный, я сделаю то же?»
Так иногда сам с собой рассуждаю я молча; когда же
Время свободное есть, я все это — тотчас на бумагу!
Это — тоже один из моих недостатков; но если
Ты мне его не простишь, то нагрянет толпа стихотворцев,
Вступятся все за меня; а нас ведь, право, немало!
Как иудеи, тебя мы затащим в нашу ватагу!

5

После того как оставил я стены великого Рима
С ритором Гелиодором, ученейшим мужем из греков,
В бедной гостинице вскоре Ариция нас приютила;
Дальше был — Аппиев форум, весь корабельщиков полный,
Да и плутов корчмарей. Мы в два перехода покрыли
Этот путь, но кто не ленив, те и в день проезжают.
Мы не спешили; без спешки на этой дороге приятней.
Здесь, от несвежей и мутной воды повздорив с желудком,
Я поджидал с беспокойством, чтоб спутники кончили ужин.
Ночь между тем расстилала уж тень, рассыпала уж звезды.
Слуги с гребцами, гребцы со слугами стали браниться:
«Эй! причаливай здесь! У тебя человек уже триста!
Хватит!» Пока разочлись, пока мула впрягали в постромки,
Час уже целый прошел. Комары и лягушки в болоте
Спать не давали. Да лодочник пьяный с погонщиком нашим
Взапуски петь принялись про своих далеких подружек.
Вскоре один захрапел; а другой зацепил за высокий
Камень свою бечеву и мула пустил попастися,
Сам же на спину лег и спокойно всхрапнул, растянувшись.
Уж начинало светать, когда мы хватились, что лодка
С места нейдет. Тут, выскочив, кто-то как бешеный начал
Бить по башкам, по бокам то скота, то хозяина палкой.
Еле доплыли в четвертом часу. Здесь лицо мы и руки
Чистой, Ферония, влагой твоею омыв и поевши,
Вновь протащились три мили и въехали в Анксур, который
Издали виден, красиво на белых утесах построен.

Здесь мы были должны поджидать Мецената с Кокцеем:
Оба отправлены были они с поручением важным;
Оба привыкли друзей примирять, соглашая их пользы.
Вот пока мазал больные глаза я коллирием черным,
Прибыл меж тем Меценат; с ним Кокцей с Капитоном Фонтеем,
Мужем, лощеным под ноготь; он был Антонию другом,
Как никто не бывал. Мы охотно оставили Фунды,
Где нас, как претор, встречал Авфидий Косой. Посмеялись
Вдоволь мы все и над тогой его с широкой каймою,
И над курильницей, пуще всего, сумасшедшего скриба!
После, усталые, в городе мы отдохнули Мамурров;
Здесь нам Мурена свой дом предложил, Капитон — угощенье.
Самый приятнейший день был за этим для нас в Синуэссе,
Ибо тут съехались с нами Вергилий, и Плотий, и Варий,
Чистые души, которым подобных земля не носила
И к которым сильнее меня никто не привязан!
Что за объятия были у нас и что за восторги!
Нет! Пока я в уме, ничего не сравняю я с другом!
Близ Кампанийского моста потом приютила нас вилла,
Поставщики же нам соль и дрова прислали, как должно.
В Капуе ношу свою сложили поранее мулы,
Начал играть Меценат, а я и Вергилий заснули:
Мяч — не для нас, не для слабых очей, не для слабых желудков.
А миновавши харчевни кавдийские, несколько выше
Мы поднялись, и нас принял Кокцей в прекраснейшей вилле.
Муза! Поведай теперь о том, как в битву вступили
Мессий Кикирр и Сармент; и скажи нам о роде обоих!
Мессий свой род знаменитый от осков ведет; а Сармента
До сих пор хозяйка жива; вот они подвизались!
Начал Сармент: «Ты похож, мне сдается, на единорога!»
Мы засмеялись. А Мессий в ответ: «Соглашаюсь!» — и тут же
Стал головою трясти. Тот крикнул: «О, если бы рог твой
Вырезан не был, чего б ты не сделал, когда и увечный
Так ты бодлив!» И подлинно, лоб у него волосатый
С левой лица стороны ужасный рубец безобразит.
Вдоволь Сармент потрунив над кампанской болезнью Кикирра,
Начал его приглашать сплясать перед нами Циклопа —
Роль, для которой ему не нужны ни котурны, ни маска.
Шуткой на шутку Кикирр отвечал; он спросил, посвятил ли
В храм свои цепи Сармент, потому что хотя он и служит

Скрибом, но право над ним госпожи не уменьшилось этим!
Дальше, зачем он сбежал, когда он так мал и тщедушен,
Что ведь довольно и фунта муки для его пропитанья!
Так мы продлили свой ужин и весело кончили вечер.
  Прямо оттуда поехали мы в Беневент, где хозяин,
Жаря нам чахлых дроздов, чуть и сам не сгорел от усердья,
Ибо бегучий огонь разлился по старенькой кухне
И порывался уже лизать потолок языками.
Все мы, голодные гости и слуги все наши, в испуге
Бросились блюда снимать и тушить принялися. Отсюда
Видны уж горы Апулии, мне столь знакомые горы!
Сушит горячий их ветер. Никак бы на них мы не влезли,
Если бы отдых не взяли на ближней к Тривику вилле;
Но и то не без слез от дыма камина, в котором
Сучья сырые с зелеными листьями вместе горели.
Здесь я обманщицу-девушку ждал, глупец, до полночи;
Сон наконец сморил и меня, распаленного страстью.
Навзничь я лег и заснул; но зуд сладострастных видений
Мне запятнал в эту ночь и постельную простынь, и брюхо.
  Двадцать четыре потом мы проехали мили — в повозке,
Чтобы прибыть в городок, которого даже и имя
В стих невозможно вместить; но узнают его по приметам:
Здесь и за воду с нас деньги берут; но хлеб превосходен,
Так что заботливый путник в запас нагружает им плечи:
Ибо в Канузии хлеб — как камень, а речка безводна,
Даром что был городок самим Диомедом основан.
Здесь мы расстались в слезах с опечаленным Варием нашим.
  Вот мы приехали в Рубы, устав от пути чрезвычайно,—
Длинной дорога была и сильно размыта дождями.
День был наутро получше, зато дорога похуже
К рыбному Барию шла. А потом нас потешила вдоволь
Гнатия (город сей был раздраженными нимфами создан).
Здесь нас хотели уверить, что тут на священном пороге
Ладан горит без огня! Одному иудею Апелле
Впору поверить тому, а не мне: я уверен, что нету
Дела богам до людей, и если порою природа
Чудное что производит,— не с неба они посылают!
Так в Брундизий окончился путь, и конец описанью.

6

Нет, Меценат, хоть никто из этрусков, лидийских потомков,
Знатностью рода с тобой потягаться вовеки не сможет,
Ибо предки твои, по отцу и по матери, были
Многие в древнее время вожди легионов великих,—
Нет! Ты орлиный свой нос задирать перед теми не любишь,
Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!
Ты говоришь, что тебе все равно, от кого кто родился,
Лишь бы родился свободным; ты знаешь, ты истинно знаешь,
Что из ничтожества стал царь Туллий владыкою Рима,
Да и до Туллия много мужей безвестного рода
Жили, храня добродетель, и были без знатности чтимы;
Знаешь и то, что Левин, потомок Валерия, коим
Гордый Тарквиний был свергнут с царского трона и изгнан,
Даже римским народом ценился не более асса,
Глупым народом, который, ты знаешь, всегда недостойным
Почести рад расточать, без различия рабствуя славе
И без разбора дивясь и титлам и образам предков.
Ну, а ведь мы далеки и от этих его предрассудков.
Пусть, однако, народ отдает предпочтенье Левину,
А не безродному Децию; пусть исключает из списков
Цензор Аппий меня за то, что рабом был отец мой
(И поделом: почему не сидится мне в собственной коже?),—
Все-таки слава влечет сияньем своей колесницы
Низкого рода людей, как и знатных. Что прибыли, Тиллий,
Что, сняв пурпур, опять ты надел и стал снова трибуном?

Только что нажил завистников ты, каких и не знал бы,
Если б остался простым гражданином,— затем, что как скоро
Ты облачишься в сапожки да в тогу с широкой каймою,
Тотчас вопросы: «Кто он? От какого отца он родился?»
Словно как Барр, тот, который престранной болезнию болен,
Именно, страстью красавцем прослыть,— куда ни пошел бы,
Как-то всегда он девицам умеет внушить подозренье,
Точно ли в нем хороши и лицо, и бедра, и ноги,
Зубы и волосы; так между нами и тот, кто охрану
Гражданам, Риму, державе, Италии, храмам священным
Наших богов обещал,— возбуждает заботу проведать,
Кто был отец у него и кто мать, не из низкого ль рода?..
«Как ты смеешь, сын Сира-раба, Дионисия, Дамы,
Граждан с Тарпейской скалы низвергать или Кадму для казни
Их предавать?» — «Но ведь Новий, товарищ мой, степенью целой
Ниже меня!» — «Это как же?» — «Что был мой отец, он такой же!»
Что же, иль думаешь ты, что сам ты Мессала иль Павел?
Этот ведь Новий зато заглушить своим голосом может
Двести телег да хоть три погребенья: вот он и в почете.
  Но обращусь на себя! Сын раба, получившего волю,
Всем я противен как сын раба, получившего волю:
Нынче — за то, что тебе, Меценат, я приятен и близок;
Прежде — за то, что трибуном я был во главе легиона.
В этом есть разница! Можно завидовать праву начальства,
Но недоступна для зависти дружба твоя, потому что
Только достойных берешь ты в друзья, чуждаясь искательств.
Я не скажу, чтоб случайному счастию был я обязан
Тем, что мне выпала честь себя называть твоим другом.
Нет! Не случайность меня указала тебе, а Вергилий,
Муж превосходный, и Варий тебе обо мне рассказали.
В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал два-три слова:
Робость безмолвная мне говорить пред тобою мешала.
Я не пустился в рассказ о себе, что высокого рода,
Что объезжаю свои поля на коне сатурейском;
Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два слова,
Я и ушел. Ты меня через девять уж месяцев вспомнил;
Снова призвал и дружбой своей удостоил. Горжуся
Дружбою мужа, который достойных людей отличает
И не на знатность глядит, а на жизнь и на чистое сердце.

Если же я по природе моей от тяжелых пороков
Чист, и дурного во мне лишь немного, подобно родимым
Пятнам на теле здоровом; и если ушел от упрека
В скупости, в подлости или же в низком, постыдном разврате,
Если я чист и невинен душой и друзьям драгоценен
(Вот как себя я хвалю!),— я отцу моему тем обязан.
Беден он был и владел не большим и не прибыльным полем,
К Флавию в школу, однако, меня не хотел посылать он,
В школу, куда сыновья благородные центурионов,
К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,
Шли, и в платежные дни восемью медяками звенели.
Нет, решился он мальчика в Рим отвезти, чтобы там он
Тем же учился наукам, которым сенатор и всадник
Каждый своих обучают детей. Средь толпы заприметив
Платье мое и рабов провожатых, иной бы подумал,
Что расход на меня мне в наследство оставили предки.
Сам мой отец всегда был при мне неподкупнейшим стражем;
Сам, при учителе, тут же сидел. Что скажу я? Во мне он
Спас непорочность души, залог добродетелей наших,
Спас от поступков дурных и от всех подозрений позорных.
Он не боялся упрека, что некогда буду я то же,
Что он и сам был: публичный глашатай иль сборщик; что буду
Малую плату за труд получать. Я и тут не роптал бы;
Ныне ж тем больше ему я хвалу воздаю благодарно.
Нет! Покуда я смысл сохраню, сожалеть я не буду,
Что у меня такой был отец; не скажу, как другие,
Что-де, не я виноват, что от предков рожден несвободных.
Нет! Ни в мыслях моих, ни в словах я не сходствую с ними!
Если б природа нам прежние годы, прожитые нами,
Вновь возвращала и новых родителей мы избирали,
Всякий бы выбрал других, честолюбия гордого в меру,
Я же никак не хотел бы родителей, коих отличье —
Ликторов связки и кресла курульные. Может быть, черни
Я бы казался безумцем; но ты бы признал мой рассудок
В том, что я не взвалил на себя непривычное бремя,
Ибо тогда б мне пришлось, неустанно гонясь за наживой,
Льстить одному и другому, возить одного и другого
Вместе с собою в деревню,— не ездить же мне в одиночку! —
Множество слуг и коней содержать на лугах травянистых,
Чтобы в колясках своих разъезжать. А нынче могу я

Даже и в самый Тарент отправляться на муле кургузом,
Коему спину натер чемодан мой, а всадник — лопатки,—
Не упрекнут меня в скупости: я ведь не претор, не Тиллий,
Едущий вскачь по Тибурской дороге, и пятеро следом
Юных рабов — у иного кувшин, у иного урыльник.
Впрямь, мне спокойнее жить, чем тебе, знаменитый сенатор!
Да и спокойней, чем многим другим. Куда пожелаю,
Я отправляюсь один, справляюсь о ценности хлеба,
Да о цене овощей, плутовским пробираюсь я цирком;
Под вечер часто на форум — гадателей слушать; оттуда
Я домой к пирогу, к овощам. Нероскошный мой ужин
Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
С ковшиком винным стоят, простая солонка, и чаша,
И узкогорлый кувшин — простой, кампанийской работы.
Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно завтра
Рано вставать и — на площадь, где Марсий кривляется бедный
В знак, что он младшего Новия даже и видеть не может.
Сплю до четвертого часа; потом, погулявши, читаю
Или пишу втихомолку я то, что меня занимает;
После я маслом натрусь — не таким, как запачканный Натта,
Краденным им из ночных фонарей. Уставши от зноя,
Брошу я мяч и с Марсова поля отправлюся в баню.
Ем, но не жадно, чтоб легким весь день сохранить мой желудок.
Дома потом отдохну. Жизнь подобную только проводят
Люди, свободные вовсе от уз честолюбия тяжких.
Я утешаюся тем, что приятней живу, чем когда бы
Квестором был мой отец, или дедушка, или же дядя.

7

Всякий цирюльник и всякий подслепый, я думаю, знает,
Как полуримлянин Персий, с проскриптом Рупилием в ссоре
(Прозванным Царь), отплатил за его ядовитость и гнусность.
Персий богач был, имел он большие дела в Клазоменах;
С этим Рупильем Царем вступил он в жестокую тяжбу.
Был он крутой человек, ненавидимый всеми не меньше,
Чем и соперник его; надменен и горд, в оскорбленьях
Он на белых конях обгонял и Сизенну и Барра.
Я возвращаюсь к Рупилию снова. Никак невозможно
Было врагов примирить, затем что сутяги имеют
То же право стоять за себя, как и храбрые в битве!
Так и меж Гектором, сыном Приама, и храбрым Ахиллом
Гнев был настолько велик, что лишь смерть развела ратоборцев,
Ибо в обоих бойцах высокое мужество было!
Если ж вражда между слабых идет иль война меж неравных,
Так, как случилось между Диомедом и Главком-ликийцем,
То трусливый назад — и подарки еще предлагает!
Персий с Рупилием в битву вступили пред претором Брутом:
Азией правил богатою он. Сам Биф и сам Бакхий
Менее были б равны, чем они, на побоище этом.
Оба воинственным пылом кипят — залюбуешься, глядя!
Персий свой иск изложил и всеми был дружно осмеян.
Претора Брута сперва расхвалил он и спутников Брута:
Солнцем всей Азии Брута назвав, он к звездам благотворным

Свиту его приобщил; одного лишь Рупилия назвал
Псом — созвездием злым, ненавистным для всех земледельцев.
Несся он шумно, как зимний поток нерубленым лесом.
А пренестинец в ответ на его ядовитые речи
Начал браниться, да так, как бранится мужик-виноградарь,
Сидя верхом на суку и услышав, как праздный прохожий
Крикнет ему: «Кукушка, кукушка!» — и бросится в бегство.
Вот грек Персий, латинского уксуса вдоволь отведав,
Вдруг закричал: «Умоляю богами, о Брут благородный!
Ты ведь с царями справляться привык: для чего же ты медлишь
Этому шею свернуть? Вот твое настоящее дело!»

8

Некогда был я чурбан, смоковницы пень бесполезный;
Долго думал мужик, скамью ли тесать иль Приапа.
«Сделаю бога!» — сказал. Вот и бог я! С тех пор я пугаю
Птиц и воров. Отгоняю воров я правой рукою
И непристойным колом, покрашенным красною краской.
А тростник на моей голове птиц прожорливых гонит,
Их не пуская садиться в саду молодом на деревья.
Прежде здесь трупы рабов погребались, которые раб же
В бедном гробу привозил за гроши из тесных каморок.
Кладбище здесь находилось для всякого нищего люда:
Для Пантолаба-шута и для мота мотов Номентана.
С надписью столб назначал по дороге им тысячу футов,
По полю триста, чтоб кто не вступился в наследие мертвых,
Ну, а теперь Эсквилин заселен; тут воздух здоровый.
Нынче по насыпи можно гулять, где еще столь недавно
Белые кости везде попадались печальному взору.
Но ни воры, ни звери, которые роют тут норы,
Столько забот и хлопот мне не стоят, как эти колдуньи,
Ядом и злым волхвованьем мутящие ум человеков.
Я не могу их никак отучить, чтоб они не ходили
Вредные травы и кости сбирать, как только покажет
Лик свой прекрасный луна, по ночным небесам проплывая.
Видел я сам и Канидию в черном подобранном платье,—
Здесь босиком, растрепав волоса, с Саганою старшей

Шли, завывая, они; и от бледности та и другая
Были ужасны на вид. Сначала обе ногтями
Землю копали; потом зубами терзали на части
Черную ярку, чтоб кровь наполнила яму, чтоб тени
Вышли умерших — на страшные их отвечать заклинанья.
Был у них образ какой-то из шерсти, другой же из воску.
Первый, побольше, как будто грозил восковому; а этот
Робко стоял перед ним, как раб, ожидающий смерти!
Тут Гекату одна вызывать принялась; Тизифону
Кликать — другая. Вокруг, казалось, ползли и бродили
Змеи и адские псы, а луна, от стыда покрасневши,
Скрылась, чтоб дел их срамных не видать, за высокой гробницей.
Ежели в чем я солгал, пусть дерьмом меня замарают
Вороны; явятся пусть, чтоб меня обмочить и обгадить,
Юлий, как щепка сухой, Педиатия с вором Вораном!
Но для чего пересказывать все? Рассказать ли, как тени
Попеременно с Саганой пронзительным голосом выли,
Как зарывали они волчью бороду с зубом ехидны
В черную землю тайком, как сильный огонь восковое
Изображение жег, и как, наконец, содрогнувшись,
Я отомстил двум мегерам за все, что я видел и слышал;
Треснул я, сзади рассевшийся пень, с оглушительным звуком,
Точно как лопнул пузырь. Тут колдуньи как пустятся в город!
То-то вам было б смешно посмотреть, как рассыпались в бегстве
Зубы Канидии тут, как свалился парик у Саганы,
Травы и даже запястья волшебные с рук у обеих!

9

Шел я случайно Священной дорогою — в мыслях о чем-то,
Так, по привычке моей, о безделке задумавшись. Некто
Вдруг повстречался со мной, мне по имени только известный.
За руку взял он меня: «Ну, как поживаешь, любезный?»
«Так, ничего,— говорю,— и тебе желаю того же».
Он не отходит. «Не нужно ль чего?» — говорю с нетерпеньем.
Он начинает: «Ты знаешь меня, человек я ученый...»
«Что ж,— говорю я,— тем лучше!» — а сам норовлю: ускользнуть бы!
Стану слуге говорить,— а пот с меня катится градом
От головы до подошв. «Ах, был бы я желчным Баганом —
То-то б отбрил молодца!» — про себя я подумал. А спутник
Улицы, город хвалить принялся. Но, не слыша ни слова,
«Верно, ты хочешь,— сказал,— ускользнуть от меня: я уж вижу!
Только тебе не уйти: не пущу и пойду за тобою!
А куда ты идешь?» — «Далеко! Не трудись понапрасну!
Друга хочу навестить: ты даже его и не знаешь:
Нынче больной он лежит за Тибром, под Цезарским садом».—
«Я не ленив и не занят сейчас — прогуляюсь с тобою!»
Точно упрямый осленок, навьюченный лишнею ношей,
Голову я опустил; а спутник опять начинает:
«Если я знаю себя, то ты меня сделаешь другом
Большим, чем Виск или Варий. Подумай-ка: кто сочиняет
Столько стихов и так скоро, как я? Кто в пляске так ловок?

В пенье же сам Гермоген, хоть он лопни, со мной не сравнится!»
Чтобы прервать разговор, я спросил: «А мать и родные
Есть у тебя, чтоб успехом твоим от души любоваться?»
«Всех схоронил! Никого!» — «Вот прямо счастливцы! —подумал
Я про себя,— а вот я еще жив! Добивай же! Недаром,
Жребий в урне встряхнув, предрекла мне старуха сабинка:
«Этот ребенок,— сказала она,— не умрет ни от яда,
Ни от стали врага, ни от боли в боку, ни от кашля,
Ни от подагры: болтун его сгубит, болтун изничтожит —
Пусть же, коль жизнь дорога, он всегда болтунов бережется!»
Вот уж до храма мы Весты дошли, уж близился полдень.
Спутник мой должен бы в суд пойти, а не то за неявкой
Дело бы он проиграл. «Если любишь меня,— он сказал мне,—
То помоги мне: побудь там немножко со мною!» — «Куда уж!
Времени нет у меня; да я и законов не знаю!»
«Что же мне делать? — он молвил в раздумье.— Тебя ли оставить
Или уж тяжбу мою?» — «Конечно, меня! Что тут думать!»
«Нет, не оставлю!» — сказал и снова пошел он со мною!
С сильным бороться нельзя: я — за ним. «А как поживает
И хорош ли к тебе Меценат? Он ведь друг не со всяким!
Он здравомыслящ, умен и с Фортуною ладить умеет.
Вот кабы ты представил ему одного человека —
Славный бы в доме его у тебя появился помощник!
Разом оттер бы ты всех остальных!» — «Кому это нужно?
Вовсе не так мы живем, как, наверное, ты полагаешь:
Дом Мецената таков, что никто там другим не помехой.
Будь кто богаче меня иль ученее — каждому место!»
«Чудно и трудно поверить!» — «Однако же так!» — «Тем сильнее
Ты охоту во мне возбудил к Меценату быть ближе!»
«Стоит тебе захотеть! Меценат лишь сначала неласков;
Ты же с искусством твоим все преграды легко одолеешь
И победишь!» — «Хорошо! покажу я, на что я способен!
Хоть рабов у него подкуплю, а уж я не отстану!
Выгонят нынче — в другой раз приду; где-нибудь перекрестком
Встречу его и пойду провожать. Что же делать! Нам, смертным,
Жизнь ничего не дает без труда: уж такая нам доля!»
Так он болтал. Вдруг вижу я друга — Аристия Фуска.
Был он знаком и с моим болтуном. Пошли разговоры:
«Как? Откуда? Куда?» — Стоим; я жму ему руки,

Дергаю, знаки даю, головою киваю, глазами
Так и вращаю, чтоб спас он меня. А лукавец смеется
И не желает понять. Тут вся желчь во мне закипела!
«Ты, Аристий, хотел мне что-то сказать по секрету?»
«Помню,— сказал он,— но лучше найдем поудобнее время:
У иудеев тридцатая ныне суббота и праздник;
Что за дела в подобные дни?» — «Я чужд предрассудков!» —
Так говорю я; а он: «Да я-то не чужд, к сожаленью!
Я человек ведь простой, что делать! Уж лучше отложим!»
Черный же день на меня! Он ушел, и остался я снова
Нем под ножом палача. Но, по счастью, истец нам навстречу.
«Где ты, бесчестный?» — вскричал он. Потом ко мне обратился
С просьбой: свидетелем быть. Я скорей протянул уже ухо!
В суд повели молодца, вслед за ними и справа и слева
С криком народ повалил. Так избавлен я был Аполлоном!

10

[Сколько, Луцилий, в тебе недостатков,— готов доказать я,
Даже Катона в свидетели взяв,— ведь Катон, твой поклонник,
Сам принужден у тебя исправлять неудачные строки.
Тонко работает он — понятно, что вкус его лучше,
Чем у иного, в которого смолоду палкой и плеткой
Вбили готовность прийти во всеоружье науки,
Чтобы престиж поддержать писателей древних, на коих
Мы, молодые, глядим свысока. Итак, повторяю]:
Да, я, конечно, сказал, что стихи у Луцилия грубы,
Что без порядка бегут они. Кто же, бессмысленный, будет
В этом его защищать? Однако на той же странице
Я же его и хвалил: за едкую соль его шуток.
Эта заслуга — за ним, но другие признать не могу я —
Если бы так, мне пришлось бы хвалить и Лаберия-мима!
Это неплохо — суметь у читателя рот разулыбить,
Но чтобы слыть настоящим писателем, этого мало.
Краткость нужна, чтобы речь стремилась легко и свободно.
Чтобы в словах не путалась мысль и ушей не терзала.
Нужно, чтоб слог был то важен, то кстати шутлив, чтобы слышен
Был бы в нем голос не только оратора или поэта,
Но человека со вкусом, который щадит свои силы,
Зная, что легкою шуткой решается важное дело
Лучше подчас и верней, чем речью суровой и резкой.
Это знали отлично поэты комедии древней.

Нам бы не худо последовать им, а их не читают
Ни прекрасный собой Гермоген, ни та обезьяна,
Чье все искусство в одном: подпевать Катуллу да Кальву!
«Так, но Луцилий хорош и тем, что в латинские строки
Много он греческих слов примешал».— Отсталый ты критик!
Это ведь было под силу и Пифолеонту Родосцу!—
«Что же столь дивного тут?» — «Да просто приятна для слуха
Смесь языков, как для вкуса смесь вин, смесь фалерна с хиосским».
Право? И только в стихах? А может быть, даже и в прозе —
Вот, например, когда суд разбирает Петиллия дело,
И выступают Валерий Корвин да Публикола Педий,
Ты бы хотел, чтоб они, позабыв об отцах и отчизне,
В поте лица мешали слова родные с чужими
И лопотали бы так, как в Канузии люд двуязычный?
Я ведь и сам, хоть не грек, сочинял по-гречески прежде;
Но однажды средь ночи, когда сновиденья правдивы,
Вдруг мне явился Квирин и с угрозой сказал мне: «Безумец!
В Греции много поэтов; толпу их умножить собою —
То же, что в рощу дров наносить,— ничуть не умнее!»
Пусть же надутый Альпин сколько хочет терзает Мемнона
Или же грязью уродует Рейн; мои же безделки
В храме, где Тарпа судьей, никогда состязаться не будут,
Да и не будут по нескольку раз появляться на сцене.
Ты лишь один среди нас, Фунданий, умеешь заставить
Хитрых прелестниц острить, а Дава — дурачить Хремета;
У Поллиона цари выступают в стихах шестистопных;
Пламенный Варий ведет величавый рассказ в эпопее,
Равных не зная себе; а добрые сельские музы
Нежное, тонкое чувство Вергилию в дар ниспослали.
Я же сатиры пишу,— и удачней, чем писывал раньше
Добрый Варрон Атацин, а с ним и другие поэты,
Хоть и слабее, чем тот, кто стяжал себе вечную славу,
Риму сатиру открыв: с него я венца не срываю!
Ну, а Луцилий? О нем я сказал: он — мутный источник,
Больше ненужного в нем, чем того, что пригодно. Но вспомни:
Разве нет недостатков в самом великом Гомере?
Разве скромный Луцилий не делал поправок — и в ком же?
В трагике Акции! Разве над Эннием он не смеялся?
Разве, других порицая, себя он не выше их ставит?

Что же мешает и нам, читая Луцилия, тоже
Вслух разбирать: натура ль его иль натура предмета
В гладких стихах отказала ему, но он пишет, как будто
Думает только о том, чтоб шесть стоп в стихе уместились,
Да чтобы двести стихов натощак, да столько же после
Ужина! Что ж, говорят, ведь писал же так Кассий Этрусский:
Словно река, он стихами кипел и по смерти сожжен был
С кипой стихов: их одних на костер погребальный достало!
Я повторяю: Луцилий, конечно, изящен и тонок,
Строчки отделывал он, конечно, искусней, чем грубый
Наш поэт, изобретший стихи, неизвестные грекам,
Или толпа остальных стихотворцев поры стародавней;
Но ведь когда бы, по воле судьбы, он в наше жил время,
Много бы вычеркнул сам из своих он писаний, стараясь
В них совершенства достичь; и, стих за стихом сочиняя,
Долго в затылке бы скреб и ногти бы грыз он до мяса.
Если ты хочешь достойное что написать, чтоб читатель
Несколько раз прочитал,— ты стиль оборачивай чаще
И не желай удивленья толпы, а пиши для немногих.
Разве ты пишешь для тех, кто по школам азы изучает?
Нет, мне довольно того, что всадники мне рукоплещут,—
Как говорила Арбускула, низкой освистана чернью.
Пусть же Пантилий меня беспокоит, как клоп, пусть заочно
Будет царапать меня и Деметрий, пусть сумасшедший
Фанний поносит при всех, за столом у Тигеллия сидя!
Только бы Плотий, и Варий, и мой Меценат, и Вергилий,
Муж благородный Октавий, и Валгий и Виски — два брата —
Вместе с Аристием Фуском меня за стихи похвалили!
Дальше, оставивши лесть, я могу справедливо причислить
К ним и тебя, Поллион, и Мессалу с достойнейшим братом,
Бибула, Сервия к ним и тебя, благороднейший Фурний;
Многих других просвещенных друзей обхожу я молчаньем.
Вот чья хвала для меня дорога; мне было бы грустно,
Если б надежда на их одобренье меня обманула.
Ты же, Деметрий, и ты, Тигеллий, ступайте отсюда
И голосите с девицами вволю на школьных скамейках!
Мальчик! Поди, припиши к моей книжке и эту сатиру.

КНИГА ВТОРАЯ

1

Гораций

Многие думают, будто излишне в сатире я резок
И выхожу из законных границ; другим же, напротив,
Что ни пишу я, все кажется слабым. Такими стихами
Можно писать, говорят, за сутки по тысяче строчек!
Что же мне делать, Требатий, скажи!

Требатий

Оставаться в покое.

Гораций

То есть мне вовсе стихов не писать?

Требатий

Не писать!

Гораций

Пусть погибну,
Ежели это не лучшее! Но... без того мне не спится!

Требатий

Если кто хочет покрепче уснуть, то, вытертый маслом,
Трижды имеет чрез Тибр переплыть и на ночь желудок
Цельным вином всполоснуть. Но если писать ты охотник,
Лучше отважься ты подвиги Цезаря славить стихами.
Верно, ты будешь за труд награжден.

Гораций

И желал бы, отец мой,
Только не чувствую силы к тому. Не всякий же может
Строй полков описать, ощетиненных смертною сталью,
Галлов с обломками стрел в зияющих ранах, парфян ли,
Сбитых с коней...

Требатий

Но ты мог бы представить его справедливость
И благородство души, как Луцилий воспел Сципиона.

Гораций

Да, непременно: как скоро представится случай! Некстати
Цезаря слуху стихами Флакк докучать не захочет:
Если неловко погладить его, он, как конь, забрыкает!

Требатий

Это и лучше, поверь, чем браниться в стихах ядовитых
На Пантолаба-шута и на мота мотов Номентана.
Все уж и так, за себя опасаясь, тебя ненавидят!

Гораций

Что же мне делать? Милоний плясать начинает, как скоро
Винный пар зашумит в голове и свеча задвоится;
Кастор любит коней; из того же яйца порожденный
Поллукс — борьбу. Что голов, то различных пристрастий на свете!
Ну, а я вот люблю в стихи оправлять свои думы.
Как и Луцилий любил,— хоть он и обоих нас лучше,

Все свои тайны, как верным друзьям, поверял он листочкам.
Горесть ли, радость ли — к ним, к ним одним всегда прибегал он!
Всю свою долгую жизнь, как на верных обетных дощечках,
Старец в своих начертал сочиненьях. Его-то примеру
Следую я, кто бы ни был, луканец ли иль апулиец.
Ибо у тех и других венузиец пахал свою землю,
Присланный некогда, если преданию старому верить,
Снова тот край заселить, по изгнанье тут живших самнитов,
С тем, чтоб на случай войны, с апулийцем или с луканцем,
Не был врагу путь до Рима открыт через земли пустые.
Впрочем, перо у меня никому не грозит: оно будет
Мне лишь в защиту, как меч, хранимый в ножнах. И к чему же
Мне вынимать бы его, без нападок от явных злодеев?..
О Юпитер, о царь и отец! Пусть оружие это
Гибнет от ржавчины, брошено мною, покуда не вздумал
Враг нарушать миролюбье мое! Но первый, кто тронет,—
Предупреждаю я: лучше не трогай! — заплачет и будет
В целом Риме, себе на беду, ославлен стихами!
Цервий во гневе доносом и тяжбой грозит, и зловредным
Зельем Канидия, Турий-судья — решением дела:
Кто чем силен, тот такое себе изберет и оружье.
Так повелела натура; ты в том согласишься со мною!
Зубы — для волка, рога — для вола. Доверьте вы моту
Сцеве его долголетнюю мать в попеченье: конечно,
Он не задушит ее своими руками. Еще бы!
Волк не бодает рогами, а вол не кусает зубами;
Так и его от старушки избавит с медом цикута!
Но я короче скажу: суждена ли мне мирная старость
Или на черных крылах летает уж смерть надо мною,
Нищ ли, богат ли я, в Риме ли я иль изгнанником стану,
Жизнь во всех ее красках всегда я описывать буду!

Требатий

Сын мой, боюсь я — тебе не дожить до седин, а холодность
Сильных друзей испытаешь и ты!

Гораций

Почему же Луцилий,
Первый начавший сатиры писать, отважился, смело
С гнусных душ совлекая блестящую кожу притворства,

Их выставлять в наготе? Ты скажи: оскорблялся ли Лелий
Или герой, получивший прозванье от стен Карфагена,
Да и казалось ли дерзостью им, что Луцилий Метелла
Смел порицать или Лупа в стихах предавать поношенью?..
Он нападал без разбора на всех, на незнатных и знатных,
Только одну добродетель щадя и тех, кто с ней дружен.
Даже, когда Сципион и Лелий, мудрец безмятежный,
И от народной толпы, и от дел на покой удалялись,
Часто болтали они по-домашнему с ним и шутили,
Между тем как в котле им варилась на ужин капуста.
Я хоть и ниже Луцилия даром моим и породой,
Все же и я со знатными жил; и ежели зависть,
Хрупким меня посчитав, на меня обнажит свои зубы,
Жестко покажется ей! — Но, быть может, ученый Требатий,
Ты не согласен?

Требатий

Нет, в этом и я не поспорю. Однако
Все мой совет: берегись! попадешь в неприятную тяжбу!
Ты ведь не знаешь священных законов: «Кто сложит дурную
Песню о ком, таковой повинен суду и ответу!»

Гораций

Да! Коли песня дурна. А хорошей окажется песня —
Первый сам Цезарь похвалит! И ежели, сам без порока,
Смехом позорит людей он, достойных позора...

Требатий

То смехом
Дело твое порешат, а ты возвратишься, оправдан!

2

— Как хорошо, как полезно, друзья, быть довольну немногим!
(Это не я говорю; так учил нас Офелл-поселянин,
Школ не видавший мудрец, рассуждавший не тонко, но здраво).
Слушайте умный урок не за пышной и сытной трапезой
И не тогда, как бессмысленный блеск ослепляет вам очи
Иль как обманутый разум полезное все отвергает,
Нет, натощак побеседуем! — «Как натощак? Для чего же?»
— Я объясню вам! Затем, что судья подкупленный судит
Несправедливо! Когда ты устанешь, гоняясь за зайцем,
Или скача на упрямом коне, иль мячом забавляясь
(Ибо, изнеженным греками, римлян военные игры
Нам тяжелы, а в забавах и труд становится легок),
Или же диском сплеча рассекая податливый воздух,—
Разве тогда, утомясь, почувствовав жажду и голод,
Будешь ты брезговать пищей простой? Перетерпишь ли жажду
Лишь оттого, что нету вина, подслащенного медом?
Ежели ключник исчез, а бурное море не выдаст
Рыбы к столу твоему, то и хлеб посолённый приятен,
Ибо не в запахе яств, а в тебе самом наслажденье!
Пóтом усталости — вот чем приправишь ты вкусные блюда!
Лени же бледной чего ни подай, ей все не по вкусу:
Будь то устрицы, скар иль тетерки из дальнего края.
Все же не так-то легко, увидав на блюде павлина,
Курицу вместо него попросить, хоть она и вкуснее.

Это все суетность! Все оттого, что за редкую птицу
Золотом платят, что хвост у нее разноцветный и пышный.
Точно как будто все дело в хвосте! Но ешь ли ты перья?
Стоит их только изжарить, куда красота их девалась!
Мясо ж павлина нисколько не лучше куриного мяса,
Ясно, что в этом одна лишь наружность твой вкус обольщает!
Пусть! Но поди-ка узнай, где поймана эта вот щука
С пастью зубастою: в Тибре иль в море, близ Рима иль в устье?
Хвалишь, безумный, ты мулла за то лишь одно, что он весом
Ровно в три фунта, а должен же будешь изрезать на части!
Если прельщает огромность, то как же огромная щука
Столько противна тебе? Оттого, что не редкость! Природа
Щуку большой сотворила, а мулл большой не бывает.
Сытый желудок всегда обыдённою брезгует пищей.
«Что за прекраснейший вид, как покроет он целое блюдо!» —
Так восклицает обжора с глоткой, достойною гарпий.
Австр! Налети! Пусть протухнут у них все роскошные яства!
Впрочем, и свежая снедь не мила, коль испорчен желудок
От непомерной еды, и взамен кабана или ромба
Горькая редька и кислый щавель тут нужнее. По счастью,
Предков оливки и яйца все ж нами не изгнаны вовсе
С наших пышных столов. Давно ли глашатай Галлоний
Мотом считался за то, что гостей угощал осетрами?
«Как? Неужели в то время в морях не водилися ромбы?»
Нет! Но покуда в них вкус не открыл нам лакомка-претор,
В море спокойно жил ромб и был аист в гнезде безопасен.
Если б издал кто эдикт, что нырок зажаренный вкусен,
Юноши Рима поверят: они на дурное послушны!
  Впрочем, разница есть между скромной и скаредной жизнью,
Ибо напрасно бежать от порока к пороку другому.
Так говорил и Офелл, вспоминая об Авидиене,
Прозванном Псом и поистине кличку свою заслужившем.
Ел он оливки, которым пять лет, да ягоды терна,
Вина зато он берег, покуда совсем не прокиснут.
В день же рождения или наутро дня свадьбы, одетый
В белом, как следует в праздник, своим он гостям на капусту
Масло такое из рога по капельке льет своеручно,
Что и дыханье захватит, зато не скупится на уксус!
  Как же прилично жить мудрецу? И с кого брать примеры?
Как говорится: «Там—волк, тут—собака». Держись середины!

Чисто жить — это значит не быть в запачканном платье,
А не то чтоб наряженным быть щегольски. Кто средину
Хочет во всем сохранить, то не будь, как Альбуций, который,
Распоряженья давая рабам, их заранее мучил;
Но и не будь беззаботен, как Невий, который помои
Вместо воды подавал. Недостаток великий и это!
Слушай же, сколько приносит нам пользы пища простая:
Первая польза — здоровье, затем что все сложные яства
Вредны для тела. Припомни, какую ты чувствовал легкость
После простого стола! Ну, а если возьмешь и смешаешь
Устриц с дроздами, вареное с жареным — сразу в желудке
Сладкое в желчь обратится и внутренний в нем беспорядок
Клейкую слизь породит. Посмотри, как бывают все бледны,
Встав из-за пира, где были в смешенье различные яства.
Тело, вчерашним грехом отягченное, дух отягчает,
И пригнетает к земле часть дыханья божественной силы.
Ну, а другой, в два счета поевши и сладко заснувши,
Свежим и бодрым встает ото сна к ежедневным занятьям.
Может и он иногда дозволить себе что получше,
Но не иначе как изредка, в праздничный день ежегодный,
Или в усталости, или тогда, наконец, как с годами
Тело слабеет и требует бóльших о нем попечений.
Ты же, который, когда был и молод и крепок, заране
К неге себя приучал, чем себя ты понежишь, как хворость
Или тяжелая старость потребует сил подкрепленья?
Мясо кабанье с душком хвалили старинные люди
Не потому, что у них обонянья не было вовсе,
Но в рассужденье того, что лучше уже початое
Позднему гостю сберечь, чем хозяину свежим наесться.
О, когда б я родился во время тех старых героев!
Может быть, ищешь ты славы, которая слуху людскому
Музыки слаще? Но верь, что рыбы и блюда большие
Только послужат к стыду твоему, к разоренью! Вдобавок
Дядю рассердишь, соседи тебя взненавидят. Ты будешь
Смерти желать, но не на что будет купить и веревки!
«Это,— ты можешь сказать,— меня не касается вовсе!
Я ведь не Травзий-бедняк: у меня — и поместья и деньги,
И доходов моих для троих царей бы достало!» —
Ежели так, то зачем ты излишек не тратишь на пользу?
Если богат ты, зачем же есть в бедности честные люди?

Храмы зачем ветшают богов? И как же, бесстыдный,
Ты ни гроша из всего, что скопил, не приносишь отчизне?
Или, ты думаешь, счастье тебе одному не изменит?
Время придет, что и ты для врагов посмешищем станешь!
Кто в переменах судьбы понадеяться может на твердость?
Тот ли, кто телом и духом привык ко стольким усладам,
Или кто, малым доволен, на будущность мало надеясь,
Мог, как мудрец, быть готовым к войне в продолжение мира?»
   Верьте мне: мальчиком бывши еще, знавал я Офелла!
Нынче бедняк, и тогда он, при целом именье, не шире
Жил, чем теперь. На своем, для других размежеванном, поле
Он и доныне с детьми и со стадом живет, как наемщик.
«Нет, никогда,— говорил он,— по будням не ел я другого,
Кроме простых овощей и куска прокопченной свинины!
Если же изредка гость приходил иль в свободное время
Добрый сосед навещал, особливо в ненастную пору,
Я не столичною рыбою их угощал, но домашним
Или цыпленком, или козленком. Кисть винограда,
Крупные фиги, орехи — вот все, что мой стол украшало.
Мирно играли потом (проигравший пил лишнюю чарку)
Или, в честь доброй Цереры, чтоб выше взрастали колосья
Наших полей, мы заботы чела вином прогоняли.
   Пусть же Фортуна враждует и новые бури воздвигнет!
Что ей похитить у нас? Скажите, мои домочадцы,
Меньше ль мы счастливо жили с тех пор, как тут новый хозяин?
Ведь ни меня, ни его, ни кого другого природа
Здесь не назначила вечно владеть! Он нас выгнал, его же
Если не ябеда, то расточительность тоже прогонит,
Или, вернее всего, наследник, его переживший.
Нынче землица Умбрена, прежде землица Офелла,
Но, по правде, ничья, а давалась в именье на время
Прежде Офеллу, а после другим. Сохраняйте же бодрость!
С твердой душою встречайте судьбы враждебной удары!»

3

Дамасипп

Редко ты пишешь! Едва ли четырежды в год ты пергамент
В руки возьмешь! Лишь только наткал и опять распускаешь,
Сам недоволен собой, что вино и сонливость мешают
Славы достойный труд совершить. Чем кончится это?
Вот — убежал ты сюда, чтоб не пьянствовать в дни сатурналий:
Что ж, напиши что-нибудь, ожиданий достойное наших!
Что? Ничего? Так напрасно ж перо обвинять и напрасно
Бить по стене кулаком на потеху богам и поэтам!
Мы по лицу твоему от тебя превосходного много
Ждали, когда ты под сельскую теплую кровлю сокрылся.
Так для чего же привез ты с собой Платона с Менандром?
Что же взял в свиту свою Евполида и с ним Архилоха?
Или ты хочешь спастись от врагов, свое дело забросив?
Нет, лишь презренье одно наживешь! Отбрось же ты леность,
Эту сирену свою, иль и то, что ты нажил трудами,
Ты ни за что потеряешь опять!

Гораций

Да пошлют тебе боги
Все и богини за этот полезный совет — брадобрея!
Только откуда ты знаешь меня?

Дамасипп

Разорившись на бирже,
Стал я, оставив свои все дела, заниматься чужими.
Прежде любил я исследовать бронзу лохани, в которой
Ноги мыл хитрый Сизиф, разбирал, где заметна в ваянье
Слабость резца, где металл отлился неудачно и грубо,
Мог я назвать, как знаток, стотысячной статуе цену;
Дом ли, сады покупать — в том со мною никто не равнялся,
Так что меня при продажах любимцем Меркурия звали.

Гораций

Это я знаю. Дивлюсь, как от этого ты исцелился!
Впрочем, нередко одна болезнь прогоняет другую,
Новая — старую. Крови прилив к голове или к боку
Вдруг обратится к груди. Иной летаргией был болен;
Смотришь — уже на врача он, взбешенный, летит с кулаками.
Лишь бы не ты на меня; а с другими — будь что угодно!

Дамасипп

Друг, понапрасну не льстись! Все глупцы, да и сам ты безумен,
Если нам правду Стертиний твердил. От него я науку
Эту чудесную принял тогда, как меня убедил он
Мудрую эту браду себе отрастить в утешенье
И от моста Фабриция с миром домой воротиться;
Ибо оттуда, добро потеряв, с головою покрытой
Броситься в волны хотел я, но он подхватил меня справа:

«Ты берегись недостойного дела! — вскричал он.— Ты мучим
Ложным стыдом, ты боишься безумным прослыть меж безумцев!
Только ответь мне сперва: что есть безумие? Если
Ты лишь безумен один, я ни слова: погибни отважно!
Но ведь Хрисипп и Хрисиппова школа зовет сумасшедшим
Всякого, кто ослеплен неведеньем глупым о благе
Истинном. Этим грешат и цари, и большие народы,
И не грешит один лишь мудрец. Так вот и послушай,
В чем же безумие тех, кто тебя обзывает безумцем.
Часто в дремучем лесу одинокий сбивается путник
И начинает блуждать, но блуждает по-своему каждый:
Этот собьется с пути направо, а этот налево,—

Оба блуждают они, но только по разным дорогам.
Оба безумны они, хотя над тобой и смеются.
Верь мне: с хвостом и они! Бояться, где вовсе нет страха,—
Это безумие точно такое ж, как если б кто начал
В поле открытом кричать, что гора преграждает дорогу,
Или вода, иль огонь. Но ничуть не умней на другую
Ногу хромать: в пучину реки или в пламя бросаться,
Как ни кричали б и мать, и сестра, и отец, и супруга:
«Здесь глубочайший обрыв, здесь скала, берегися, несчастный!»
Нет, он не слышит, безумный, как Фуфий, который на сцене
Пьяный на ложе заснул и проспал Илиону, и тщетно
Несколько тысяч партнеров ему из театра кричали:
«Матерь! Тебя я зову!» Так безумствуют все, докажу я!
Все Дамасиппа считают безумным за то, что скупает
Старые статуи он,— а кто верит ему, тот умнее ль?
Если б тебе я сказал: «Вот возьми: все равно не вернешь ведь!» —
Взявши, был бы ты глуп? Нет, ты был бы гораздо глупее,
Если не взял бы, что даром Меркурий тебе посылает!
Пишешь хоть десять раз на иного у Нерия вексель,
Хоть сто раз у Цикуты; опутай его хоть цепями:
Все ни во что, из любой западни ускользнет он Протеем.
А как потащишь к суду — он осклабится только и мигом
Птицей прикинется, вепрем, и камнем, и деревом даже.
Если безумный действует худо, разумный же лучше,
То ведь Переллий безумней тебя, если принял твой вексель,
Зная вперед, что ты ни за что по нему не заплатишь.
Ну, подберите же тоги, чтоб слушать меня со вниманьем!
Кто с честолюбья из вас, а кто с сребролюбия бледен,
Кто невоздержан, а кто своим суеверьем замучен
Или другою горячкой души,— все ко мне подходите,
Все по порядку, и я докажу вам, что все вы безумцы!
Самый сильный прием чемерицы следует скрягам;
Впрочем, не знаю, поможет ли им и вся Антикира!
Ведь завещал же Стаберий-скупец, чтоб на камне надгробном
Вырезал сумму наследства наследник его, а иначе
Должен народу дать пир, как устроить придумает Аррий:
Сто пар бойцов да пшеницы — годичную Африки жатву.
«А справедливо ли это иль нет, мне наследник не дядька!
Так я хочу!» Вероятно, что так рассуждал завещатель.
Ради чего же велел надписать он на камне наследство?

Ради того, что он бедность считал величайшим пороком,
Что ужасался ее, и если бы умер беднее
Хоть на единый квадрант, то считал бы себя, без сомненья,
Он человеком дурным. У людей подобного рода
Слава, честь, добродетель и все, что есть лучшего в мире,—
Ниже богатства. Один лишь богатый мужествен, славен
И справедлив.

Дамасипп

Неужели и мудр?

Стертиний

И мудр, без сомненья!
Он же и царь, и все, что угодно! Он думал, что деньги
И добродетель заменят ему, и прославят в потомстве.
Как с ним несходен был грек Аристипп, рабам приказавший
Золото бросить в ливийских песках потому лишь, что тяжесть
Их замедляла в пути. А который из них был безумней?
Спорным примером спорный вопрос разрешить невозможно.
Если кто лиры скупает, а в музыке вовсе не сведущ,
Ежели кто собирает колодки башмачные, шила,
Сам же совсем не башмачник, кто парус и прочие снасти
Любит в запасе хранить, отвращенье имея к торговле,
Тот — безумный, по мнению всех. А разумнее ль этот
Скряга, что золото прячет свое и боится, припрятав,
Тронуть его, как будто оно какая святыня?
Если кто, с длинным в руках батогом, перед кучею жита
В рост протянувшись, лежит господином, его караулит,
Глаз не смыкает, а сам не смеет и зернышко тронуть,
И утоляет свой голод одною лишь горькой травою;
Если до тысячи бочек, до трехсот тысяч фалерна
Самого старого или хиосского в погребе скряги,
Сам же кислятину пьет и, восемь десятков проживши,
Спит на набитом соломой мешке, имея в запасе
Полный сундук тюфяков тараканам и моли в добычу,
То потому лишь не все называют его сумасшедшим,
Что и другие, не меньше, чем он, сумасшествием страждут.
О старик, ненавистный богам! К чему бережешь ты?
Разве затем, чтоб твой сын иль отпущенник прожил наследство?
Ты опасаешься нужды? Конечно, из этакой суммы

Много убавится, если отложишь частичку на масло,
Чтобы капусту приправить иль голову глаже примазать!
Если столь малым ты жив, зачем тебе ложные клятвы,
И плутовство, и грабеж? Вот если б в народ ты каменья
Вздумал бросать иль в рабов, тебе же стоящих денег,
Все бы мальчишки, девчонки кричали, что ты сумасшедший;
Ну, а если отравишь ты мать и удавишь супругу,
Это — разумно вполне! Ведь ты не мечом, не в Аргосе
Их погубил, как Орест. Иль думаешь, он помешался
После убийства и предан гонению мстительных фурий
После того, как согрел в материнской груди он железо?
Нет! Напротив, с тех пор как Ореста признали безумцем,
Он не свершил ничего, что могло бы навлечь нареканья,
Он не пытался с мечом нападать на сестру и на друга:
Фурией только Электру-сестру называл, а Пиладу
Тоже давал имена, сообразно горячности гнева.
Бедный Опимий, хотя серебра и золота груды,
В праздники вейское пивший вино, а в будни — подонки
Глиняной кружкой цедивший, однажды был спячкою болен
И как мертвый лежал, а наследник уж в радости сердца
Бегал с ключами вокруг сундуков, любовался мешками!
Врач его верный придумал, однако же, скорое средство,
Чтобы больного от сна пробудить: он возле постели
Стол поставить велел, из мешков же высыпал деньги;
Вызвал людей и заставил считать. Вот больной и проснулся.
«Если не будешь сам деньги беречь,—врач сказал,—то наследник
Все унесет».— «Как, при жизни моей?» — «Да, при жизни. Не спи же,
Ежели хочешь пожить!» — «Так что же мне делать?» — «А вот что:
Надо наполнить желудок, чтоб кровь заструилась по жилам.
На вот рисовой каши: поешь!» — «А дорого ль стоит?» —
«Малость».— «Однако же сколько?» — «Восемь лишь ассов».— «Беда мне!
Видно, меня не болезнь, так грабеж все равно доконает!»

Дамасипп

Кто же тогда не безумец?

Стертиний

Лишь тот, кто не глуп.

Дамасипп

Ну, а скряга?

Стертиний

Он и безумен и глуп.

Дамасипп

Так, стало быть, тот бессомненно
В здравом уме, кто не скряга?

Стертиний

Ничуть.

Дамасипп

Почему же, о стоик?

Стертиний

Слушай! Представь, что Кратер сказал о больном: «Он желудком
Вовсе здоров!» — «Так, стало быть, может и встать он с постели?» —
«Нет! потому что страдает от боли в боку или в почках».
Так вот и здесь: этот малый — не клятвопреступник, не скряга
(Благодаренье богам!), но он — наглец, честолюбец;
Пусть же и он в Антикиру плывет! Одинаково глупо —
Бросить именье в пучину иль вовсе его не касаться!
Сервий Оппидий, богач, родовые в Канузии земли
Между своими двумя разделил, говорят, сыновьями
И, умирая, сказал им, к одру подозвавши обоих:
«Я замечал, что в детстве ты, Авл, и орехи и кости
В пазухе просто носил, и проигрывал их, и дарил их;
Ты же, Тиберий, вел бережный счет им и прятал их в угол.
Вот и боюсь я того, что впадете вы в разные страсти,
Что Номентаном один, другой же Цикутою будет.
Вот потому заклинаю пенатами вас: берегитесь
Ты — уменьшать, а ты — прибавлять к тому, что отец ваш
Должною мерой считал, и чему нас учила природа.
Кроме того, я хочу, чтоб вы с клятвою мне обещали
Не соблазняться щекоткою славы; и если который

Будет эдилом иль претором, тот мне не сын: будь он проклят!»
Как! Промотать все добро на горох, да бобы, да лупины,
Только затем, чтобы чваниться в цирке, чтоб выситься в бронзе,
Хоть за душой у тебя уж давно ни гроша, ни землицы!
Уж не мечтаешь ли ты сравняться в успехе с Агриппой,
Словно пронырa лиса, благородному льву подражая?
«Молви, Атрид, почему хоронить не велишь ты Аякса?»
«Царь я — вот мой ответ!» — «Ну что ж! Я — плебей, я смолкаю».
«Был мой приказ справедлив. Но если кто мыслит иначе —
Пусть говорит: дозволяю!» — «О царь, да пошлют тебе боги,
Трою разрушив, обратно приплыть. Итак, мне вопросы
И возраженья дозволены?» — «Спрашивай! Я дозволяю!»
«Царь! За что же Аякс, сей герой, второй по Ахилле,
Греков спасавший не раз, истлевает под небом открытым?
Или на радость Приаму и Трое лишен погребенья
Тот, кем их юноши были могил лишены в их отчизне?»
«Нет, а за то, что казнил он овец, восклицая, что режет
Он Менелая, Улисса, меня!» — «А когда ты в Авлиде
Милую дочь, как телицу, привел к алтарю и осыпал
Солью с мукою ей голову, был ли ты в здравом рассудке?»
«Что за вопрос?» — «Но безумный Аякс перерезал лишь стадо,—
Много ли в этом вреда? Ни жену он не тронул, ни сына:
Только Атридам, Атридам одним грозил он расправой —
Тевкру не сделал он зла, не коснулся он даже Улисса».
«Я же, чтоб ветер попутный судам от враждебного брега
Боги послали, хотел смягчить их той жертвенной кровью».
«Чьею? Своею, безумный?» — «Своей, но совсем не безумный!»
«Всякий безумным слывет, которому ум затмевает
Призраков ложных игра, взметаемых пагубной страстью,
Гнев ли причиной тому или попросту глупость людская.
Пусть был безумен Аякс, поражающий агнцев невинных;
Но неужели ты сам разумен и чист от порока,
Если спокойно творишь преступления почестей ради?
Если б кто вздумал носить на покойных носилках овечку,
Шить ей, как дочери, платье, дарить ожерелья, служанок,
Куколкой, девочкой ласково звать и готовить для брака,
Верно бы, претор ему запретил управленье именьем
И передал бы его хозяйство родным под опеку.
Ну, а если кто дочь настоящую вместо овечки

В жертву приносит богам,— ужели он в здравом рассудке?
Всюду, где глупость — там и безумие; где преступленье —
Там и припадок; а там, где погоня за хрупкою славой,—
Там помраченье ума, как от грохота ярой Беллоны!»

Ну, а теперь рассмотри невоздержность, и с ней — Номентана.
Здравый рассудок покажет, что мот есть тоже безумец.
Этот, как скоро талантов до тысячи схватит в наследство,
Тотчас объявит всем рыболовам и всем, продающим
Овощи, птиц и душистые мази, всей рыночной черни,
Всем шутам, мясникам, завсегдатаям улицы Тусской,
Чтобы наутро пришли. Вот и утро — приходят толпою!
Сводник слово берет: «Все, что есть у нас, — все в твоей воле!
Лишь прикажи, хоть сегодня, хоть завтра,— получишь немедля!»
Слушай же, как благородно им юный богач отвечает:
«Ты из луканских снегов добываешь мне к ужину вепря:
Ты, невзирая на бурное море, ловишь мне рыбу;
Я не тружусь, а пользуюсь всем, недостойный! Возьми же
Десять тысяч себе, и столько же ты! А тебе я
Втрое даю за жену: хоть в полночь позову, прибегает!»
Сын Эзопа жемчужину, бывшую в ухе Метеллы,
В уксусе крепком велел распустить, чтобы, выпивши, разом
В нем проглотить миллион; но разумней ли это, чем если б
Он ее в быструю реку швырнул или в сточную яму?
Квинта же Аррия дети, друг друга достойные братцы,
Два близнеца по распутству, имели привычку на завтрак
Каждый день из одних соловьев заказывать блюдо.
Это — безумье иль нет? Чем отметить их: мелом иль углем?
Если старик забавляется детской игрой в чет и нечет,
Или на палочке ездит верхом, или домики строит,
Или мышей запрягает в колясочку — он сумасшедший!
Ну, а если рассудок докажет тебе, что влюбленный
Больше ребенок, чем он? Что возиться в песке, как трехлетний,
Что в ногах у красавицы выть — не одно ли и то же?..
Можешь ли ты, например, поступить Полемону подобно?
Бросишь ли признаки страсти, все эти запястья, повязки,
Эти венки, как бросил их он, вином упоенный,
Только услышав случайно философа слово, который
В школе своей натощак проповедовал юношам мудрость!

Дай раздраженному мальчику яблоко: он не захочет.
«На, мой голубчик, возьми!» Не берет! Не давай: он попросит!
Так и влюбленный. Выгнанный вон, перед дверью любезной
Он рассуждает: войти или нет? А тотчас вошел бы,
Если б она не звала: «Сама позвала; не войти ли?
Или нейти и разом конец положить всем мученьям?
Выгнала, что же и звать! Не пойду, хоть она б умоляла!»
Столь же разумный слуга между тем говорит: «Господин мой,
То, в чем ни меры, ни смысла,— никак под законы рассудка
Нам подвести невозможно. В любви ведь это и худо:
В ней то война, то последует мир. Но кто захотел бы
Сделать то постоянным, что переменно, как ветер
Или как случай,— это все то же, как если б он вздумал
Жить как безумный, и вместе по точным законам рассудка!»
Как? Когда ты гадаешь и зернышки яблок бросаешь,
Чтобы попасть в потолок, неужели ты в здравом рассудке?..
Как? Когда ты, беззубый, лепечешь любовные речи,
То умнее ль ребенка, который домики строит?
Вспомни и кровь и железо, которыми тушат сей пламень;
Вспомни Мария: он, заколовши несчастную Геллу,
Бросился сам со скалы и погиб; не безумец ли был он?
Если же это безумие ты назовешь преступленьем,
В сущности будет все то же, различие только в названье!

Вольноотпущенник некий, не евши, но вымывши руки,
До свету бегал по всем перекресткам, где только есть храмы,
Громко крича: «Избавьте, о боги, меня вы от смерти!
Только меня одного! Всемогущие, это легко вам!»
Всем он здоров был, и слухом и зрением; но за рассудок,
Впрямь, при продаже его, господин бы не мог поручиться!
Эту всю сволочь Хрисипп в собратьях Менения числит.
«О Юпитер, от коего все: и болезнь и здоровье! —
Молится мать, у которой ребенок пять месяцев болен,—
Если его исцелишь от горячки, то завтра же утром,
Так как наутро свершаем мы пост в честь тебя, всемогущий,
В Тибр я его окуну!» Что ж? Если бы лекарь иль случай
Вдруг и избавил его от болезни, то глупая матерь
Мигом холодной водой лихорадку б ему возвратила!
Что тут причиной безумства? Причиной одно: суеверье!

Так-то, Стертиний, мой друг, осьмой меж семью мудрецами,
Дал мне оружье, дабы отныне никто не остался
Без наказанья, задевши меня! Кто мне скажет: «Безумец!» —
Тотчас ему я в ответ: «Оглянись, на себя посмотри-ка!»

Гораций

Стоик! Да будешь ты, после банкротства, гораздо дороже
Новый товар продавать! Но коль много родов есть безумства,
То какое ж мое? А по мне — я здоров, да и все тут!

Дамасипп

Но неужели Агава, что в голову сына воткнула,
Будто в звериную, тирс, почитала себя сумасшедшей?

Гораций

Да, как видно, ты прав. Сознаюсь откровенно: глупец я!
Даже безумец, пускай! Но все-таки молви: какой же
Я страдаю болезнью души?..

Дамасипп

Во-первых, ты строишь!
То есть ты подражаешь людям высоким, а сам ты
От головы и до пят не выше двух футов! Подумай:
Ты, улыбаясь, глядишь, как Турбон, лихой не по росту,
Мчится в доспехах на бой; но и ты ведь насмешки достоин,
Ежели ты намерен во всем подражать Меценату!
Где уж тебе, столь несходному с ним, в чем-нибудь состязаться?
Как-то теленок ногой растоптал лягушат, и один лишь
Спасся и в сильном испуге рассказывать матери начал,
Что за огромный их зверь растоптал. «Огромный? — спросила
Мать, надувая живот.— Такого, наверное, роста?»
«Нет,— говорит лягушонок в ответ,— раза в два был он больше».
«Что же, такой?» — мать спросила, надувшись еще.— «Нет,
хоть лопни,
Все же не будешь с него!» Не твое ли подобие это?..
А стихотворство? Оно ведь — как масло в огонь сумасбродства!
Станешь ли ты уверять, что поэты — разумные люди?
Нрав твой горячий... о нем уж молчу...

Гораций

Перестань!..

Дамасипп

Об издержках

Сверх состояния...

Гораций

Вспомни себя, Дамасипп!

Дамасипп

Я ни слова

Ни про безумную страсть к девчонкам, ни к мальчикам дружбу!

Гораций

О, пощади же ты, больший безумец, меньшого безумца!

4

Гораций

Катий! Откуда? Куда?

Катий

Мне не время теперь! Занимаюсь
Новым учением, выше всего, чему ни учили
Сам Пифагор, и ученый Платон, и Анитова жертва!

Гораций

Я виноват, что тебе помешал так некстати и пре́рвал
Нить размышлений твоих; извини же меня, мой добрейший!
Если и выйдет из памяти что у тебя, ты воротишь!
От природы ль она, от искусства ль, но чудная память!

Катий

Да! Я о том и старался, чтоб все удержать в ней подробно.
Это претонкие вещи! И тонко предложены были!

Гораций

Кто же наставник твой был? Наш римлянин иль чужеземец?

Я науку тебе сообщу, но учителя скрою!
Продолговатые яйца — запомни! — вкуснее округлых:
В них и белее белок, и крепче желток, потому что
Скрыт в нем зародыш мужеска пола. За званым обедом
Их подавай. Капуста, растущая в поле, вкуснее,
Чем подгородная, эту излишней поливкою портят.
Если к тебе неожиданно гость вдруг явился на ужин,
То, чтобы курица мягче была и нежнее, живую
Надо ее окунуть в молодое фалернское прежде.
Лучший гриб — луговой; а другим доверять ненадежно.
Много здоровью способствует, ежели в летнее время
Есть шелковичные черные ягоды после обеда,
Снятые с ветвей тогда, пока солнце еще не высоко.
Мед свой мешал натощак с фалерном крепким Авфидий.
Нет! Приличней полегче питье для пустого желудка.
Жиденький мед, например, несравненно полезнее будет.
Если живот отягчен, то мелких раковин мясо
Или щавель полевой облегчат и свободно и скоро,
Только бы белое косское было притом не забыто.
Устрицы толще всего, когда луна прибывает,
Но ведь не все же моря изобилуют лучшим их родом!
Лучше в Лукрине простые улитки, чем в Байском заливе
Даже багрянка сама; цирцейские устрицы в славе;
Еж водяной — из Мисена, а гребень морской — из Тарента!
  Но искусством пиров гордись не всякий, покуда
В точности сам не изучишь все тонкие правила вкуса.
Мало того, чтоб скупить дорогою ценою всю рыбу,
Если не знаешь, к которой подливка идет, а которой
Жареной быть, чтоб наевшийся гость приподнялся на локоть.
Кто не охотник до пресного мяса, поставь погрузнее
Блюдо с умбрийским кабаном, питавшимся желудем дуба;
Но лаврентийский не годен: он ест камыши да осоку.
Где виноградник растет, там дикие козы невкусны.
Плечи чреватой зайчихи знаток особенно любит.
Рыбы и птицы по вкусу и возраст узнать и породу —
Прежде никто не умел, я первый открытие сделал!
Многие новый пирог изобресть почитают за важность.
Нет! Не довольно в одном показать и искусство и знанье:

Так вот иной о хорошем вине прилагает заботу,
Не беспокоясь о масле, каким поливается рыба.
  Если массикское выставить на ночь под чистое небо,
Воздух прохладный очистит его, и последнюю мутность
Вовсе отнявши и запах, для чувств неприятный и вредный;
Если ж цедить сквозь холстину его, то весь вкус потеряет.
Если суррентским вином доливают отстой от фалерна,
Стоит в него лишь яйцо голубиное выпустить — вскоре
Всю постороннюю мутность желток оттянет на днище.
Позыв к питью чтобы вновь возбудить в утомившемся госте,
Жареных раков подай, предложи африканских улиток,
А не латук, ибо после вина он в желудке без пользы
Плавает сверху; но лучше еще ветчина да колбасы,
После которых любая понравится дрянь из харчевни.
Далее следует знать все свойства различных подливок.
Есть простая: она состоит из чистого масла
С чистым вином и рассолом пахучим из скумбрии-рыбы, —
Тем рассолом, каким в Византии все бочки воняют!
Если же в ней поварить, искрошивши, душистые травы
И настоять на корикском шафране, а после подбавить
Масла венафрского к ней, то вот и другая готова!
Тибуртинские яблоки много в приятности вкуса
Уступают пиценским, хоть с виду и кажутся лучше.
Венункульский изюм бережется в горшочках, альбанский
Лучше в дыму засушенный. Я первый однажды придумал
Яблоки с ним подавать и отстой от вина и рассола
Ставить кругом, под белым перцем и черною солью.
  Часто противно смотреть, как, три тысячи бросив на рынок,
Втиснули в тесное блюдо к простору привыкшую рыбу!
Так же и грязь родит отвращенье к еде: неприятно,
Ежели раб, отпивая тайком, на бокале оставил
Масляных пальцев следы или дно не отмыто у чаши.
Дорого ль стоит простая метелка, салфетка, опилки?
Самую малость! А вот нераденье — бесчестье большое!
Пол разноцветный из камней, а веником грязным запачкан.
Ложе под пурпуром тирским; глядишь — а подушки нечисты.
Ты не забудь: чем меньше что стоит труда и издержек,
Тем справедливей осудят тебя; не так, как в предметах,
Только богатым приличных одним, только им и доступных!

Гораций

Катий премудрый! Прошу, заклиная богами и дружбой:
Где бы наставник твой ни был, ты дай самого мне послушать!
Ибо, как память твоя ни верна, согласися, однако,
Первоисточник всегда надежнее, чем пересказчик!
Кроме того, ты ведь видел его и лицо и обличье,
О блаженный! И сам не ценил привычного счастья.
Дай же и мне взойти к глубочайшим источникам знанья,
Чтоб почерпнуть из него наставленья о жизни блаженной.

5

Улисс

Вот что еще попрошу я тебя мне поведать, Тиресий:
Как бы, каким бы мне средством поправить растрату именья?
Что ж ты смеешься?..

Тиресий

А разве тебе, хитрецу, не довольно
Целым вернуться в Итаку свою и отчих пенатов
Вновь увидать?..

Улисс

Никого ты еще не обманывал ложью!
Видишь, что наг я и нищ возвращаюсь, как ты предсказал мне.
Нет ни запаса в моих кладовых, ни скота. Без богатства ж
И добродетель и род дешевле сена морского!

Тиресий

Прочь околичности! Если ты бедности вправду боишься,
Слушай, как можешь богатство нажить. Например: не пришлет ли
Кто-нибудь или дрозда, иль еще тебе редкость другую;
Ты с ней беги к старику, что кряхтит над грудою денег.
Сладких ли яблок, иных ли плодов огорода и сада
Пусть он, почетнейший лар, и отведает прежде, чем лары.
Будь он хоть клятвопреступник, будь низкого рода, обрызган
Братнею кровью, будь беглый он раб,— но если захочет,
Чтоб ты шел в провожатых его, не смей отказаться!

Улисс

Как? Чтобы с Дамою подлым бок о бок я шел? Я под Троей
Был не таков: там в первенстве я с величайшими спорил!

Тиресий

Ну, так будь беден!

Улисс

Все может снести великое сердце!
Я и не то ведь сносил! Но ты продолжай, прорицатель!
Молви, откуда бы мне загрести себе золота груды?

Тиресий

Что я сказал, то скажу и опять! Лови завещанья
И обирай стариков! А если иной и сорвется
С удочки, хитрая рыбка, приманку скусив рыболова,
Ты надежд не теряй и готовься на промысел снова.
Ежели тяжба меж двух заведется, важная ль, нет ли,
Ты за того, кто богатством силен и детей не имеет,
Тотчас ходатаем стань, пусть он и нагло и дерзко
Честного тянет к суду. Будь ответчик хоть лучший из граждан,
Но если сын у него да жена — за него не вступайся!
«Публий почтенный!» — скажи или — «Квинт! (обращенье такое —
Признак доверья, приятный ушам!) — меня привязало
Лишь уваженье к тебе; а дела и права мне знакомы.
Лучше пусть вырвут глаза мне, чем я допущу, чтоб соперник
Хоть скорлупкой ореха обидел тебя. Будь покоен!
Ты не будешь в потере; не дам над тобой надругаться!»
После проси, чтобы шел он домой и берег бы здоровье.
Сам же вовсю хлопочи, хотя бы от зноя Каникул
Трескались статуи, или хотя бы на зимние Альпы
Фурий, распучивши брюхо, плевал бы седыми снегами!
«Ну, посмотри-ка! — тут скажет иной, толкнувши соседа.—
Вот трудолюбец, вот друг-то какой! Вот прямо заботлив!»
Тут-то к садку твоему и потянутся жирные рыбы.
Если в богатом дому увидишь ты хворого сына,
То поспеши и туда — затем, чтоб отвлечь подозренья,
Что из корысти заботишься ты об одних бессемейных.
Коли сумеешь и здесь угодить, то не будешь в убытке,—
Глядь, и вторым тебя впишут наследником, ежели мальчик

Рано отправится к Орку. Тут редко случится дать промах!
Если кто просит тебя прочитать его завещанье,
Ты откажись и таблички рукой оттолкни, но сторонкой
Сам потихоньку взгляни между тем: что на первой табличке
В строчке второй, и один ты там наследник иль много.
Зорче смотри, чтоб тебя писец из уличной стражи
Так не провел, как ворону лиса! И Коран этот ловкий
Будет потом хохотать над ловцом завещаний, Назикой!

Улисс

Ты в исступленье пророческом или же шутишь в загадках?

Тиресий

Что я сказал, Лаэртид, то иль будет, иль нет,— непременно!
Дар прорицанья мне дан самим Аполлоном великим!

Улисс

Ежели можно, однако, открой мне, что это значит?

Тиресий

Некогда юный герой, страх парфян, из Энеева рода,
Славой наполнит своей и землю и море. В то время
Дочь за Корана свою выдаст замуж Назика, из страха,
Чтобы могучий Коран с него не потребовал долгу.
Что же сделает зять? Он тестю подаст завещанье
С просьбой его прочитать. Назика противиться будет.
Но наконец возьмет, и прочтет про себя, и увидит,
Что завещают ему одно: о покойнике плакать!
Вот и еще мой совет: когда стариком полоумным
Хитрая женщина или отпущенник правит, то нужно
Быть заодно; похвали их ему, чтоб тебя похвалили!
Будет полезно и то! Но верней — лобовая атака:
Может быть, сдуру стихи он пишет плохие, старик-то?
Ты их хвали. Коль блудник он — не жди, чтоб просил: угождая
Мощному, сам ты вручи Пенелопу ему.

Улисс

Неужели,
Сможет, по-твоему, он совладать с целомудренной, с чистой,
С той, что с прямого пути совратить женихи не сумели?

Тиресий

Дива нет — шла молодежь, что скупа на большие подарки,
Та, что не столько любви, сколько кухни хорошей искала.
Вот почему и чиста Пенелопа; но если от старца
Вкусит она барышок и разделит с тобой хоть разочек,—
То уж отстать не захочет, как пес над засаленной шкурой.
В дни моей старости в Фивах одна старушка лукаво
Так завещала, чтоб тело ее, умащенное маслом,
Сам наследник на голых плечах отнес на кладбище:
Ускользнуть от него и по смерти хотела, затем что
Слишком к живой приступал он. Смотри же и ты: берегися,
Чтобы не слишком быть вялым и чтобы не слишком быть пьяным!
Кто своенравен, ворчлив, тому говорливость досадна.
Будь при таком молчалив: «да», «нет» и больше — ни слова;
Стой, как в комедии Дав, склоняясь с испуганным видом.
Но на услуги будь скор: подует ли ветер, напомни,
Чтобы головку покрыл; в тесноте предложи опереться
И плечом подслужись, а болтлив он — внимательно слушай.
Лесть ли он любит — хвали, пока не всплеснет он руками,
Не отставай, покуда он сам не воскликнет: «Довольно!»
Дуй ему в уши своей похвалой, как мех раздувальный.
Ну, а когда он умрет, чтобы мог ты вздохнуть с облегченьем,
И услышишь ты вдруг наяву: «Завещаю Улиссу
Четверть наследства!» — воскликни тогда: «О любезный мой Дама!
И тебя уже нет! Где такого найти человека!..»
Сам зарыдай, и не худо, чтоб слезы в глазах показались:
Это полезно, чтоб скрыть на лице невольную радость.
Памятник сделай богатый и пышно устрой погребенье,
Так, чтобы долго дивились и долго хвалили соседи.
Если же твой сонаследник-старик и в одышке и в кашле,
Ты предложи, не угодно ли взять или дом, иль именье
Лучшее в части твоей, за какую назначит он цену!
Но увлекает меня Прозерпина!.. Живи и будь счастлив!

6

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! И лучше и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле,
Кроме того, чтобы эти дары мне оставил Меркурий.
Если достаток мой я не умножил постыдной корыстью;
Если его не умалил небрежностью иль беспорядком;
Если я дерзкой мольбы не взношу к небесам, как другие:
«О, хоть бы этот еще уголок мне прибавить к владенью!
Хоть бы мне урну найти с серебром, как наемник, который,
Взыскан Алкидом, купил и себе обрабатывать начал
Поле, которое прежде он сам пахал на другого»;
Если доволен я тем, что имею,— прошу, о Меркурий:
Будь покровителем мне, пусть толще становится скот мой,
Как и иное добро, а тонким лишь ум остается!
Скрывшись от шумного города в горы мои, как в твердыню,
Чуждый забот честолюбья, от ветров осенних укрытый,
Страшную жатву всегда приносящих тебе, Либитина,
Что мне воспеть в сатирах моих, с моей скромною Музой?
Раннего утра отец! Или (если приятней другое
Имя тебе), о бог Янус, которым все человеки
Жизни труды начинают, как боги им повелели!
Будь ты началом и этих стихов! Не ты ль меня в Риме
Гонишь с постели: «Вставай! Торопись поручиться за друга!»

Северный ветер ли землю грызет, зима ль выгоняет
Солнце сквозь снег на низкое небо,— нет нужды, иду я
Голосом ясным ручательство дать,— себе в разоренье! —
Чтобы потом, продираясь назад чрез толпу, вдруг услышать
Голос обидный: «Куда ты несешься? Чего тебе надо?
Или затем лишь толкаешься ты как шальной с кем попало,
Чтобы скорее опять прибежать к твоему Меценату?»
Этот упрек, признаюся, мне сладок, как мед! Но лишь только
До Эсквилинской дойдешь высоты, как вспомнишь, что сотня
Дел на плечах. Там Росций просил побывать у Колодца
Завтра поутру; а тут есть общее новое дело —
Скрибы велели напомнить: «Квинт, не забудь, приходи же!»
Тут кто-нибудь подойдет: «Постарайся, чтоб к этой бумаге
Твой Меценат печать приложил». Говорю: «Постараюсь!»
Слышу в ответ: «Тебе не откажет! Захочешь — так сможешь!»
   Да! Скоро будет осьмой уже год, как я к Меценату
Стал приближен, как я стал в его доме своим человеком.
Близость же эта вся в том, что однажды с собою в коляске
Брал он в дорогу меня, а доверенность — в самых безделках!
Спросит: «Который час дня?», иль: «Какой гладиатор искусней?»
Или заметит, что холодно утро и надо беречься;
Или другое, что можно доверить и всякому уху!
Но невзирая на это, завистников больше и больше
С часу на час у меня. Покажусь с Меценатом в театре
Или на Марсовом поле,— все в голос: «Любимец Фортуны!»
Чуть разнесутся в народе какие тревожные слухи,
Всякий, кого я ни встречу, ко мне приступает с вопросом:
«Ну, расскажи нам (тебе, без сомнения, все уж известно,
Ты ведь близок к богам!) — не слыхал ли чего ты о даках?»
«Я? Ничего!» — «Да полно шутить!» — «Клянусь, что ни слова!»
«Ну, а те земли, которые воинам дать обещали,
Где их, в Сицилии или в Италии Цезарь назначил?»
Ежели я поклянусь, что не знаю,— дивятся, и всякий
Скрытным меня человеком с этой минуты считает!
   Так я теряю мой день и нередко потом восклицаю:
— О, когда ж я увижу поля! И когда же смогу я
То над писаньями древних, то в сладкой дремоте и в лени
Вновь наслаждаться блаженным забвением жизни тревожной!
О, когда ж на столе у меня появятся снова
Боб, Пифагору родной, и с приправою жирною зелень!

О пир, достойный богов, когда вечеряю с друзьями
Я под кровом домашним моим и трапе́зы остатки
Весело сносят рабы и потом меж собою пируют.
Каждому гостю закон — лишь собственный вкус и охота,
Каждый по-своему пьет: иной выбирает покрепче,
Ну, а иному милей разбавленным тешиться Вакхом.
Нашей беседы предмет — не дома и не земли чужие;
Наш разговор не о том, хорошо ли и ловко ли пляшет
Лепос, но то, что нужнее, что вредно не знать человеку.
Судим: богатство ли делает иль добродетель счастливым;
Выгоды или достоинства к дружбе вернее приводят;
В чем существо добра и в чем высочайшее благо?
Цервий меж тем, наш сосед, побасёнку расскажет нам кстати.
Если богатство Ареллия кто, например, превозносит,
Не слыхав о заботах его, он так начинает:
«Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила
В бедную нору — они старинными были друзьями.
Скудно хозяйка жила, но для гостьи всю душу открыла:
Чем богата, тем рада; что было — ей все предложила:
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала обглоданный прежде кусочек,
Думая в гостье хоть разностью яств победить отвращенье.
Гостья брезгливо глядит, чуть касается кушаний зубом,
Между тем как хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала.
Вот наконец горожанка так речь начала: «Что за радость
Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе, средь лишений!
Разве не лучше дремучих лесов многолюдный наш город?
Хочешь — пойдем со мною туда! Все, что жизнию дышит,
Смерти подвластно на нашей земле: и великий и малый,
Смерти никто не уйдет: для того-то, моя дорогая,
Если ты можешь, живи, наслаждаясь, и пользуйся жизнью,
Помня, что краток наш век». Деревенская мышь, убежденья
Дружбы послушавшись, прыг — и тотчас из норы побежала.
Обе направили к городу путь, чтобы затемно тайно
В стену пролезть. И уж ночь, совершая свой путь поднебесный,
За половину прошла, когда наконец две подруги
Прибыли к пышным палатам; вошли: там пурпур блестящий
Ложам роскошным из кости слоновой служил драгоценным
Мягким покровом; а там в корзинах, наваленных грудой,

Были на блюдах остатки вчерашнего пышного пира.
Вот, уложив деревенскую гостью на пурпурном ложе,
Стала хозяйка ее угощать, хлопоча деловито:
Яства за яствами ей подает, как привычный служитель,
Не забывая лизнуть и сама от каждого блюда.
Та же, разлегшись спокойно, так рада судьбы перемене,
Так весела на пиру! Но вдруг громыхнули запоры,
С треском скрипнула тяжкая дверь — и хозяйка и гостья
С ложа скорее долой и дрожа заметались по зале.
Дальше — больше: совсем еле живы, услышали мышки
Зычное лаянье псов. «Ну нет! — говорит поселянка.—
Эта жизнь не по мне. Наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду — преспокойно глодать чечевицу!»

7

Дав

Слушаю я уж давно. И хотелось бы слово промолвить:
Только боюсь: я ведь раб!..

Гораций

Это, кажется, Дав?

Дав

Да, он самый —
Дав, твой преданный раб и служитель достаточно честный,
Чтобы меня ты оставил в живых!

Гораций

Ну что ж с тобой делать!
Пользуйся волей декабрьской: так предки уставили наши.
Ну, говори!

Дав

Есть люди, которые в зле постоянны,
Прямо к порочной их цели идут; а другие мятутся
Между злом и добром. Вот Приск, например: то он носит
По три перстня зараз, а то и единственный снимет;
То он широкой, то узкой каймой обошьет свою тогу,—

То он в роскошном чертоге живет, а то заберется
В этакий дом, что и раб постыдился бы выйти оттуда;
То щеголяет он в Риме, то вздумает лучше в Афинах
Жить, как мудрец: сто Вертумнов его преследуют гневом!
А Воланерий, когда ему скрючила пальцы хирагра
(И поделом игроку!), то нанял себе человека,
Чтобы за деньги он тряс и бросал из стаканчика кости.
Вот постоянства в пороках пример! Но все же и этим
Он счастливей, чем Приск: он меньше презрен и несчастлив,
Нежели тот, кто веревку свою то натянет, то спустит.

Гораций

Скажешь ли, висельник, мне: к чему эти пошлые речи?..

Дав

Да к тебе!

Гораций

Как ко мне, негодяй?

Дав

Не сердись! Но не ты ли
Нравы и счастие предков хвалил? А ведь если бы это
Счастие боги тебе и послали, ведь ты бы не принял!
Все оттого, что не чувствуешь в сердце, что хвалишь устами;
Иль оттого, что в добре ты нетверд, что увяз ты в болоте
И что лень, как ни хочется, вытащить ноги из тины.
В Риме тебя восхищает деревня: поедешь в деревню —
Рим превозносишь до звезд. Как нет приглашенья на ужин —
Хвалишь и зелень и овощи; счастьем считаешь, что дома
Сам ты себе господин, как будто в гостях ты в оковах,
Будто бы рад, что нигде не приходится пить, и доволен.
Если же на вечер звать пришлет Меценат: «Наливайте
Масло скорее в фонарь! Эй! Слышит ли кто?» Как безумный
Ты закричишь, зашумишь, беготню во всем доме поднимешь.
Мульвий и все прихлебатели — прочь! А какие проклятья
Сыплют они на тебя — уж лучше о том и не думать!
«Да,— рассуждает иной.— Нос по ветру, брюхо пустое —

Вот я каков, лентяй и глупец, завсегдатай трактирный!
Что ж, я не спорю о том! Но поверь, что и сам ты такой же,
Если не хуже; только что речью красивой умеешь
Слабость свою прикрывать!» И точно: ведь впрямь ты безумней
Даже меня, хоть меня и купил ты на медные деньги!
Да не грозись, подожди, удержи и руку и злобу —
Я расскажу тебе все, что открыл мне привратник Криспина!
Жены чужие тебя привлекают, а Дава — блудницы.
Кто же из нас достойней креста за свой грех? Ведь когда я
Страстной природой томлюсь, раздеваясь при яркой лампаде,
Та, что желаньям моим ответствует, как подобает,
Или играет со мной и, точно коня, распаляет,
Та отпускает меня, не позоря: не знаю я страха,
Как бы ее не отбил кто-нибудь иль богаче, иль краше;
Ты же снимаешь с себя и всадника перстень, и тогу
Римскую, ты из судьи превращаешься в гнусного Даму
И надушенные кудри вонючим плащом прикрываешь.
Разве тогда ты не тот, кем прикинулся? Робкого вводят
В дом тебя; борется похоть со страхом, колени трясутся.
Разница в чем — ты «на смерть от огня, от плетей, от железа»
Сам, подрядившись, идешь или, запертый в ящик позорно,
Спущен служанкой туда, сообщницей грязного дела,
Скорчась сидишь, до колен головою касаясь? По праву
Мужу грешащей жены дана над обоими воля.
А уж над тем, кто прельстил,— особенно. Ибо она ведь
В доме своем и в платье своем, а тебе уступает
Лишь потому, что боится тебя, твоей страсти не веря.
Ты ж, сознавая, пойдешь под ярмо и ярости мужа
Весь свой достаток отдашь, свою жизнь, свое тело и славу!
Цел ты ушел; поумнел, я надеюсь, и станешь беречься?
Нет, где бы снова дрожать, где бы вновь мог погибнуть ты ищешь.
О, четырежды раб! Какое ж чудовище станет,
Цепи порвавши, бежав, возвращаться обратно к ним сдуру?
«Я не блудник!» — возразишь ты. И я ведь не вор — прохожу я
Мимо серебряных ваз, а не трону. Но только из страха!
Сбрось лишь эту узду, и природа тотчас забунтует.
Ты господин мой, а раб и вещей и раб человеков
Больше, чем я, потому что с тебя и сам претор ударом
Четырехкратным жезла добровольной неволи не снимет!

К этому вот что прибавь, что не меньше внимания стоит:
Раб, подвластный рабу, за него исправляющий должность,—
Равный ему или нет? Так и я пред тобой! Ты мне тоже
Ведь приказанья даешь, а сам у других в услуженье,
Словно болванчик, которым другие за ниточку движут!
Кто же свободен? Мудрец, который владеет собою:
Тот, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы;
Кто не подвластен страстям, кто на почести смотрит
с презреньем;
Тот, кто довлеет себе; кто как шар, и круглый и гладкий,
Все отрясает с себя, что его ни коснется снаружи;
Тот, перед кем и Фортуна опустит бессильные руки:
С этим подобьем ты сходен ли? Нет! Попросит красотка
Пять талантов с тебя, да помучит, да двери захлопнет,
Да и холодной окатит водой, да снова приманит!
Вырвись попробуй из этих оков! «Я свободен!» — Ужели?
Нет! Над тобой есть такой господин, что, лишь чуть притомишься,
Колет тебя острием; а отстанешь, так он подгоняет!
Смотришь картины ты Павсия, к месту как будто прикован.
Что ж, ты умнее меня, коли я, на цыпочки ставши,
Пялю на стенку глаза, где намазаны красным и черным
Рутуба, Фульвий и Плацидеян в отчаянной битве?
Будто живые они: то удар нанесут, то отскочат!
Дав засмотрелся на них — ротозей он; а ты заглядишься —
Дело другое: ты тонкий ценитель художества древних!
Я на горячий наброшусь пирог — ты меня обругаешь;
Ну, а тебя от пиров спасает ли дух твой высокий?
Я понимаю, что мне обжорство гораздо опасней,—
Я ведь спиною плачусь! Но и ты дождешься расплаты
За разносолы твои, на которые тратишь ты деньги;
Горькой становится сласть, когда она входит в привычку,
И не стоит на неверных ногах недужное тело!
Раб твой, скребницу стянув, променяет на кисть винограда —
Он виноват; а кто земли свои продает в угожденье
Жадному брюху, тот раб или нет? Да прибавь, что ты дома
Часу не можешь пробыть сам с собой, а свободное время
Тратишь всегда в пустяках! Ты себя убегаешь и хочешь
Скуку в вине потопить или сном от забот позабыться,
Только напрасно! Они за тобой — и повсюду нагонят!

Гораций

Хоть бы мне камень попался какой!

Дав

На что?

Гораций

Хоть бы стрелы!

Дав

Что это с ним? Помешался он, что ль, иль стихи сочиняет?..

Гораций

Вон! А не то попадешь ты девятым в сабинское поле!

8

Гораций

Что? Хорош ли был ужин счастливчика Насидиена?
Я за тобою вчера посылал; но сказали, что с полдня
Там ты пируешь.

Фунданий

Ужин чудесный был! В жизнь мою, право,
Лучше не видывал я!

Гораций

Расскажи мне, ежели можно,
Что же прежде всего успокоило ваши желудки?

Фунданий

Вепрь луканийский при южном, но легком пойманный ветре –
Так нам хозяин сказал. Вокруг же на блюде лежали
Репа, редис и латук,— все, что позыв к еде возбуждает:
Сахарный корень, рассол и приправа из винного камня.
Только что снят был кабан; высоко подпоясанный малый
Стол из кленового дерева лоскутом пурпурным вытер,
А другой подобрал все отбросы, какие могли бы
Быть неприятны гостям. Потом, как афинская дева
Со святыней Цереры, вступил меднолицый гидаспец
С ношей цекубского; следом за ним грек явился с хиосским,
Чистым от влаги морской. Тут хозяин сказал Меценату:
«Есть и фалернское, есть и альбанское, если ты любишь»,

Гораций

Жалкое чванство богатства! Однако ж скажи мне, Фунданий,
Прежде всего: кто были с тобою тут прочие гости?

Фунданий

Верхним был я, Виск подле меня, а с нами же, ниже,
Помнится, Варий; потом, с Балатроном Сервилием рядом,
Был и Вибидий: обоих привез Меценат их с собою!
Меж Номентана и Порция был наконец сам хозяин;
Порций нас тем забавлял, что глотал пироги, не жевавши.
А Номентан был нарочно затем, чтоб указывать пальцем,
Что проглядят; ведь толпа — то есть мы, все прочие гости,—
Рыбу, и устриц, и птиц не совсем различала по вкусу:
Был этот вкус не такой, какой в них обычно бывает,
Что и открылось, когда он попотчевал нас потрохами
Ромба и камбалы; я таких не отведывал прежде!
Далее он объяснил нам, что яблоки, снятые с ветвей
В пору последней луны, бывают красны. А причину
Сам спроси у него. Тут Вибидий сказал Балатрону:
«Коль не напьемся мы в дым, мы, право, умрем без отмщенья!»
И спросили бокалов больших. Побледнел наш хозяин.
Ведь ничего не боялся он так, как гостей опьянелых:
Или затем, что в речах допускают излишнюю вольность,
Или что крепкие вина у лакомок вкус притупляют.
Вот Балатрон и Вибидий, за ними и мы, с их примера,
Льем вино — бутыли вверх дном! — в алифанские кружки!
Только на нижнем конце пощадили хозяина гости.
  Тут принесли нам мурену, длиною в огромное блюдо:
В соусе плавали раки вокруг. Хозяин сказал нам:
«Не метала еще! Как помечет, становится хуже!
Вот и подливка при ней, из венафрского сделана масла
Первой выжимки; взвар же — из сока рыб иберийских
С пятилетним вином, не заморским, однако, а здешним.
А уж в готовый отвар и хиосского можно подбавить,
Белого перцу подсыпать и уксуса капнуть, который
Выжат из гроздий Метимны одних и, чистый, заквашен.
Зелень дикой горчицы варить — я выдумал первый;
Но морского ежа кипятить непромытым — Куртилий
Первый открыл: здесь отвар вкусней, чем рассол из ракушек».

Только что кончил он речь, как вдруг балдахин над гостями
Рухнул на стол, между блюд, поднимая облаки пыли
Черной, какую в кампанских полях аквилон воздвигает.
Мы испугались, но, видя, что все бы могло быть и хуже,
Развеселились опять; один лишь хозяин, поникнув,
Плакал, как будто над сыном единственным, в детстве умершим!
Как знать, когда бы он кончил, когда б мудрецом Номентаном
Не был утешен он так: «О Фортуна! Кто из бессмертных
К смертным жесточе тебя! Ты рада играть человеком!»
Варий от смеха чуть мог удержаться, закрывшись салфеткой.
А Балатрон, всегдашний насмешник, воскликнул: «Таков уж
Жребий всех человеков; такая судьба их, что слава
Им за труды никогда не заплатит достойной наградой!
Сколько ты мучился, сколько забот перенес, беспокойства,
Чтобы меня угостить! Хлопотал, чтоб был хлеб без подгару,
Чтобы подливки приправлены были и в меру и вкусно,
Чтобы слуги прилично и чисто все были одеты;
Случай — и все ни во что! Вдруг, как насмех, обрушится сверху
Твой балдахин или конюх споткнется — и вдребезги блюдо!
Но на пиру, как в бою, в неудаче сильней, чем в удаче,
Истинный дар познается хозяина и полководца».
«О, да исполнят же боги тебе все желания сердца,
Муж добродетельный! Добрый товарищ!» — так с чувством воскликнул
Насидиен и обулся, чтоб выйти. А гости на ложах
Ну шептаться друг с другом, кивая с таинственным видом!

Гораций

Впрямь никакого бы зрелища так не хотелось мне видеть!
Ну, а чему же потом вы еще посмеялись?

Фунданий

Вибидий
Грустно служителям сделал вопрос: «Не разбиты ль кувшины?
Иначе что же бокалы гостей... стоят не налиты?»
Захохотал Балатрон, остальные — за ним; в это время
Снова вступает Насидиен, но с лицом просветленным,
Точно как будто искусством готов победить он Фортуну.
Следом за ним принесли журавля: на широком подносе
Розннят он был на куски и посыпан мукою и солью.

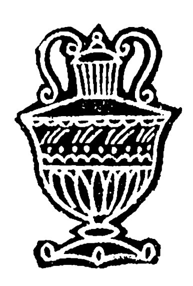
Подали печень от белого гуся, что фигами вскормлен,
Подали плечики зайца — они ведь вкуснее, чем ляжки.
Вскоре увидели мы и дроздов, подгорелых немножко,
И голубей без задков. Претонкие лакомства вкуса,
Если бы пира хозяин о каждом кушанье порознь
Нам не рассказывал все: и откуда оно и какое,—
Так что их и не ели, как будто, дохнувши на блюда,
Ведьма Канидия их заразила змеиным дыханьем!

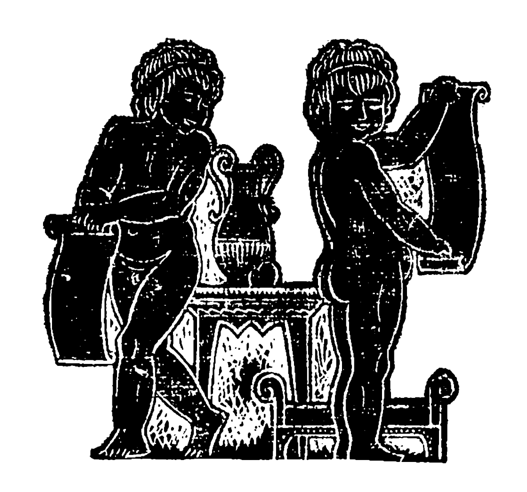

ПОСЛАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

К Меценату

Имя твое, Меценат, в моих первых стихах,— пусть оно же
Будет в последних! Свое отыграл я, мечом деревянным
Я награжден, ты же вновь меня гонишь на ту же арену.
Годы не те, и не те уже мысли! Веяний, доспехи
В храме Геракла прибив, скрывается ныне в деревне
С тем, чтоб народ не молить о пощаде у края арены.
Часто мне кто-то кричит в мои еще чуткие уши:
«Вовремя, если умен, ты коня выпрягай, что стареет,
Так чтоб к концу не отстал он, бока раздувая, всем насмех».
Вот почему и стихи, и другие забавы я бросил;
Истина в чем и добро, ищу я, лишь этим и занят;
Мысли сбираю и так их кладу, чтоб достать было близко.
Спросишь, пожалуй, кто мной руководит и школы какой я?
Я никому не давал присяги на верность ученью —
То я, отдавшись делам, служу гражданскому благу —

Доблести истинный страж, ее непреклонный приспешник;
То незаметно опять к наставленьям скачусь Аристиппа —
Вещи себе подчинить, а не им подчиняться стараюсь.
Долгою кажется ночь тому, кто обманут любимой,
Долог поденщику день, бесконечными кажутся годы
Детям, лишенным отца, материнской опекой томимым;
Так же лениво течет для меня безотрадное время,
То, что мешает моей мечте и решенью заняться
Всем, что будет равно беднякам и богатым полезно,
Чем нельзя без вреда пренебречь ни юным, ни старым.
Мне остается таких начал в утешенье держаться.
Пусть тебе и невмочь с дальнозорким тягаться Линкеем —
Все ж, гнойноглазый, тебе гнушаться не следует мази;
С необоримым пускай ты не чаешь Гликоном сравниться,—
Все ж не бросай охранять от хирагры себя узловатой.
Надо хоть сколько-нибудь пройти, коль нельзя уже дальше.
Жадностью если полна твоя грудь и скупостью низкой,
Есть заклинанья, слова, которыми можешь ослабить
Горе свое, и болезнь избыть хотя бы отчасти.
Если тебя честолюбье томит — есть верное средство:
С искренним сердцем прочесть заклинание нужно три раза.
Всякий: завистник, гневливый, лентяй, волокита, пьянчуга,
Как бы он ни был упорен,— смягчиться он все-таки может:
Пусть терпеливо лишь ухо приклонит он нравоученью.
Шаг к добродетели первый — стараться избегнуть порока,
К мудрости — глупость отбросить. Ты видишь, с каким напряженьем
Мысли и с риском каким для жизни бежишь ты от мнимых
Бедствий, коль ты небогат иль на выборах ты провалился.
Чтобы деньгу накопить, до Индии крайних пределов
Мчишься купцом, не ленясь, чрез огонь, через море, чрез скалы.
А почему бы тебе не поверить тому, кто умнее,
И не отвергнуть всего, к чему ты так глупо стремился?
Разве презрел бы борец, по распутьям и селам бродящий,
С игр олимпийских венок, коль была бы надежда, возможность
Пальму, столь сладостный дар, получить, не пылясь и не мучась?
Злато дороже сребра, но доблесть дороже и злата.
«Граждане, граждане, прежде всего деньгу наживайте:
Доблесть — дело десятое!» Так от края до края
Биржа гудит: урок сей твердят и младые и старцы,

«К левой подвесив руке пеналы и счетные доски».
Пусть ты умен, добронравен, оратор искусный и честен,—
Коль без шести иль семи ты четыреста тысяч имеешь,
Будешь плебей. А меж тем за игрою твердят мальчуганы:
«Будешь царем, коли правильно бьешь». Об этом и помни!
Чистую совесть храня, не бледней от сознанья проступков.
Росция ль лучше закон, ты скажи мне, иль детская песня,
Царство дающая тем, кто правильно делает дело,
Песня, что пелась не раз и Камиллам и Куриям в детстве?
Лучше ль советует тот, что твердит: «Наживайся честнее,
Если это возможно; а нет — наживайся, как можешь»,
Чтобы из первых рядов смотреть на слезливые драмы,—
Или же тот, что велит и тебе помогает свободно
Гордой Фортуне давать отпор, головы не склоняя?
Если бы римский народ спросил, почему не держусь я
Тех же суждений, что он, как и в портиках тех же прогулок,
Милого всем не ищу, ненавистного не избегаю,—
Я бы ответил ему, как когда-то лиса осторожно
Молвила хворому льву: «Следы вот меня устрашают:
Все они смотрят к тебе, ни один не повернут обратно».
Многоголовый ты зверь, и по разным ты бродишь дорогам:
Тешат одних откупа казенные, ходят другие,
Пряников, яблок набрав, за богатой вдовой на охоту
Иль за скупым стариком, чтоб в садок посадить их, поймавши;
Тайно у третьих растет от процентов богатство... Так пусть уж
Тянет одних к одному, а других к другому,— но разве
Могут они хоть час одного и того же держаться?
«Нет уголка на земле милей, чем прелестные Байи!» —
Скажет богач, и любовь господина спешащего чуют
Море и озеро там; но только лишь вздорная прихоть
Волю откроет свою: «Вы, каменщики, понесете
Завтра к Теану свои инструменты». Коль брачное ложе
В доме, твердит: «Ничего нет приятней, чем жизнь холостая»,
Если же нет: «Хорошо лишь женатый живет»,— он клянется.
Петлей какой удержать мне Протея, что лик свой меняет?
Ну, а бедняк? Меняет и он чердаки да кровати,
Бани, цирюльников; рвет его в лодке наемной от качки
Так же, как рвет богача, что на собственной едет триреме.
Если цирюльник плохой волоса неровно мне выстриг,
Ты ведь смеешься; торчит из-под чесаной верхней туники

Старой рубахи конец или тога неровно спадает,—
Тоже смеешься. А что, коли нет равновесья в рассудке:
Брезгует тем, что искал, что недавно отринул, вновь ищет.
Вечно кипит, расходясь со всеми порядками жизни,
Рушит иль строит; то вдруг заменяет квадратное круглым?
Это безумье совсем для тебя не смешно, а почтенно:
Ты не находишь, что врач мне нужен, а то попечитель,
Претором данный, хотя — о нуждах моих все радея —
Сердишься ты, если ноготь подрезан коряво у друга,
Друга, что предан тебе и свой взор на тебя устремляет.
Словом, мудрец — одного лишь Юпитера ниже: богат он,
Волен, в почете, красив, наконец он и царь над царями,
Он и здоров, как никто,— разве насморк противный пристанет.

2

К Лоллию

Лоллий, пока у певца ты Троянской войны выбираешь
В Риме стихи для речей, я его прочитал здесь, в Пренесте.
Чтó добродетель, порок, чтó полезно для нас или вредно —
Лучше об этом, ясней, чем Хрисипп или Крантор, он учит.
А почему это так,— послушай-ка, если свободен.
Повесть о том, как в войне многолетней столкнулись под Троей
Греки и варваров рать из-за страсти Париса, содержит
Много неистовых дел безрассудных царей и народов.
Вот Антенор пресечь причину войны предлагает;
Что же Парис? Говорит, что никто его не заставит
Мирно царить и счастливо жить. А Нестор хлопочет
Ссоре конец положить меж Ахиллом и сыном Атрея.
Первый горит от любви, и оба пылают от гнева.
Сходят владыки с ума, а спины трещат у ахейцев.
Яростный гнев, произвол, злодеянья, раздор, вероломство —
Много творится грехов и внутри и вне стен Илионских.
Силой, однако, какой обладают и доблесть и мудрость,
Учит нас тот же поэт на полезном примере Улисса:
Как, покорив Илион, прозорливо он грады и нравы
Многих людей изучил, и много невзгод он изведал
В море широком, пока возвращенье в отчизну готовил
Всей он дружине, и как не могла поглотить его бездна.
Знаешь ты песни Сирен и волшебные зелья Цирцеи;
Если бы — жадным глупцом — как товарищи, он их отведал,

Был бы под властью — позор! — блудницы и, мысли лишенный,
Жил бы нечистым он псом иль свиньею в грязи бы валялся.
Мы ведь ничто: рождены, чтоб кормиться плодами земными;
Мы — ветрогоны, мы все — женихи Пенелопы; подобны
Юношам мы Алкиноя, что заняты были не в меру
Холею кожи и, спать до полудня считая приличным,
Сон, что лениво к ним шел, навевали звоном кифары,
Чтоб человека зарезать, ведь до света встанет разбойник,—
Ты, чтоб себя уберечь, ужель не проснешься? Не хочешь
Бегать, пока ты здоров? Побежишь, заболевши водянкой.
До света требуй подать тебе книгу с лампадою; если
Ты не направишь свой ум к делам и стремленьям высоким,
Будешь терзаться без сна ты любви или зависти мукой.
Все, что тревожит твой глаз, устранить ты торопишься, если ж
Что-нибудь душу грызет, ты отложишь лечение на год.
Тот уж полдела свершил, кто начал: осмелься быть мудрым
И начинай! Ведь, кто жизнь упорядочить медлит, он точно
Тот крестьянин, что ждет, чтоб река протекла, а она-то
Катит и будет катить волну до скончания века.
Ищут денег, жену с приданым, «чтоб вывесть потомство»,
Ищут леса, чтобы их корчевать и вспахивать плугом!
Кто, сколько нужно, достал, ничего не желает пусть больше,
Ибо ни дом, ни земля, ни меди иль золота груды
Прочь лихорадку отвесть от больного владельца не могут
Или заботы прогнать: ведь нужно ему быть здоровым,
Если он думает тем, что собрал, наслаждаться разумно.
Если кто алчен и скуп, его радуют дом и богатство
Так, как картины — слепца; как подагрика радуют грелки,
Звуки кифары — больные от грязи скопившейся уши.
Если сосуд загрязнен, то все, что вольешь, закисает.
Всех наслаждений беги: цена наслажденья — страданье.
Жадный всегда ведь в нужде — так предел полагай вожделеньям.
Сохнет завистник, когда у другого он видит обилье;
Пытки другой не нашли сицилийские даже тираны
Хуже, чем зависть. Кто гнев обуздать не сумеет, тот будет
Каяться в том, что свершил по внушению чувства больного,
С карой крутой поспешив ради злобно пылающей мести.
Гнев есть безумье на миг — подчиняй же свой дух: не под властью —
Властвует сам он; его обуздай ты вожжами, цепями.

Учит наездник коня, пока шеей младой поддается,
Путь, как укажет ездок, держать; и щенком привыкает
Пес, чтобы службу начать в лесу... Итак, пока молод,
Чистым сердцем впивай слова и вверяйся мудрейшим.
Запах, который впитал еще новый сосуд, сохранится
Долгое время. И пусть ты отстанешь иль, рьяный, обгонишь,—
Тех, что медлят, не жду; за ушедшим вперед не гонюсь я.

3

К Флору

Юлий Флор, в каких ныне круга земного пределах
Августа пасынок Клавдий при войске? Узнать я хотел бы:
Край ли Фракийский, где Гебр ледяными оковами связан,
Тот ли пролив, что быстро течет между башен соседних,
Тучные ль Азии долы, холмы ль в отдаленье вас держат?
Хочется знать, что за труд замышляет когорта ученых:
Кто же из вас описать деяния Августа взялся?
Кто же векам передаст все войны и все замиренья?
Что с нашим Титием? Он на устах скоро будет всех римлян;
Он, не беднея, испил из источника Пиндара даже;
Он ручейков и озер, всем доступных, гнушаться дерзает.
Как он, здоров? Вспоминает ли нас? К латинским ли струнам
Тщится лады приспособить фиванские, Музы веленьем,
Или свирепо вопит, над искусством трагедии пыжась?
Чем занимается Цельс мой? Твердил и твердить ему буду —
Ищет пусть мыслей своих, избегает пусть трогать творенья
Те, что уже Аполлон Палатинский в хранилище принял:
Иначе, стаей слетясь, когда-нибудь птицы обратно
Встребуют перья свои, и вызовет смех лишь ворона,
Краденых красок лишась. А что же ты сам замышляешь?
Где, легкокрылый, ты мед с цветов собираешь? Не малый
Дар у тебя, не лишен обработки, без грубости пошлой;
Станешь ли ты изощрять свой язык для защиты, готовить
В деле гражданском ответ или складывать милую песню:

Премию первую — плющ победителя — ты получаешь.
Если б ты мог пренебречь леченьем тоски и заботы,
Тотчас пошел бы туда, куда мудрость небес повела бы.
Вот что нам нужно, и вот куда мы должны устремляться,
Если отчизне хотим мы и сами себе быть полезны.
Кстати, ты мне напиши о Мунации; столько ль заботы
Ты уделяешь ему, сколько нужно, иль — сшитая плохо —
Дружба не может срастись и снова расходится? Все же
Кровь ли горячая вас иль незнание жизни толкает,
Словно коней без узды,— в каких бы местах вы ни жили,
Братский союз расторгать вам отнюдь не пристало, и знайте:
Телка обетная к дню возвращенья обоих пасется.

4

К Альбию Тибуллу

Альбий, сатир моих ты — судья беспристрастный. Не знаю,
Что мне сказать о твоих занятьях на вилле Педанской?
Пишешь ли то, что вещиц даже Кассия Пармского лучше,
Иль молчаливо среди благодатных лесов ты блуждаешь,
Мысли направив на то, что добрых и мудрых достойно?
Не был ты телом без чувств никогда: красоту тебе боги
Дали, богатство тебе и умение им наслаждаться.
Больше чего ж пожелать дорогому питомцу могла бы
Мамка, коль здраво судить он, высказывать чувства умеет,
Если и славой богат, и друзьями, и добрым здоровьем,
Если в довольстве живет и всегда кошелек его полон?
Меж упований, забот, между страхов кругом и волнений
Думай про каждый ты день, что сияет тебе он последним;
Радостью снидет тот час, которого чаять не будешь.
Хочешь смеяться — взгляни на меня: Эпикурова стада
Я поросенок; блестит моя шкура холеная жиром.

5

К Манлию Торквату

Если ты гостем решишься возлечь на короткое ложе,
Если со скромного блюда вкушать не боишься ты зелень,
С солнца последним лучом ожидать я, Торкват, тебя стану.
Вина будешь ты пить, разлитые при консуле Тавре
Между Минтурнских болот и Петрином вблизи Синуессы.
Лучше коль есть у тебя, так пришли, или мне покоряйся.
Блещет давно очаг для тебя, и начищена утварь.
Брось пустые надежды и брось о богатстве заботы,
Брось даже Мосха процесс: ведь завтрашний праздник — рожденья
Цезаря — даст нам и вволю поспать, и, в приятной беседе
Бодрствуя, летнюю ночь провести без ущерба позволит.
Что мне Фортуны дары, если ими нельзя наслаждаться!
Тот, кто ради наследника скуп иль оглядчив, достоин
Зваться безумцем; так пить же начну я, цветы рассыпая:
Дела мне нет, что меня назовут безрассудным за это!
Выход чему не дает опьянение? Тайны раскроет,
Сбыться надеждам велит, даже труса толкает в сраженье,
Душу от гнета тревог избавляет и учит искусствам.
Полные кубки кого не делали красноречивым,
В бедности тесной кому от забот не давали свободу?
Хлопоты все на себя возложив, я с уменьем, с охотой
Буду следить, чтоб ковер нечистый иль грязная скатерть
Морщить не нудили нос, чтобы кружка и чашка, блистая,

Зеркалом были тебе; чтоб не втерся меж другом и другом
Гость такой, что слова за порог выносил бы; чтоб ровня
С ровней сидел; для тебя приглашу я Септиция, Бутру,
Также Сабина, коль не зван он раньше на пир и не занят
Девой, милее, чем мы; и для всяких незваных есть место.
Пахнут, однако, пиры, слишком тесные, духом козлиным,—
Сколько желаешь гостей, напиши и, дела все отбросив,
Скройся двором от клиента, что стражем стоит перед входом.

6

К Нумицию

Сделать, Нумиций, счастливым себя и таким оставаться
Средство, пожалуй, одно только есть: «Ничему не дивиться».
Люди такие ведь есть, что без всякого трепета в сердце
Могут на солнце взирать, на звезды, на неба вращенье.
Ну, а чем же должны для нас быть земные богатства,
Моря дары, что приносят доход арабу с индийцем,
Рукоплесканья толпы, благосклонная милость квиритов?
С чувством и взглядом каким к тому относиться должны мы?
Этот мечтает о счастье, другой лишь боится несчастья —
Оба теряют душевный покой: того и другого
Страх угнетает и все нежданное в ужас приводит.
В горе ли он или рад, опасается он или жаждет —
Разницы нет, коли он цепенеет душою и телом,
Что-то увидев чуть лучше иль хуже своих ожиданий.
Даже мудрец глупцом прослывет и правый — неправым,
Ежели он в самой добродетели в крайность вдается.
Ну же, дивуйся теперь серебру и мраморам древним,
Бронзе, каменьям, твореньям искусств и пурпуровым тканям;
Радуйся: ты говоришь — тебя тысяча глаз созерцает;
Рано на форум ходи и поздно домой возвращайся,
Только бы Муту с полей жены не собрать урожая
Больше, чем твой (то был бы позор: он ведь хуже породой!),
Лишь бы он зависть в тебе не вызвал раньше, чем ты в нем.
Что б ни таила земля, на свет все выведет время,

Что б ни блестело под солнцем, сокроет. Пускай и дорога
Аппия знает тебя, и зрит колоннада Агриппы,—
Все же придется идти, куда Нума и Анк удалились.
Острая если болезнь терзает твой бок или печень,
Средство ищи от нее. Хочешь счастливо жить (кто ж не хочет?),
К счастью же путь лишь один — добродетель: о ней и заботься,
Бросив утехи. Но если она — лишь слово без смысла,
Как и священная роща — дрова на корню, и не боле,—
То, конечно, беги к кораблям с азиатским товаром!
Надо тебе округлить тысчонку одну и другую,
Третья затем подойдет, а четвертая кучу закончит!
Даст ведь царица Деньга и с приданым жену, и доверье,
Даст и друзей, красоту, родовитость; ведь тот, кто имеет
Много монет, Убежденье того и Венера украсят.
Много рабов у царя каппадоков, да в деньгах нехватка;
Будь ты, смотри, не таков! Говорят, у Лукулла спросили
Как-то, не может ли сто он хламид предоставить для сцены.
«Где же я столько возьму? Но все ж поищу; что найдется,
Вышлю». Немного спустя он пишет — пять тысяч нашлося
В доме хламид у него: берите, сколько угодно!
Дом ведь ничтожен, коль нет в нем множества лишних предметов —
Тех, что, хозяина глаз избегая, ворам лишь полезны.
Если счастливым тебя может сделать одно лишь богатство,
Первым ищи ты его и его оставляй лишь последним.
Если же к счастью ведет положенье и милость народа,—
Купим раба, называть имена и толкать нас под левый
Бок, чтоб указывать нам, кому протянуть за прилавок
Руку: «Вот этот силен в трибе Фабия, это — в Велинской;
Ликторов этот дает, кому хочет; курульное кресло
Вырвет он, если сердит...» Обращайся же «батюшка», «братец»,
Каждого возраст учтя, к родне приобщай всех учтиво.
Если живет хорошо тот, кто ест хорошо, то идемте,
Чуть рассветает — удить, чуть захочется есть — на охоту,
Так, как Гаргилий когда-то: рабам спозаранку велел он
Сети, рогатины несть через форум, набитый народом;
Чтобы из мулов один тащил, пробираяся с рынка,
Вепря, что куплен был там. И, брюхо набив, будем мыться,
Думать забывши о том, что прилично, что нет, заслуживши
Черного списка, беспутным гребцам уподобясь Улисса,

Коим отчизны милей наслажденье запретное было.
Если ж, как судит Мимнерм, без любви и без шуток на свете
Радости нет никакой, то живи и в любви ты и в шутках.
Будь же здоров и прощай! Если знаешь ты что-нибудь лучше,
Честно со мной поделись; если нет, то воспользуйся этим.

7

К Меценату

Несколько дней лишь тебе обещал провести я в деревне.
Но обманул и заставил тебя прождать целый август.
Все ж, если хочешь, чтоб жил невредим я и в полном здоровье,
То — как больному давал — так, когда заболеть опасаюсь,
Дай, Меценат, мне еще отсрочку, пока посылают
Зной и незрелые фиги могильщику ликторов черных,
В страхе пока за ребят бледнеют отцы и мамаши,
Рвенье пока в служебных делах и в судебных делишках
Много болезней влекут, заставляют вскрывать завещанья...
После ж, как снегом зима опушит Альбанские горы,
К морю сойдет твой певец, укроется там и, поджавши
Ноги, он будет читать; а тебя, милый друг, навестит он,
Если позволишь, весной с зефирами, с ласточкой первой.
Ты меня сделал богатым не так, как хозяин калабрский,
Грушами гостя кормивший: «Бери, пожалуйста, кушай».
«Будет уж!» — «Нет, ты бери, сколько хочешь еще».— «Благодарствуй»,
«Малым ребятам еще прихвати на вкусный гостинчик».
«Много обязан и так; ухожу я, как будто навьючен».
«Ну, как угодно: свиньям, значит, это на корм ты оставишь...»
Мот и глупец раздает все то, чем он сам тяготится.
Неблагодарных рождал такой сев и рождать будет вечно.
Добрый и мудрый готов, говорит, помогать всем достойным,
Но между деньгами он и бобами различие знает.

Верь, докажу, что достоин и я услуг Мецената!
Если ж ты мне не велишь никуда отлучаться, то должен
Крепкое тело вернуть мне, и черные кудри над узким
Лбом, и приятную речь, и пленительный смех, и способность
Плакать за чашей вина, что Кинара-капризница скрылась.
Как-то чрез узкую щель прокралась худая лисичка
В закром с зерном, но затем, когда досыта там уж наелась,
С полным брюхом назад пыталась выйти бесплодно.
Издали ласка сказала ей: «Вылезть отсюда коль хочешь,
Тощей должна выходить ты из щелки, как тощей входила».
Если меня эта басня заденет,— я все возвращаю:
Жирною птицею сыт, я сна бедняков не прославлю,
Но и свободный досуг не сменю на богатства арабов.
Скромность мою хвалил ты не раз: и царем и отцом ведь
Звал я тебя как в глаза, так нисколько не ниже заочно.
Так неужель не верну тебе с радостным сердцем подарки?
Право, не худо сказал Телемах, сын страдальца Улисса:
«Местность Итаки совсем для коней неудобна, на ней ведь
Нет ни обширных равнин, ни лугов, что обильны травою;
Дар твой оставлю тебе я, Атрид,— он тебе и пригодней».
Малое малым к лицу: не царственный Рим ведь, а Тибур
Манит спокойный меня или город Тарент безмятежный.
Дельный и стойкий Филипп, ведением тяжб знаменитый,
В третьем часу пополудни, окончив дела, направлялся
К дому,— в преклонных летах уже был он,— ропща, что Карины
Слишком далеки от форума. Вдруг, говорят, он приметил —
Кто-то, подстрижен, сидит в пустой от народа цирюльне,
Ножичком ногти себе в тени, не спеша, вычищая.
Вот говорит он слуге (а тот навострил уже уши):
«Слушай, Деметрий, пойди, расспроси, доложи: из какого
Дома он, кто, как богат, как отца его звать иль патрона?»
Раб идет и назад: «Вольтеем зовут его Меной;
Служит глашатаем, ценз невелик, безупречен; известен
Тем, что умеет спешить иль помедлить в свой час, заработать,
Также прожить; рад друзьям небогатым и скудному дому,
Зрелищам рад, а дела все прикончив — и Марсову полю».
«Хочется мне самого расспросить обо всем, что доносишь;
Пусть он к обеду придет...» Не верит ушам своим Мена,
Диву дается, молчит... Что долго тут думать? — «Куда мне!»
Он отвечает.— «Чтоб мне отказал он!» — «Негодник не хочет:

Знать, презирает тебя иль боится...» Филипп спозаранку
Ловит Вольтея, когда продает он людишкам, одетым
В туники, ветошь. Филипп сам приветствует первый. Приносит
Тот извиненья: дела, мол, занятья по службе сковали,
Не дали утром прийти с приветом; его наконец он
Издали здесь не узнал. «Я прощу тебя, только с условьем,
Если сегодня со мной пообедаешь».— «Что ж, как угодно».
«Значит, придешь после трех; а теперь ступай, наживайся».
Все за столом: наболтал он, что надо, и то, что не надо;
Шлют его спать наконец. И стал этот Мена частенько
Бегать, как рыба на скрытый крючок: сперва он клиентом
Утром пораньше, потом сотрапезником верным; велят уж
За город спутником быть ему в праздник Латинский, на дачу.
Вот он гарцует верхом, сабинские пашни и воздух
Хвалит без устали он. А Филипп глядит и смеется:
Он ведь того и искал, чем развлечься, над чем посмеяться.
Дал он Вольтею семь тысяч в подарок да семь без процентов
В долг обещал, и его убеждает купить себе поле.
Тот и купил — но зачем вниманье твое утомлять мне
Повестью длинной? Так вот: прежде чистенький,
стал мужиком он.
Все он о лозах ворчит, бороздах и готовит уж вязы;
Чуть не умрет от работы, от алчности старясь до срока.
Все ж, как украли овец, от болезни попадали козы,
Сбор все мечты обманул, и за пахотой вол уморился,—
В горе от всех неудач, хватает он в полночь кобылу,
Держит, разгневавшись, путь он прямо к хоромам Филиппа.
Только увидел Филипп его грязным, нечесаным,— молвит:
«Вижу, Вольтей мой, жесток ты к себе и не в меру усерден».
«Нет,— отвечает Вольтей,— назвать меня надо несчастным,
Если ты хочешь найти для меня подходящее имя.
Гением, правой рукою твоей, Пенатами всеми
Я заклинаю тебя: верни меня к жизни ты прежней!»
Кто только раз хоть заметил, сколь то, что покинул он, лучше
Нового, что он искал,— пусть скорее вернется к былому.
Меркой своею себя измеряй и своими шагами,

8

К Цельсу Альбиновану

Цельсу ты Альбиновану, писцу в провожатых Нерона,
Муза, прошу, мой привет передай с пожеланьем успеха.
Спросит он, как я живу,— ты скажи, что хорошего много
Я обещал, но живу кое-как и не сладко. Причина
Вовсе не в том, что побило лозу, что засохла олива
Иль что болеет мой скот на лугах, от меня отдаленных.
Вот в чем беда: хоть душа у меня слабее, чем тело,
Все не хочу я узнать и понять, что пойдет ей на пользу.
С верными ссорюсь врачами, всегда на друзей раздражаюсь,
Если стремятся меня излечить от губительной спячки.
Вредного все я ищу; избегаю того, что полезно.
В Риме я Тибура жажду, а в Тибуре — ветреник — Рима.
Как поживает, его расспроси, как справляется с делом,
Как себя держит и как он с Тиберием ладит, с когортой?
Скажет коль он: «Хорошо»,— то сейчас же ты вырази радость.
Но не забудь ему вот что шепнуть на ушко потихоньку:
«Если ты в счастье таков же, как был, то и мы таковы же».

9

К Тиберию Клавдию Нерону

Друг мой Септимий один, без сомнения, понял, насколько
Ты меня ценишь, Нерон, ибо он меня просит и молит
Все об одном: чтоб тебе указать на него с похвалою,
Как на достойного быть в числе приближенных Нерона.
Если он верит, что я облечен правом близкого друга,
Значит, он лучше меня, что могу я, и видит и знает.
Многое я говорил, чтоб его не обидеть отказом,
Но убоялся, не счел бы, что я притворяюсь слабейшим,
Силу тая от него, о своей только думая пользе.
И потому, чтобы мне не раскаяться в худшей обиде,
В ход я решился пустить мою деликатную дерзость,
Ежели ты не сердит, что для друга я стыд забываю,
В круг свой его ты введи и признай его храбрость и честность.

10

К Аристию Фуску

Фуску, любителю Рима, привет с пожеланьем здоровья
Шлю я — любитель села; в одном лишь этом с тобою
Сильно расходимся мы, в остальном же почти близнецы мы,
Братья душой; как один, так другой отвергаем и хвалим
Оба одно мы, кивая друг другу, как голуби, сжившись.
Ты гнездо сторожишь, восхваляю я прелесть деревни:
Скалы, обросшие мохом вокруг, и ручьи, и дубравы.
Что же еще? Я царем себя чувствую, только покину
То, что возносите вы до небес при сочувствии общем.
Точно бежав от жреца, отвергаю я сдобные хлебы,
Хлеб простой для меня ведь лучше медовых лепешек.
Если нам следует жить, согласуя желанья с природой,
Если, чтоб выстроить дом, нам нужен удобный участок,
Знаешь ли место еще ты, пригодней деревни блаженной?
Где есть зимы теплей? Где ветер приятней смягчает
Ярость созвездия Пса и Льва разъяренного скоки,
Только начнут уязвлять его солнца палящие стрелы?
Где прерываются сны заботой завистливой реже?
Пахнет трава иль блестит хуже камешков, что ли, ливийских?
Разве вода, что рвется прорвать свинцовые трубы,
Чище воды, что в ручьях торопливо сбегает с журчаньем?
Часто деревья растят среди пестрых колонн, восхваляют
Дом, пред которым полей простор открывается взору:
Вилой природу гони, она все равно возвратится,
Тайно прорвавшись, она победит пресыщенье больное.

Кто отличить, как знаток, не умеет от пурпурной ткани
Шерсть, что впитала из мха аквинского краску, не больший
Тот потерпит ущерб, не сильнее он мучиться будет,
Нежели тот, кто лжи отличить не умеет от правды.
Тот, кого счастье всегда баловало чрезмерно, невзгодой
Будет сильней потрясен. Неохотно, конечно, оставишь
То, что ты слишком ценил. Избегай же богатства: под бедной
Кровлею лучше нам жить, чем царям и царским любимцам.
Более сильный в бою, олень прогонял постоянно
С общего луга коня; после долгой борьбы утомленный,
Конь человека помочь умолил — и узду получил он.
После ж того, как, врага победив, он ушел горделиво,
Сбросить с хребта седока и узды изо рта уж не мог он.
Так, устрашась нищеты, человек теряет свободу —
То, что дороже богатств,— и везет на себе господина,
В рабстве томясь потому, что доволен быть малым не может.
Если не впору кому достаток его, то — как обувь
Не по ноге — или жмет, или заставит его спотыкаться.
Жребьем довольный своим, будешь жить ты разумно, Аристий;
Да и меня не оставь безнаказанным, если заметишь —
Больше, чем нужно, коплю и отстать от того не могу я.
Деньги бывают царем иль рабом для того, кто скопил их,
Им не тащить ведь канат, а тащиться за ним подобает.
Это письмо диктовал у развалин я храма Вакуны,
Всем — исключая того, что ты не со мною,— довольный.

11

К Буллатию

Как показались тебе, Буллатий мой, Хиос, и славный
Лесбос, и Самос-краса, и Сарды, Креза столица,
Смирна и как Колофон? Достойны иль нет своей славы?
Или невзрачны они перед Тибром и Марсовым полем?
Или милее тебе какой-нибудь город Аттала?
Или, устав от морей и дорог, восхваляешь ты Лебед?
С Лебедом ты не знаком? Местечко, пустыннее Габий
Или Фиден; но я там тем не менее жил бы охотно,
Всех позабывши своих и ими равно позабытый,
С берега глядя на то, как Нептун над волнами ярится.
Но ведь проезжий из Капуи в Рим, хоть и вымок под ливнем,
Хоть и в грязи до колен, не захочет всегда жить в харчевне;
Тот, кто прозяб до костей, ведь не станет ни бани, ни печи
Так восхвалять, будто ими-то жизнь и бывает счастливой;
И оттого, что тебя потрепала бы на море буря,
Ты бы не стал продавать свой корабль, на чужбине оставшись.
Нет, для того, кто здоров, красота Митилен и Родоса —
То же, что плащ в знойный день, набедренник — в снежную бурю,
В Тибре купанье — зимой или в августе — жаркая печка.
Так-то, покуда на нас благосклонно взирает Фортуна,
Самос, и Хиос, и Лесбос хвалить предпочту я заочно.
Счастие, в час бы какой ни послал тебе бог благосклонный,
Ты благодарно прими, не откладывай радости на год,
Чтобы повсюду ты мог сознаться: «Я жил, наслаждаясь».

Если заботы от нас отгоняет не местность с открытым
Видом на моря простор, а лишь разум и мудрость, то ясно:
Только ведь небо меняет, не душу — кто за море едет.
Праздная нас суета томит: на судах, на четверках
Мчимся за счастием мы,— между тем оно здесь, под рукою:
Даже в Улубрах — лишь дух бы спокойный тебя не покинул.

12

К Икцию

Если Агриппы плоды, что сбираешь в Сицилии, Икций,
Будешь разумно вкушать, наградить еще бо́льшим обильем
Вряд ли Юпитер тебя даже сможет. Так жалобы брось ты:
Тот ведь не беден еще, у кого пропитанья хватает.
Если желудок, и бок твой, и ноги здоровы,— не смогут
Даже богатства царя придать тебе что-нибудь больше.
Если же ты средь множества яств травой да крапивой
Можешь питаться, то сможешь и впредь так питаться, хотя бы
Густо ты был позлащен в блестящем потоке Фортуны:
Иль потому, что деньгам невмочь переделать природу,
Иль потому, что выше всего для тебя добродетель.
Диво ль, что скот объедал на полях Демокрита колосья,
В небе покуда парил он душой, отрешенной от тела?
Так же и ты,— среди этой зудящей заразы наживы,
В низком не мудрый ничуть,— размышляешь всегда о высоком:
Что укрощает моря, что год разделяет на части,
Сами ли звезды идут иль блуждают по чьим-то веленьям,
Что затемняет луну и снова ее открывает,
Сила и цель какова любви и раздора в природе,
Кто — Эмпедокл или наш остроумный Стертиний — безумен?
Все же, пускай ты жуешь хоть лук, иль порей, или рыбу,
С Гросфом Помпеем сойдись и желаньям его не противься:
Гросф не попросит того, что нелепо и что незаконно.
Дружба его за услугу твою — отличная плата.

Должен, однако, ты знать, какие новости в Риме:
Пал пред Агриппой кантабр, пред Нероном Армения пала,
Римскую доблесть узнав; Фраат, преклонивши колени,
Цезаря власть над собою признал; золотого Обилья
Рог в эту осень плоды на Италию щедро рассыпал.

13

К Винию Азине

Как я не раз уж тебя наставлял пред твоим отправленьем,
Августу, Виний, вручить за печатями должен ты свитки,
Если он весел, здоров и если он сам их попросит.
Ты из усердья смотри не сдури, чтоб досаду на книжки
Ты не навлек бы, пристав, как неистово рьяный служитель.
Если же в тягость тебе посылка с моими стихами,
Лучше отбрось ее прочь, чем там, куда ты прибудешь,
Вьюком людей задевать, Ослицы прозвание насмех
Людям отдав и себя всего города баснею сделав.
Силы свои напряги на холмах, на реках и на лужах.
Трудности все одолев, лишь только туда доберешься,
Ношу ты бережно так держи, чтобы книг моих связки
Ты не под мышкою нес, как носит крестьянин ягненка,
Краденой шерсти клубок носит Пиррия, пьяная вечно,
Шляпу и обувь — бедняк, к столу приглашенный из трибы.
Всем вокруг не болтай о том, как, вспотевши, тащил ты
Песни, что могут привлечь, пожалуй, и очи и уши
Цезаря. Сколько б тебя ни просили, вперед продвигайся.
Шествуй, здоров будь, смотри не споткнись, не испорти посылку.

14

К старосте

Староста рощ и полей, где я вновь становлюся собою,
Ты же скучаешь, хоть есть целых пять очагов там семейных,
Пять хозяев-отцов, и в Варию все они ездят!
Спорить давай, кто скорей: сорняки из души я исторгну,
Или же ты — из полей; и кто чище: Гораций иль поле.
В Риме держит меня привязанность к Ламии — полный
Скорби о брате своем, безутешно он плачет о мертвом;
Но неизменно в село стремятся и чувства и мысли,
Рвутся они на простор, сокрушая любые преграды,
Я говорю: «Блажен селянин», ты: «Блажен горожанин».
Жребий чужой кому мил, тому свой ненавистен, конечно.
Оба неправо виним мы — глупцы — неповинное место:
Нет, виновата душа,— никогда от себя не уйти ей.
В Риме, слугою, просил о деревне ты в тайной молитве,
Старостой стал — и мечтаешь о Городе, зрелищах, банях.
Я же, верный себе, отъезжаю отсюда с печалью
В Рим всякий раз, как дела, ненавистные мне, меня тащат.
Разное радует нас, и вот в чем с тобой мы не сходны:
То, что безлюдною ты, неприветной пустыней считаешь,
Я и подобные мне отрадой зовут, ненавидя
Все, что прекрасным ты мнишь. Для тебя привлекательны в Риме
Сытный трактир и вертеп; и сердишься ты, что наш угол
Перец и ладан скорей принесет нам, чем гроздь винограда;
Нет и харчевни вблизи, что тебе бы вино доставляла,

Нет и блудницы, чтоб мог ты скакать под звук ее флейты,
Землю топча тяжело; да при всем этом ты еще пашешь
Поле, что очень давно не видало кирки; за быком ты
Ходишь и кормишь его листвою, состриженной с веток;
Дела лентяю придаст и ручей, когда ливень прольется:
Трудно поток отвести от лугов, озаряемых солнцем.
Вот и послушай теперь, чем я от тебя отличаюсь.
Прежде мне были к лицу и тонкие тоги, и кудри
С лоском, и хищной Кинаре я нравиться мог без подарков;
Пил я с полудня уже прозрачную влагу Фалерна.
Ныне же скромно я ем и сплю на траве у потока;
Стыдно не прежних забав, а того, что забав я не бросил.
Здесь же не станет никто урезать мою радость завистным
Глазом иль в злобе слепой отравлять, уязвляя речами:
Людям только смешно смотреть, как я двигаю глыбы.
Ты предпочел бы глодать паек с городскими рабами,
Рвешься, мечтая попасть в их число. Но завидует хитрый
Конюх тебе: сколько дров, овощей и скота ты имеешь!
Бык себе просит седла, а ленивый скакун просит плуга;
Мой же обоим совет — делай каждый охотно, что можешь.

15

К Нумонию Вале

В Велии, Вала, зима какова, что за климат в Салерне,
Что там за люди живут и какая дорога? (Ведь Байи
Муза Антоний признал для меня бесполезными; все же
Там я уже ненавистен за то, что купался я в море
В самую стужу. В тоске горожане, что нынче забыты
Байские заросли мирт, и серные ванны, что выгнать
Могут недуг застарелый: здесь всех ненавидят, кто смеет
Голову или живот подставлять под источник Клузийский,
Тех, кто стремится к ключам Габийским и к весям прохладным.
Должен я место менять и мимо подворий знакомых
Гнать свою лошадь. «Куда ты воротишь? Не в Кумы держу я
Путь и не в Байи!» — сердясь, тогда скажет наездник и левым
Поводом дернет: узда заменяет ведь лошади ухо.)
Хлебный запас в котором из двух городов побогаче?
Там дождевую ли пьют, ключевую ль из вечных колодцев
Воду берут? (О вине тех краев ничего не пиши мне.
Здесь я в деревне своей терпеть могу все, что угодно;
Если ж у моря живу, то ищу и вина я получше,
Чтобы заботы оно разгоняло, надежды вливало
В жилы и в душу мою, слова на язык подавало,
Так чтоб предстал молодцом я пред девой любезной луканской.)
Больше какая округа плодит кабанов или зайцев?
Больше в каких там водах эхины иль рыбы таятся,
Чтоб возвратиться домой феакийцем я мог зажиревшим?
Должен ты все отписать мне, а я — тебе полностью верить.

Мений, когда он отца и матери средства истратил
Храбро дотла, балагуром столичным начал считаться:
Шут бродячий — не мог он держаться одних только яслей;
Он натощак меж врагом и другом не делал различья;
Мастер лихой сочинить клевету на любого любую,
Пагуба он, ураган и прорва для рынка съестного;
Все, что сыскать удалось, предавал ненасытному брюху.
Если ж у тех, кто питал уваженье иль страх к негодяю,
Он ничего не урвет или мало,— дешевые кучей
Жрал он рубцы и ягнят, сколько трем бы медведям хватило —
Видно, чтоб мог он сказать (как строгий наш Бестий), что нужно
Брюхо обжор клеймить каленым железом. И он же,
Если напал на добычу побольше, то, все обративши
В дым и золу, говорил: «Для меня ведь не диво, клянусь я,
Те, кто съедают добро, ибо нет ничего во всем мире
Жирного лучше дрозда и прекрасней, чем матка свиная...»
Право, таков же и я: если средств у меня не хватает,
Бедной я жизни покой хвалю, среди скудости твердый;
Если же лучше, жирней мне кусок попадает, то я же
«Мудры лишь вы,— говорю,— и живете, как следует, только
Вы, что всем напоказ свои деньги пустили на виллы».

16

К Квинтию

Квинтий, добрейший, чтоб ты не спрашивал, чем же именье
Кормит владельца, меня — поля богатят иль оливки,
Яблоки или луга, иль обвитые лозами вязы —
Я положенье и вид тебе опишу поподробней.
Горы сплошные почти — их долина тенистая делит,
Так что солнце, всходя, правый склон озаряет, а левый
Кроет пылающей мглой, в колеснице бегущей спускаясь.
Климат одобрил бы ты! А что, коль терновник и вишня
Ягод румяных дадут торовато, дубы же и вязы
Тешить обильем плодов будут скот, а хозяина — тенью?
Скажешь, что это Тарент, приближенный сюда, зеленеет!
Есть и ручей, что — реке дать имя достойный — струится,
Хладный и чистый; ничуть не уступит фракийскому Гебру:
Он для больной головы полезен, равно — для желудка...
Милый такой уголок и, если мне веришь, прелестный,
Здравым меня в сентябре представит тебе, невредимым.
Правильно ты ведь живешь, если быть, чем прослыл, ты стремишься.
Жители Рима — давно мы тебя величаем счастливым;
Все ж, не поверил бы больше другим, чем себе ты, боюсь я;
Как бы того, кто не мудр и не добр, не счел ты счастливым;
Если народ говорит про тебя, что здоров и силен ты,
Как бы в угоду ему ты не стал притворяться, скрывая,
Скажем, желанье поесть, и сжимая дрожащие пальцы.

Ложный стыд у глупцов лишь прячет душевные язвы!
Если б тебе приписал кто-нибудь на земле и на море
Битвы и речью такою ласкал тебе праздные уши:
«Больше ль желает народ тебе счастья иль сам ты народу,
Пусть без решенья вопрос оставит Юпитер, хранящий
Град и тебя» — ты бы знал: не тебя, а Августа славят.
Если позволишь к тебе обратиться «мудрец безупречный!»,
То неужели, скажи, в ответ ты с готовностью молвишь:
«Рады, конечно, с тобой называться мы добрым и мудрым»?
Нет: кто сегодня нам дал это званье, тот завтра отнимет.
Как, предоставив почет недостойным, он сам отнимает.
«Сдай, то мое»,— говорит; сдаю я и в тень отступаю.
Ну, а если начнут кричать, что я вор и развратник,
Иль утверждать, что петлей задушил я отца, неужели
Стану, в лице изменясь, я лживым укором терзаться?
Ложною почестью горд и ложных наветов страшится
Кто, кроме лживых людей и больных? Добродетелен кто же?
«Тот, кто решенья отцов, законы, права охраняет,
Кто справедливым судом вершит бесконечные тяжбы,
Чьею порукой и чьим показаньем решается дело».
Видит, однако, вокруг каждый дом, вся округа то знает —
Гадок внутри он и только лишь шкурой блестящей пригляден!
Если мне раб говорит: «Ничего не украл я, не беглый»,
Я отвечаю: «За то и награда — не жгут тебя плети».
«Я никого не убил».— «Так ворон на кресте ты не кормишь».
«Честный труженик я». А сабинский помещик не верит.
Ям опасается волк-хитрец, подозрительных петель —
Ястреб; боится крючка прикрытого хищная птица.
Доблестный муж не грешит из любви к добродетели только!
Ты ж не грешишь потому, что боишься заслуженной кары;
Будь же надежда то скрыть, ты святое смешаешь с запретным,
Если крадешь ты бобов из тысячи мерок одну лишь,
Легче — ты знай — не твой грех, но убыток, что мне причиняешь.
Честный сей муж, на кого и весь форум, и суд весь дивится
Всякий раз, как богам поросенка, быка ли приносит,
Громко: «О Янус-отец, Аполлон!» — восклицает, а после
Губы шевелит, боясь быть услышан: «Благая Лаверна,
Дай обмануть мне, но дай казаться святым, непорочным;
Мраком ночным все грехи, обманы же тучей прикрой ты».

Чем же свободней раба или лучше припавший к дороге
Скряга, который гроши, оброненные в пыль, поднимает,
Право, не вижу я: кто будет жаден, тот будет бояться;
Кто же под страхом живет, тот не может, по мне, быть свободным.
Бросил оружие тот и доблести поприще кинул,
Кто достоянье свое умножает, и этим подавлен.
Впрочем (коль пленных можно продать, то к чему убивать их?),
Пользу приносит и раб: пусть пасет или пашет он в поле;
Пусть среди волн, купцом разъезжая, проводит он зиму;
Цены снижает пускай, подвозя съестные припасы.
Мудрый же, доблестный муж говорить не страшится:
«Правитель
Фив, о Пенфей! Что меня ты ужасное хочешь заставить
Несть и терпеть?» — «Отниму все добро».— «Значит, скот мой
и деньги,
Ложа и все серебро? Так бери же!» — «Я буду под строгой
Стражей тебя содержать, и руки и ноги сковавши».
«Лишь захочу — меня бог сам избавит от уз!..» Полагаю,
Думает он: «Я умру». Ибо смерть есть предел всех страданий.

17

К Сцеве

Сцева, хоть сам ты себе и хороший советник, и знаешь,
Как обходиться с людьми, стоящими выше, простыми,—
Выслушай мненье дружка, который в советники лезет,
Словно слепой — в вожаки; ты, однако, обдумай, быть может,
Выскажу что-нибудь я, что и ты пожелаешь усвоить.
Если отрадный покой ты и сон до позднего часа
Любишь, а города пыль, грохотанье колес и трактиры
Ты ненавидишь, совет мой тебе — в Ферентин перебраться;
Радости ведь не одним богачам лишь в удел достаются,
Прожил не худо и тот, кто безвестным родился и умер.
Если же ближним помочь и себя угостить ты желаешь,
Это — дело другое: ступай, голодный, к богатым.
«Если бы зелень в обед Аристипп мог терпеть, он не стал бы
Знаться с царями».— «А если бы тот, кто меня укоряет,
Знаться с царями умел, ему б зелень претила». Какое
Мненье вернее, ты можешь сказать? Если нет, то послушай,
Чем предпочтительней мысль Аристиппова. Он отразил ведь
Киника едкий упрек такой, по преданью, насмешкой:
«Я — для себя только шут, а ты — для толпы, и достойней
Доля моя. Чтобы конь меня вез и цари бы кормили,
Службу несу я; а ты униженно просишь о всякой
Дряни, хоть делаешь вид, что ни в ком не нуждаешься будто».
Шло к Аристиппу любое житье, положенье и дело:
Лучшего всюду ища, он доволен был тем, что имеет,

Вряд ли принял бы так житейской стези перемену
Тот, кто двойным плащом закутал свое воздержанье.
Этот пурпурных одежд для себя дожидаться не станет,
Он, что попало надев, пойдет по местам многолюдным,
Роль богача, бедняка равно проведет, не сбиваясь.
Ну, а другой побежит от тканой милетской хламиды,
Как от змеи иль собаки: скорее от стужи умрет он,
Если плаща не вернешь. Так верни,— пусть живет он, потешный!
Подвиг свершать иль врагов показывать гражданам пленных —
К трону Юпитера то уже близко, до неба доходит:
Но не последняя честь и знатным понравиться людям.
Людям, однако, не всем удается достигнуть Коринфа.
Сел, кто боялся того, что ему не дойти; пусть сидит он.
Что же? А тот, кто достиг, как муж поступил он? Конечно,
То, чего ищем мы,— здесь иль нигде. Ибо тот устрашился
Ноши, что слабой душе непосильна и слабому телу:
Этот же взял и несет. Или доблесть — пустое лишь слово,
Или решительный муж вправе славы искать и награды.
Те, кто молчать пред царем о бедности могут, получат
Больше, чем тот, кто просил; есть разница — взял ты стыдливо
Или схватил: ибо в том твоих действий и цель и источник.
«Бедная мать у меня и сестра-бесприданница также;
Мне ни продать невозможно именья, ни им прокормиться».
Кто говорит так, кричит: «Дайте пищи!»; другой подпевает:
«Дайте и мне!» Пополам подающий разделит краюху.
Ворон, однако, коль мог бы он молча питаться, имел бы
Больше добычи, а драк и зависти меньше гораздо.
Тот, кто богатых друзей провожает в Суррент иль Брундизий,
Плачется им и на дождь, на стужу, на тряские кочки,
Плачет, что взломан сундук и украли дорожные деньги;
Но повторяет блудниц он уловки известные: часто
Плачут они — мол, украли цепочку, запястье; но вскоре
Веры им нет никакой, хоть и впрямь бы случилась пропажа:
Кто на распутье осмеян был раз — шутника не поднимет,
Ногу хотя б тот сломал и в слезах умолял бы прохожих
Помощь подать и святым Озирисом клялся, взывая:
«Верьте, жестокие, мне — я не лгу; поднимите хромого!»
«Нет, поищи чужака!» — проворчат, откликаясь, соседи.

18

К Лоллию

Если я знаю тебя хорошо, благороднейший Лоллий,
Ты ни пред кем не станешь шутом, обещавши быть другом.
Как обхожденье и вид у матроны с блудницей различны,
Так отличаться и друг от шута вероломного будет.
Только не лучше такого порока порок и обратный:
Это — мужицкая грубость, несносная с нею нескладность;
Знаки ее — нечесаный волос да черные зубы;
Зваться свободой она и доблестью истинной хочет.
Доблесть в средине лежит меж пороков равно удаленных!
Склонен чрезмерно один к послушанию; с нижнего ложа,
Словно как шут, он боится случайного взгляда патрона,
Вторит сужденьям его и слова оброненные ловит,
Будто урок отвечает учителю строгому мальчик
Иль комедийный актер играет подсобные роли.
Ну, а другой — о любом пустяке принимается спорить
Чуть не с оружьем в руках: «Как? Кто-то мне смеет не верить?
Верят не мне, а другим? А я чтоб молчал и не спорил?
Нет, никогда! Хотя бы две жизни мне дали в награду!»
Ну, а спор-то о чем? «Кто искуснее, Кастор иль Долих?»,
«Как до Брундизия ехать, короткой иль длинной дорогой?»
Кто от затрат на любовь обнищал, кто от пагубной кости,
Щеголем кто выше средств одевается, мажется нардом,
Жаждою кто одержим серебра ненасытной, а также
Бедности кто избегает, стыдится,— того друг богатый,

Пусть хоть десятком пороков он сам одарен, ненавидит
Или же (ежели добр), опекает, как матерь родная,
Так, чтоб умней он его был и доблестью превосходил бы,
Правду почти говоря: «Не тянись ты за мной — мои средства
Глупость выносят мою, состоянье ж твое маловато:
Узкая тога прилична клиенту разумному — брось же
Спорить со мной». Евтрапел, кому вред принести он захочет,
Тем дорогие дарил одеянья: «Счастливец ведь примет
С кучею туник прекрасных и новые планы, надежды;
Будет он спать до полудня, забросит честную службу
Ради блудниц, понакопит долгов, гладиатором станет
Или же клячу гонять огородника будет по найму».
  В тайнах патрона, смотри, никогда не пытайся ты шарить,
Все, что он вверил, таи, хоть терзает вино или злоба.
Собственных склонностей сам не хвали и его не порочь ты.
Хочет охотиться он — ты стихов не кропай в это время.
Братьев ведь так близнецов — Амфиона и Зета — распалась
Дружба, пока наконец ненавистная строгому Зету
Лира не смолкла. И как Амфион уступил, по преданью,
Прихоти брата,— и ты уступай повелениям мягким
Сильного друга. Когда, этолийские сети и колья
На спину мулам взвалив, с собаками в поле идет он,
Встать не ленись, отгони неприветной Камены угрюмость,
С ним чтобы вместе поесть трудами добытое мясо.
Дело то римским мужам привычно, полезно для славы,
Жизни, для силы твоей, тем боле — здоров ты вполне ведь:
В беге и пса превзойти, а в силе и вепря ты мог бы.
Далее, нет никого, кто б с оружием мужа справлялся
Лучше тебя; знаешь сам, какими криками зритель
Стойкость встречает твою в сраженьях на Марсовом поле;
Отроком ты на войне Кантабрской уже подвизался;
Тот был вождем, кто теперь снимает знамена с парфянских
Храмов и земли обрек остальные оружию римлян.
Помни о том, что тебе от охоты нельзя уклоняться
Без оправданья: хоть ты ничего против правил не делал,
Как говоришь, но порой ведь в именье отца ты играешь:
В лодки садятся войска из отроков, будто враждебных,
Ты — предводителем; вновь при Акции битва ведется;
Брат твой — противник, а пруд — Адриатика; вплоть до того, как
Ветвью из вас одного, примчась, увенчает Победа.

Если увидит патрон, что сочувствуешь ты его вкусам,
Будет он знаком руки твое одобрять развлеченье.
Далее, вот мой совет (если надобны эти советы):
Чаще ты взвешивай, что и кому говоришь обо всяком.
От любопытного прочь убегай: болтлив любопытный,
Жадно открытые уши не держат доверенной тайны;
Выпустил только из уст — и летит невозвратное слово.
Сердце не ранит тебе ни одна пусть служанка, ни отрок,
Мраморный только порог перешел ты почтенного друга,
Чтобы красавца юнца или девочки милой хозяин
Даром ничтожным тебя не счастливил иль, хмурясь, не маял.
Другу кого представляешь, еще и еще осмотри ты,
Стыд чтоб потом на тебя за чужие не пал прегрешенья.
Впав в заблужденье, порой мы в дом недостойного вводим;
Так не пытайся в своем заблужденье упорствовать доле,
Не защищай знакомцев своих от вины очевидной
Только за то, что они на твою надеются помощь.
Если кого-нибудь зуб Феонов грызет, ты не чуешь —
То же несчастье тебя в скором времени может постигнуть.
Твой в опасности дом, стена коль горит у соседа:
Большую силу берет пожар, коль его ты запустишь.
Сладко — неопытный мнит — угождение сильному другу,
В опытном—будит то страх. Пока в море открытом корабль твой,
Будь на чеку; изменясь, не унес бы назад тебя ветер.
Грустным веселый претит; ненавидят веселые грустных,
Медлящих — те, что спешат, а вялые — бойких, подвижных;
Пьющие (те, кто фалерн до полуночи пить начинают)
В гневе на тех, что бокал, предложенный им, отвергают,
Сколько бы ты ни божился, что просто боишься простуды.
Облако прочь от бровей отгоняй: ведь обычно, кто скромен,
Скрытным считается тот; молчаливый — суровым судьею.
Ты в положении всяком ученых читай, поучайся:
Способом можешь каким свой век провести ты спокойно,
Так, чтоб тебя не томили: всегда ненасытная алчность,
Страх потерять иль надежда добыть малонужные вещи;
Доблесть науки ли плод иль природное то дарованье;
Что уменьшает заботы, тебя примиряет с собою;
Что обеспечить покой способно: почет и достаток
Иль обособленный путь и жизни безвестной тропинка.
Всякий ведь раз, как меня восстановят Дигенции хладной

Воды, что поят крестьян Манде́лы, дрожащих от стужи,
Что я, мой друг, ощущаю, о чем, полагаешь, молюсь я?
Будет пускай у меня, что уж есть, даже меньше, и пусть бы
Прожил я век остальной, как хочу, коль продлят его боги;
Был бы лишь добрый запас мне и книг и провизии на год,
Чтоб суеты я не знал, неуверенный в часе ближайшем...
Впрочем, довольно просить, что Юпитер дарит и уносит:
Жизнь лишь и средства пусть даст — сам душе я покой уготовлю!

19

К Меценату

Древнему веришь коль ты, Меценат просвещенный, Кратину,
Долго не могут прожить и нравиться стихотворенья,
Раз их писали поэты, что воду лишь пьют. И как только
Либер поэтов-безумцев к Сатирам и Фавнам причислил,
Стали с утра уж вином попахивать нежные Музы.
Славя вино, сам Гомер себя в дружбе с вином уличает;
Даже и Энний-отец бросался оружие славить,
Выпив всегда. «Я колодец Либона и форум доверю
Людям непьющим, но песни слагать запрещу я серьезным».
Только я это изрек,— неотступно поэты все стали
Пить вперепой по ночам, перегаром воняя наутро.
Что ж? Если б кто-нибудь, дикий, пытался представить Катона
Взором суровым, ногой необутой и тогой короткой,
Разве явил бы он тем и характер и доблесть Катона?
Так, Тимагена соперник в речах, надорвался Иарбит,
Стать остроумцем стремясь и красноречивым считаться.
Манит примером порок, легко подражаемый: стань я
Бледен случайно, они б уже тмин все бескровящий пили.
О подражатели, скот раболепный, как суетность ваша
Часто тревожила желчь мне и часто мой смех возбуждала!
Первый свободной ногой я ступал по пустынному краю,
Я по чужим ведь стопам не ходил. Кто в себя только верит,
Тот — предводитель толпы. Ибо первый паросские ямбы
Лацию я показал; Архилоха размер лишь и страстность

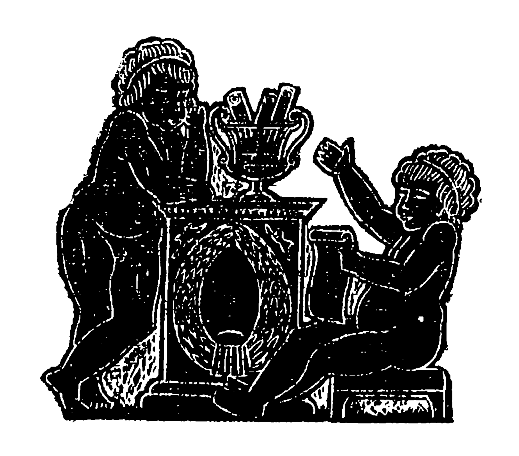
Брал я, не темы его, не слова, что травили Ликамба.
Ты же не должен венчать меня листьями мельче за то, что
Я убоялся менять размеры и строй его песен.
Властная муза Сапфо соблюдала размер Архилоха,
Как соблюдал и Алкей, хоть писал об ином и иначе —
Он не стремился пятнать словами чернящими тестя,
Он не свивал для невесты петлю позорящей песней.
Музу его, что забыта у нас, я из лириков римских
Первый прославил: несу неизвестное всем и горжусь я —
Держат, читают меня благородные руки и очи.
Хочешь ты знать, почему читатель стихи мои дома
Хвалит и любит, когда ж за порогом, лукавый, хулит их?
Я не охочусь совсем за успехом у ветреной черни,
Трат не несу на пиры и потертых одежд не дарю я.
Слушатель я и поборник писателей славных; считаю
Школы словесников все обходить для себя недостойным.
Вот где источник их слез! «Недостойные полных театров
Стыдно творенья читать, пустякам придавая значенье»,—
Я говорю, а они: «Не смеши — для Юпитера слуха
Ты их хранишь, довольный собой, словно мед стихотворства
Весь у тебя одного...» Но нос задирать тут боюсь я;
Ноготь чтоб острый борца не поранил меня, восклицаю:
«Место не нравится мне для борьбы!» — и прошу перерыва.
Ибо рождает игра и горячие споры, и злобу;
Злоба — жестокий раздор и войны, несущие гибель.

20

К своей книге

Кажется, книжка, уже ты глядишь на форум, на лавки,
Хочешь стоять на виду, приглажена Сосиев пемзой.
Ты ненавидишь замки и печати, приятные скромным;
Стонешь ты в тесном кругу и места многолюдные хвалишь,
Вскормлена хоть и не так. Ну что же, ступай, куда хочешь!
Но не забудь: уйдешь — не вернешься. Сама пожалеешь:
«Что я наделала! — будешь твердить.— Чего захотела!»
Помни: ты свиться должна, лишь устанет, пресытясь, любовник.
Ежели я, раздраженный тобой, гожуся в пророки,—
Будешь ты Риму мила, пока не пройдет твоя младость;
После ж, руками толпы захватана, станешь ты грязной,
Непросвещенную моль молчаливо кормить будешь, или
Скроешься в Утику ты, иль сослана будешь в Илерду.
Будет смеяться советчик, кому ты не вняла; как в басне
Тот, что на скалы столкнул осленка упрямого в гневе:
Кто же станет спасать того, кто не хочет спасаться?
Ну, а после всего останется только в предместьях
Чтенью ребят обучать, покуда язык не отсохнет.
Там-то, в теплые дни, когда будет кому тебя слушать,
Ты расскажи, что я, сын отпущéнца, при средствах ничтожных
Крылья свои распростер, по сравненью с гнездом, непомерно:
Род мой насколько умалишь, настолько умножишь ты доблесть;
Первым я Рима мужам на войне полюбился и дома,
Малого роста, седой преждевременно, падкий до солнца,

Гневаться скорый, однако легко умиряться способный.
Если ж о возрасте кто-нибудь спросит тебя, то пусть знает:
Прожито мной декабрей уже полностью сорок четыре
В год, когда Лоллий себе в товарищи Ле́пида выбрал.

КНИГА ВТОРАЯ

1

К Августу

Множество, Цезарь, трудов тяжелых выносишь один ты:
Рима державу оружьем хранишь, добронравием красишь,
Лечишь законами ты: я принес бы народному благу
Вред, если б время твое я занял беседою долгой.
Ромул, и Либер-отец, и Кастор с братом Поллуксом,
Те, что в храмах к богам за то причислены были,
Что заселяли страну, о людях пеклись, укрощали
Тяжкие войны, поля межевали и строили грады,—
Сильно пеняли, что им, на заслуги в ответ, не явили
Должного благоволенья. Геракл, уничтоживший гидру
И победивший урочным трудом ужасных чудовищ,
Также постиг, что одной только смертью смиряется зависть.
Жжется сияньем своим талант, затмивший другие,
Те, что слабей; а почет придет, когда он угаснет.
Только тебя одного спешим мы почтить и при жизни,
Ставим тебе алтари, чтобы клясться тобою, как богом,

Веря — ничто не взойдет тебе равное и не всходило.
Мудрый, однако, в одном и правый народ твой, что отдал
Он предпочтенье тебе пред вождями и Рима и греков,
Прочее мерит не так же разумно, не тою же мерой:
Все — исключая лишь то, что явно расталось с землею
Или свой отжило век,— докучно ему и противно.
Предан он так старине, что против преступников доски
Те, что нам десять мужей освятили, царей договоры
С общиной Габиев или сабинян суровых, и книги
Наших высших жрецов, и пророков старинные свитки —
Все на Альбанской горе изрекли, утверждает он, Музы.
Если ж, имея в виду, что у греков чем старше поэмы,
Тем совершенней они, начнем мы и римских поэтов
Вешать на тех же весах,— то не о чем нам препираться:
Косточек нет у маслин, и нет скорлупы у ореха!
Видно, во всем мы достигли вершин: умащенных ахейцев
Выше мы в живописанье, в борьбе, в песнопенье под лиру?!
Если, как вина, стихи время делает лучше, хотел бы
Знать я, который же год сочинению цену поднимет?
Если писатель всего только сто лет назад тому умер,
Должен быть он отнесен к совершенным и древним иль только
К новым, нестоящим? Пусть точный срок устранит пререканья!
«Древний, добротный — лишь тот, кому сто уже лет после смерти».
Что же? А тот, кто погиб лишь месяцем позже иль годом,—
Должен он будет к каким отнесен быть? К поэтам ли старым,
К тем ли, на коих плюет и нынешний век и грядущий?
«С честию будет причтен к поэтам старинным и тот, кто
Месяцем только одним или целым хоть годом моложе».
Пользуясь тем (из хвоста я как будто у лошади волос
Рву понемногу), один отниму и еще отнимать я
Стану, пока не падет, одураченный гибелью кучи,
Тот, кто глядит в календарь, и достоинство мерит годами,
И почитает лишь то, что Смерть освятила навеки.
Энний, что мудр и могуч был, Гомером вторым величался
(Критики так говорят),— заботился, видимо, мало,
Чем Пифагоровы сны и виденья его завершатся:
Невий у всех и в руках и в умах, как будто новинка,—
Разве не так? До того все поэмы, что древни, священны!
Спор заведут лишь о том, кто кого превосходит, получит

Славу «ученого» старца Пакувий, «высокого» — Акций;
Тога Афрания впору была, говорят, и Менандру,
Плавт по примеру спешит сицилийца всегда Эпихарма,
Важностью всех побеждает Цецилий, искусством — Теренций,
Учит их всех наизусть их, в тесном театре набившись,
Смотрит влиятельный Рим, их и чтит, причисляя к поэтам.
Чтит от времен Андроника до наших времен неизменно!
Правильно смотрит толпа иногда, но порой погрешает.
Если поэтам она удивляется древним, их хвалит,
Выше и равным не чтит никого, то она в заблужденье;
Если ж она признает, что иное у них устарело,
Многое грубым готова назвать и многое вялым,—
С этим и я соглашусь, и сам правосудный Юпитер.
Я не преследую, знай, истребить не считаю я нужным
Ливия песни, что, помню, драчливый Орбилий когда-то,
Мальчику, мне диктовал. Но как безупречными могут,
Чудными, даже почти совершенством считать их,— дивлюсь я.
Если же в них промелькнет случайно красивое слово,
Если один иль другой отыщется стих благозвучный,—
Всю он поэму ведет, повышает ей цену бесправно.
Я негодую, когда не за то порицают, что грубо
Сложены иль некрасивы стихи, а за то, что недавно.
Требуют чести, награды для древних, а не снисхожденья.
Но усомнись лишь я вслух, что вправе комедии Атты
Сцену в шафране, в цветах попирать, все отцы закричали б —
Стыд, мол, утратил я, раз порицать покушаюсь я пьесы
Те, что и важный Эзоп, и Росций искусный играли;
Иль потому, что лишь то, что нравится, верным считают,
Или позор видят в том, чтоб суждениям младших поддаться,
Старцам признать, что пора позабыть, чему в детстве учились.
Кто же и Салиев песнь восхваляет, стремясь показать всем,
Будто он знает один то, что нам непонятно обоим,—
Тот рукоплещет, совсем не талант одобряя усопших:
Нет, это нас он лишь бьет, ненавидя все наше, завистник!
Если б и грекам была новизна, как и нам вот, противна,
Что же было бы древним теперь? И что же могли бы
Все поголовно читать и трепать, сообща потребляя?
Кончивши войны, тотчас начала пустякам предаваться
Греция; впала в разврат, лишь послала ей счастье Фортуна;
Страсть к состязаньям коней иль атлетов зажглась в ней; то стали

Милы ваятели ей из мрамора, кости иль меди;
То устремляла и взоры и мысли к прекрасным картинам,
То приходила в восторг от флейтистов, актеров трагедий;
Словно глупышка девчурка под няни надзором играет:
Жадно что схватит сейчас, то, пресытившись, вскоре отбросит.
Все это ей принесли добрый мир и попутные ветры!
В Риме когда-то велось, как должно, вставать спозаранку,
Дверь отпирать и клиентам давать разъясненья законов,
Деньги отвешивать в долг, обеспечась ручательством верным,
Старших выслушивать, младшим о том говорить, как достаток
Вырасти может и как избыть бездоходные страсти.
Пусть ненавистно иль мило,— но что ж неизменным ты счел бы?
Вот изменил уж народ неустойчивый мысли и пышет
Страстью одной — сочинять: и отцы с строгим видом, и дети,
Кудри венчая плющом, произносят стихи за обедом.
Сам я, хотя и твержу: «Стихов никаких не пишу я»,—
Хуже парфян уж лгуном оказался: до солнца восхода
Встану лишь, требую тотчас перо, и бумагу, и ларчик.
Тот, кто не сведущ, корабль боится вести, и больному
Дать абротон не дерзнет, кто тому не учен; врачеванье —
Дело врачей; ремеслом — ремесленик только и занят;
Мы же,— учен, неучен, безразлично,— кропаем поэмы.
Но в увлеченье таком и в безумии легком какие
Есть добродетели, ты посмотри: поэты не жадны,
Ибо только стихи они любят и к ним лишь пристрастны;
Будят лишь смех в нем убытки, и бегство рабов, и пожары;
Он не замыслит надуть компаньона, ограбить сиротку;
Может он хлебом простым и стручьями только питаться;
Пусть до войны неохоч и негож, но полезен он граду,
Если согласен ты с ним, что большому и малое в помощь.
Нежных ребяческих уст лепетанье поэт исправляет,
Слух благовременно им от речей отвращает бесстыдных;
После же дух воспитает им дружеским он наставленьем,
Душу исправит, избавив от зависти, гнева, упрямства;
Доблести славит дела и благими примерами учит
Годы грядущие он; и больных утешает и бедных.
Чистые мальчики где с непорочными девами взяли б
Слов для молитвы, когда б не послала им Муза поэта?
Молит о помощи хор и чует присутствие вышних,
Просит дождей он, богов ублажая мольбой, что усвоил,

Гонит опасности прочь, отвращает угрозы болезней,
Мирного он жития и плодов изобилья испросит:
Песня смягчает богов и вышних равно и подземных.
Встарь земледельцы — народ и крепкий, и малым
счастливый —
Хлеб лишь с полей уберут, облегчение в праздник давали
Телу и духу, труды выносившим в надежде на отдых:
С теми, кто труд разделял, и с детьми, и с супругою верной
В дар молоко приносили Сильвану, Земле — поросенка,
Гению — вина, цветы за заботу о жизни короткой.
В праздники эти вошел фесценнин шаловливых обычай:
Бранью крестьяне в стихах осыпали друг друга чредою.
С радостью вольность была принята, каждый год возвращаясь
Милой забавой, пока уже дикая шутка не стала
В ярость открыто впадать и с угрозой в почтенные семьи
Без наказанья врываться. Терзались, кто зубом кровавым
Был уязвлен уж; и кто не задет, за общее благо
Были тревоги полны; но издан закон наконец был:
Карой грозя, запрещал он кого-либо высмеять в злобной
Песне,— и все уже тон изменили, испуганы казнью,
Добрые стали слова говорить и приятные только.
Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
В Лаций суровый внеся искусства; и так пресловутый
Стих сатурнийский исчез, неуклюжий,— противную вязкость
Смыло изящество; все же остались на долгие годы,
Да и по нынешний день деревни следы остаются.
Римлянин острый свой ум обратил к сочинениям греков
Поздно; и лишь после войн с Карфагеном искать он спокойно
Начал, что пользы приносят Софокл и Феспис с Эсхилом;
Даже попробовал дать перевод он их сочинений,
Даже остался доволен собой: возвышенный, пылкий,
Чует трагический дух, и счастлив и смел он довольно,
Но неразумно боится отделки, считая постыдной.
Кажется,— если предмет обыденный, то требует пота
Меньше всего; между тем в комедии трудностей больше,
Ибо прощают ей меньше гораздо. Заметь ты, насколько
Плавт представляет характер влюбленного юноши плохо,
Также и скряги-отца, и коварного сводника роли;
Как он Доссену подобных выводит обжор-паразитов,
Как он по сцене бежит, башмак завязать позабывши:

Ибо он жаждет деньгу лишь в сундук опустить, не заботясь
После того, устоит на ногах иль провалится пьеса.
Тех, кто на сцену взнесен колесницею ветреной Славы,
Зритель холодный мертвит, а горячий опять вдохновляет.
Так легковесно, ничтожно все то, что тщеславного мужа
Может свалить и поднять... Прощай, театральное дело,
Если, награды лишен, я тощаю, с наградой — тучнею.
Часто и смелый поэт, устрашенный, бежит от театра:
Зрители там сильнее числом, а честью слабее —
Неучи все, дураки, полезть готовые в драку,
Ежели с всадником спор; посреди они пьесы вдруг просят,
Дай им медведя, бойца: вот этих народец так любит!
Впрочем, у всадников тоже от уха к блуждающим взорам
Переселились уж все наслажденья в забавах пустячных.
Тут на четыре часа открывают завесу иль больше:
Конницы мчатся полки, пехоты отряды несутся,
Тащат несчастных царей, назад закрутивши им руки;
Вот корабли, колесницы спешат, коляски, телеги,
Тащат слоновую кость, волокут коринфские вазы.
Если б был жив Демокрит, посмеялся б, наверно, тому он,
Как это помесь пантеры с верблюдом, животным ей чуждым,
Или хоть белый слон, привлекают вниманье народа;
С большим бы он любопытством смотрел на народ, чем на игры,
Ибо ему он давал бы для зрелища больше гораздо;
«Драм сочинители,— он бы, наверно, подумал,— осленку
Басенку бают глухому». И впрямь, никому не под силу
Голосом шум одолеть, что народ наш поднимет в театре.
«Воет,— сказал бы он,— лес то Гарганский иль Тусское море»,—
Смотрят все с гамом таким на борцов, на искусство богатых
Тканей из стран иноземных; как только окутанный ими
Станет на сцену актер,— сейчас же бушуют ладони.
«Что-нибудь он уж сказал?» — «Да ни слова».— «Так нравится что ж им?»
«Шерсть, что окрашена в пурпур тарентский с оттенком фиалок!»
Ты не подумай, однако, что, если другие удачно
Сделают то, чего сам не могу, я хвалить буду скупо:
Знай — как того, что ходить по веревке натянутой может,
Чту я поэта, когда мне вымыслом грудь он стесняет,
Будит волненье, покоит иль ложными страхами полнит,
Словно волшебник несет то в Фивы меня, то в Афины.

Впрочем, подумать прошу и о тех, кто читателю лучше
Ввериться склонны, чем несть униженья от зрителей гордых,
Если желаешь ты храм Аполлона достойно наполнить
Книгами и заодно уж пришпорить и бодрость поэтов,
Так, чтоб охотнее в рощи они Геликона стремились.
Правда, поэты, мы сами творим много зла себе часто:
Свой виноградник рублю, если только тебе подношу я
Книгу, когда ты устал или занят; когда мы в обиде,
Если один хотя стих из друзей кто дерзнул не одобрить,
Иль, хоть не просят, места, что читали уж, вновь повторяем;
Сетуем мы, что труды наши, наши поэмы встречают
Мало вниманья, хотя мы их ткали из нитей тончайших;
Льстимся надеждой — придет, мол, пора, когда только узнаешь
Ты, что стихи мы плетем,— без прошения нашего даже,
Сам призовешь, от нужды обеспечишь, принудишь писать нас.
Это ведь важно: узнать, какие служители нужны
Доблести той, что мы зрели и в войнах, и в мирное время,
Ибо не должно ее доверять недостойным поэтам.
Правда, царю угодив Александру, Херил пресловутый,
Скверный поэт, за стихи плохие, без всякой отделки,
Много в награду монет получил золотых македонских.
Все же, подобно тому как, коснувшись чернил, оставляют
Руки пятно иль заметку, поэты стихами дрянными
Подвиг блестящий чернят. Но царь тот же самый, который
Так расточительно щедро платил за смешную поэму,
Издал указ, что писать портреты царя Александра
Лишь одному Апеллесу, ваять же фигуры из меди
Только Лисиппу давал разрешенье. Но, если б призвал ты
Тонкого столь знатока искусств, постигаемых глазом,
Высказать мненье о книгах, об этих творениях Музы,
Ты бы поклялся, что он из туманной Беотии родом.
Но не позорят тебя сужденья твои о поэтах,
Как и дары, что они с одобрения всех получили,
Оба любимых тобой поэта: Вергилий и Варий;
Ибо не ярче лицо в изваянии медном, чем мысли,
Чувства все славных мужей отраженья находят в созданьях
Вещих поэтов. И сам не желал бы я лучше беседы
Низменным слогом писать, чем песни слагать о великих
Подвигах, разные земли и реки, на горных высотах
Замки и варваров царства в стихах петь и войны, которым

Властью твоею конец на круге земном уж положен,
Януса храм запертой — божества-охранителя мира,
Страх перед Римом, парфянам внушенный твоим управленьем,—
Если бы силы мои равнялись желанью; но малых
Песен величье твое не терпит; и мне не позволит
Совесть взяться за труд, что исполнить откажутся силы.
Наше усердье лишь в тягость тому, кого глупо полюбит,
Если в стихах иль в другом искусстве себя проявляет:
Ибо заучит скорей и запомнит охотнее каждый
То, что насмешку, чем то, что хвалу, прославленье содержит.
Я вот ничуть не гонюсь за услугой, что мне только в тягость:
Вылит из воска, с лицом искаженным, нигде выставляться
Я не хочу, при стихах красуясь, коряво сплетенных,
Чтоб не пришлось мне краснеть за подарок бездарный и после,
Вместе с поэтом моим в закрытом ларце распростершись,
Быть отнесенным в квартал, продающий духи и куренья,
Перец и все, чему служат негодные книги оберткой.

2

К Флору

Флор, неизменнейший друг Нерона, что доблестью славен.
Если б, желая продать тебе кто-нибудь отрока, родом
Или из Тибура, или из Габий, сказал тебе так бы:
«Видишь, вот этот блестящий красавец, до пят от макушки,
Станет и будет твоим за восемь тысяч сестерций;
Он — доморосток, привык услужать по кивку господина.
Греческой грамоты малость впитал и на всякое дело
Годен: что хочешь лепи себе из него, как из глины.
Даже недурно поет: неискусно, но пьющим — приятно.
Много посулов ведь веру к купцу подрывают, который
Хвалит товар чересчур, лишь сбыть его с рук замышляя.
Крайности нет у меня — на свои я живу, хоть и беден.
Так ни один торгаш не поступит с тобой, и другому

Дешево так не отдам. Только раз он забыл приказанье
И, как бывает, плетей испугавшись, под лестницу скрылся».
Деньги отдай, коль тебя не смущает рассказ о побеге:
Думаю, плату возьмет, не боясь он, что пеню заплатит,—
Зная порок, покупал ты раба и условья ты слышал.
Что же преследуешь ты продавца неправою тяжбой?
Так вот и я пред отъездом твоим говорил, что ленив я,
Что не гожусь для таких я услуг, как писание писем,
Чтобы не строго меня ты бранил, если писем не будет,
Польза какая была в том, коль ты нападаешь на право?
Право стоит за меня! Но сетуешь ты и на то, что
Все я, обманщик, тебе не шлю ожидаемых песен.
Как-то Лукуллов солдат сбережения все, что ценою
Многих лишений скопил, потерял до единого асса,
Ночью усталый храпя. Тут волком свирепым, озлобясь
Сам на себя, на врага, зубами голодными грозный,
Он, говорят, гарнизон целый выбил из крепости царской,
Полной огромных богатств и весьма укрепленной. Деяньем
Этим прославясь, украшен почетными знаками был он;
Кроме того, получил он еще двадцать тысяч сестерций.
Вскоре затем, пожелав захватить какую-то крепость,
Претор солдата того ж уговаривать стал, обратившись
С речью такой, что могла бы и трусу прибавить отваги:
«Друг мой, иди, куда доблесть зовет, отправляйся в час добрый —
Будет награда тебе великая. Что же стоишь ты?»
Выслушав, тот отвечает хитро, хоть и был неотесан:
«Тот, куда хочешь пойдет, говорит, кто кушак потерял свой».
В Риме воспитан я был, и мне довелось научиться,
Сколько наделал вреда ахейцам Ахилл, рассердившись.
Дали развития мне еще больше благие Афины,—
Так что способен я стал отличать от кривого прямое,
Истину-правду искать среди рощ Академа-героя.
Но оторвали от мест меня милых годины лихие:
К брани хотя и негодный, гражданской войною и смутой
Был вовлечен я в борьбу непосильную с Августа дланью.
Вскоре от службы военной свободу мне дали Филиппы:
Крылья подрезаны, дух приуныл; ни отцовского дома
Нет, ни земли,— вот тогда, побуждаемый бедностью дерзкой,
Начал стихи я писать. Но когда я имею достаток
Полный, какие могли б исцелить меня зелия, если б

Лучшим не счел я дремать, чем стихов продолжать сочиненье?
Годы бегут, и у нас одно за другим похищают:
Отняли шутки, румянец, пирушки, любви шаловливость;
Вырвать теперь и стихи уж хотят: так что же мне делать?
Люди одно ведь и то же не все уважают и любят:
Одами тешишься ты, другого же радуют ямбы,
Речи Биона — иных, с его едкою, черною солью.
Трое гостей у меня — все расходятся, вижу, во вкусах,
Разные нёба у них, и разного требует каждый.
Что же мне дать? Что не дать? Просит тот, чего ты не желаешь;
То, что ты ищешь, обоим другим противно и горько.
Кроме того, неужели, по-твоему, можно поэмы
В Риме писать среди стольких тревог и таких затруднений?
Тот поручиться зовет, тот выслушать стихотворенье,
Бросив дела все; больной тот лежит на холме Квиринальском,
Тот на краю Авентина,— а нужно проведать обоих!
Видишь, какие концы? И здоровому впору! «Однако
Улицы чистые там, и нет помех размышленью».
Тут поставщик, горячась, и погонщиков гонит и, мулов
То поднимает, крутясь, тут ворот бревно или камень;
Вьется средь грузных телег похоронное шествие мрачно;
Мчится там бешеный пес, там свинья вся в грязи пробегает,—
Вот и шагай и слагай про себя сладкозвучные песни.
Любит поэтов весь хор сени рощ, городов избегает;
Вакха любимцы они, и в тени любят сном наслаждаться;
Ты же стремишься, чтоб я среди шума дневного, ночного,
Песни слагая, ходил за поэтами узкой тропою.
Я, что избрал себе встарь Афины спокойные, ум свой
Целых семь лет отдавал лишь наукам, состарился, думы
В книги вперив,— я хожу молчаливее статуи часто,
Смех возбуждаю в народе: ужели же здесь средь потоков
Дел и невзгод городских для себя я признал бы удобным
Песни в стихах сочинять, согласуя со звуками лиры?
Были в Риме два брата, юрист и ритор, и оба
Только хвалы лишь одни в стихах возносили друг другу,
Первый второму был Гракх, второй был первому Муций.
Разве не так же с ума сладкогласные сходят поэты?
Песни слагаю вот я, а он — элегии: диво!
То-то творенья всех Муз девяти! Посмотри, полюбуйся,

Как мы спесиво идем, и с каким мы напыщенным видом
Взор устремляем на храм просторный для римских поэтов!
Вскоре затем, коль досуг, последи и в сторонке послушай,
С чем мы пришли и за что венок себе каждый сплетает.
Вплоть до вечерних огней, как два гладиатора, бьемся,
Точно ударом платя за удар и врага изнуряя.
Он восклицает, что я — Алкей; ну, что мне ответить?
Я отвечаю, что он — Каллимах; а ежели мало,
Станет Мимнермом тотчас, величаясь желанным прозваньем.
Много терплю, чтоб смягчить ревнивое племя поэтов,
Если пишу я стихи и ловлю одобренье народа;
Кончив же труд и опять рассудок себе возвративши,
Смело могу я заткнуть для чтецов открытые уши.
Смех вызывают всегда стихоплеты плохие, однако
Тешатся сами собой и себя за поэтов считают;
Пусть ты молчишь — они все, что напишут, блаженные, хвалят.
Тот, кто желает создать по законам искусства поэму,
Должен быть честен и строг, как цензор со списками граждан:
Все без различья слова, в коих блеска почти не осталось,
Те, что утратили вес, недостойными признаны чести,
Смело он выгонит вон, хоть уходят они неохотно
И хоть поныне вращаются где-нибудь в капище Весты;
Те, что скрывались во тьме, он снова откроет народу,
Выберет много таких выразительных слов и речений,
Коими прежде владели Катоны, Цетеги, а ныне
Плесень уродует их, покрывая забвения прахом;
Новые примет слова, что создал родитель-обычай.
Будет он мощен и чист, реке прозрачной подобно,
Сыпать сокровища слов, языком богатить будет Лаций;
Пышные он пообрежет, бугристые здравым уходом
Сделает глаже, а те, что утратили силу, отбросит;
Будет он с виду играть, хоть и мучится так же, как всякий
Скачущий, будто Сатир или пляшущий пляску Циклопа.
Я предпочел бы казаться безумным поэтом, негодным,
Лишь бы плохое мое меня тешило, пусть и обманом,
Чем разуметь и ворчать. Таков был один аргивянин:
Все-то казалось ему, что он слушает трагиков дивных,—
Сидя в театре пустом, аплодировал он им в восторге;
Прочие жизни дела исполнял он, как прочие люди,
Добрым соседом он был и хозяином гостеприимным,

Ласков с женою; умел снисходительным быть и к рабам он:
В яростный гнев не впадал, коль печать повредят у бутыли;
Он и обрыв обходил, и не падал в открытый колодец.
Стал он усильем родных и заботою их поправляться;
Выгнав из желчи болезнь наконец чемерицею чистой,
Только пришел лишь в себя: «Не спасли вы меня, а убили,
Други,— сказал он,— клянусь! Ибо вы наслажденье исторгли,
Отняли силой обман, что приятнейшим был для сознанья».
Нужно мне жизнь подчинить, значит, мудрости; бросить забавы,
Детям на долю отдать подходящие им лишь утехи,
Слов не искать для того, чтоб приладить их к струнам латинским,
Но изучать только строй и гармонию правильной жизни.
Вот почему сам себе я твержу, про себя рассуждая:
Если б не мог утолить ты обильною влагою жажду,
Ты обратился б к врачам; а о том, что, чем больше скопил ты,
Тем ты и жаждешь сильней, никому не дерзаешь признаться?
Если бы рана твоя от назначенных трав или корня
Легче не стала, ведь ты избегал бы лечиться как корнем,
Так и травой, от которых нет пользы,— ты слышал: «Кому лишь
Боги богатство дадут, от уродливой глупости тот уж
Будет свободен». И ты, хоть ума не прибавил нисколько,
Ставши богаче, ужель будешь верить советчикам этим?
Если ж богатства могли б тебя сделать разумным, убавить
Алчность и трусость твою, тогда вот было бы стыдно,
Если б жаднее тебя кто-нибудь на земле оказался.
Если же собственность — то, что купил ты по форме, за деньги,
То ведь дает тебе то же (юристов спроси!) потребленье.
Поле, что кормит тебя, ведь твое; ибо Орбий-крестьянин,
Нивы свои бороня, чтобы хлеб тебе вскоре доставить,
Чует, что ты господин. Получаешь за деньги ты гроздья,
Яйца, цыплят и хмельного кувшин: и поэтому, значит,
Мало-помалу его покупаешь ты поле, что было
Некогда куплено им за триста тысяч и боле.
Все ведь равно: ты давно оплатил, чем живешь, или недавно.
Тот, кто купил себе землю близ Вей иль Ариции, зелень
Ест покупную в обед, сам не зная того; покупными
Греет дровами котел себе он перед ночью холодной;
Все же зовет он своим все поле до самого края,
Где на меже разнимает соседей посаженный тополь,

Словно собственным может быть то, что в любое мгновенье
Вследствие просьбы, покупки, насилья иль смерти, хозяев
Может менять и другим права уступать на владенье.
Если ж судьбой никому не дано обладанье навеки,
Вслед, как волна за волною, владельцы идут друг за другом,—
Польза какая в амбарах, в земле или в том, что прибавлен
К выгону выгон, когда и большое и малое косит
Орк безразлично; его ведь и золотом ты не умолишь?
Мрамор, слоновая кость, серебро и тирренские куклы,
Камни, картины и ткань, пурпурной покрытая краской,—
Этого нет у иных, а иной и иметь не стремится.
Но отчего же один из братьев всем пальмовым рощам
Предпочитает душистый бальзам, забавы и праздность,
Брат же другой неустанно, с восхода в трудах до заката,
Землю, заросшую лесом, взрыхляет огнем и железом,—
Знает то гений, звезду направляющий нашу с рожденья:
Бог он природы людской, умирающий одновременно
С каждым из нас; он видом изменчив: то светлый, то мрачный.
Все, что мне нужно, себе из запаса я малого буду
Брать и совсем не боюсь, что будет думать наследник,
Если не больше найдет, чем думал. При этом, однако,
Знать я желал бы, насколько веселый и скромный от мота
Разнится, или насколько несходен скупой с бережливым.
Разница есть — ты, как мот, расточаешь свое иль затраты
Сделать не прочь и стяжать без труда еще больше; вернее,
Словно как мальчик во дни Пятидневки Минервы, бывало,
Временем радостным ты, но коротким спешишь насладиться.
Лишь бы была далека от меня неопрятная бедность:
В малом ли мчусь корабле иль в большом — я ведь мчусь тот же самый.
Мы не летим с парусами, надутыми ветром попутным,
Все же зато не влачим мы свой век и при ветрах противных.
Силой, талантом, красой, добродетелью, честью, достатком
Мы среди первых последние, первые мы средь последних.
Что ж, ты не жаден! — прекрасно. Но разве другие пороки
Вместе уж с этим бежали? В груди твоей больше тщеславья
Нет уж пустого? И нет перед смертию страха, нет злобы?
Сны, наваждения магов, явленья природы, волшебниц,
Призрак ночной, чудеса фессалийцев ты смехом встречаешь?
Чтишь ли рождения день благородно? Прощаешь ли другу?

Мягче ль становишься ты и добрей, когда близится старость?
Легче ль тебе, коль одну лишь из многих заноз извлекаешь?
Если ты правильно жить не умеешь, дай место разумным.
Вдоволь уж ты поиграл, и вдоволь поел ты и выпил:
Время тебе уходить, чтоб не в меру хмельного, поднявши
На смех, тебя молодежь не травила,— ей шалость приличней.

НАУКА ПОЭЗИИ

К Пизонам

Если художник решит приписать к голове человечьей
Шею коня, а потом облечет в разноцветные перья
Тело, которое он соберет по куску отовсюду —
Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой рыбы,—
Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться от смеха?
Верьте, Пизоны: точь-в-точь на такую похожа картину
Книга, где образы все бессвязны, как бред у больного,
И от макушки до пят ничто не сливается в цельный
Облик. Мне возразят: «Художникам, как и поэтам,
Издавна право дано дерзать на все, что угодно!»
Знаю, и сам я беру и даю эту вольность охотно —
Только с умом, а не так, чтоб недоброе путалось с добрым,
Чтобы дружили с ягнятами львы, а со змеями пташки.
Так ведь бывает не раз: к обещавшему много зачину
Вдруг подшивает поэт блестящую ярко заплату,
Этакий красный лоскут — описанье ли рощи Дианы,
Или ручья, что бежит, извиваясь, по чистому лугу,
Или же Рейна-реки, или радуги в небе дождливом,—
Только беда: не у места они. Допустим, умеешь
Ты рисовать кипарис,— но зачем, коль щедрый заказчик
Чудом спасается вплавь из обломков крушенья? Допустим,

Начал ты вазу лепить,— зачем же сработалась кружка?
Стало быть, делай, что хочешь, но делай простым и единым.
Нас ведь, поэтов, отец и достойные дети, обычно
Призрак достоинств сбивает с пути. Я силюсь быть краток —
Делаюсь темен тотчас; кто к легкости только стремится —
Вялым становится тот; кто величия ищет — надутым;
Кто осторожен, боится упасть,— тот влачится во прахе;
Ну, а кто пожелал пестротою рискнуть непомерной,
Тот пририсует и вепря к реке, и дельфина к дубраве:
Если науки не знать — согрешишь, избегая ошибки!
Возле Эмильевой школы любой ремесленник сможет
Очень похоже отлить из бронзы и ноготь и волос,
Статуи все же ему не создать, коли он не умеет
В целое их сочетать. Не хотел бы таким оказаться
Я в сочиненьях моих: не хотел бы я быть кривоносым,
Даже когда у меня и глаза и кудри на славу.
  Взявшись писать, выбирайте себе задачу по силам!
Прежде прикиньте в уме, что смогут вынести плечи,
Что не поднимут они. Кто выбрал посильную тему,
Тот обретет и красивую речь, и ясный порядок.
Ясность порядка и прелесть его (или я ошибаюсь?)
В том всегда состоит, чтоб у места сказать об уместном,
А остальное уметь отложить до нужного часа.
Даже в плетении слов поэт осторожный и чуткий,
Песню начав, одно предпочтет, а другое отвергнет.
Лучше всего освежить слова сочетаньем умелым —
Ново звучит и привычное в нем. Но если придется
Новые знаки найти для еще не известных предметов,
Изобретая слова, каких не слыхали Цетеги,—
Будет и здесь позволенье дано и принято с толком,
Будет и к этим словам доверье, особенно, если
Греческим в них языком оросится латинская нива.
То, что посмели Цецилий и Плавт, ужель не посмеют
Делать Вергилий и Варий? А я в моих скромных стараньях,—
Чем я хулу заслужил, когда еще Энний с Катоном
Обогащали латинскую речь находками новых
Слов и названий? Всегда дозволено было и будет
Новым чеканом чеканить слова, их в свет выпуская!
Словно леса меняют листву, обновляясь с годами,
Так и слова: что раньше взросло, то и раньше погибнет,

А молодые ростки расцветут и наполнятся силой.
Смерти подвластны и мы и все, что воздвигнуто нами.
В море ли вторгшийся мол защищает суда от Борея
(Царственный труд!), разлитая ли зыбь болот бесполезных
Чувствует плужный сошник и питает окрестные грады,
Или река, чье теченье бедой угрожало посевам,
Новое русло нашла,— творения смертных погибнут:
Вечно ли будет язык одинаково жив и прекрасен?
Нет, возродятся слова, которые ныне забыты,
И позабудутся те, что в чести,— коль захочет обычай,
Тот, что диктует и меру, и вкус, и закон нашей речи.
Дал нам Гомер образец, каким стихотворным размером
Петь мы должны про царей, вождей, кровавые войны.
В строчках неравной длины сперва изливалось стенанье,
После же место нашла скупая обетная надпись;
Впрочем, имя творца элегических скромных двустиший
Нам неизвестно досель, хоть словесники спорят и спорят.
Яростный был Архилох кователем грозного ямба;
Приняли эту стопу, и котурны, и низкие сокки,
Ибо пригодна она, чтоб вести разговоры на сцене,
Зрителей шум покрывать и событья показывать въяве.
Лире же Муза дала славословить богов и героев,
Лучших кулачных бойцов, коней, в ристании первых,
Да воспевать хмельное вино и юные страсти.
Если не знать, что к чему, не владеть оттенками стиля,
Не соблюдать их черед,— за что же мне зваться поэтом?
Только ложный стыд предпочтет незнанье ученью!
Как комедийный предмет в трагический стих не ложится,
Так и Фиестов пир гнушается легких размеров —
Тех, что к лицу обыдённым речам да комическим пляскам;
Пусть же каждый прием соблюдает пристойное место!
Впрочем, порой говорит и комедия голосом звучным,
Если Хремет, разъярясь, величавые сыплет проклятья,—
Как и в трагедии речь становится скромной и жалкой,
Если Телеф и Пелей, нищетой и изгнаньем томимы,
Вдруг позабудут напыщенный слог и слова в три обхвата,
Думая лишь об одном — чтобы зрителя жалобой тронуть.
Мало стихам красоты — пускай в них будет услада,
Пусть увлекают они за собой наши лучшие чувства!
Лица людей смеются с смеющимся, с плачущим влачут,—

Сам ты должен страдать, чтобы люди тебе сострадали,
Только тогда твои злоключения вызовут слезы,
Будь ты Телеф иль Пелей. А начнешь болтать как попало,—
Я посмеюсь, а то и засну. Печальные лица
С грустною речью в ладу, сердитые — с гневною речью,
Лица веселые — с шуткой, а строгие — с важным уроком.
Так уж устроены мы: на любое стеченье событий
В нас сперва отвечает душа — удовольствием, гневом
Или тоской, что гнетет до земли и сжимает нам горло,—
А уж потом движенья души выливаются в слово.
Если же речи лица несогласны с его положеньем,
Весь народ начнет хохотать — и всадник и пеший.
Разница будет всегда: говорят ли герои, иль боги,
Или маститый старик, или юноша свежий и пылкий,
Властная мать семьи иль всегда хлопотливая няня,
Вечный скиталец — купец, или пахарь зеленого поля,
Иль ассириец, иль колх, иль фиванец, иль Аргоса житель.
Следуй преданью, поэт, а в выдумках будь согласован!
Если выводишь ты нам Ахилла, покрытого славой,
Пусть он будет гневлив, непреклонен, стремителен, пылок,
Пусть отвергает закон и на все посягает оружьем;
Будет Медея мятежна и зла, будет Ино печальна,
Ио — скиталица, мрачен Орест, Иксион — вероломен.
Если же новый предмет ты выводишь на сцену и хочешь
Новый характер создать,— да будет он выдержан строго,
Верным себе оставаясь от первой строки до последней.
Впрочем, трудно сказать по-своему общее: лучше
Песнь о Троянской войне сумеешь представить ты в лицах,
Нежели то, о чем до тебя никто и не слышал.
Общее это добро ты сможешь присвоить по праву,
Если не будешь ты с ним брести по протоптанной тропке,
Словом в слово долбя, как усердный толмач-переводчик,
Но и не станешь блуждать подражателем вольным, покуда
Не заберешься в тупик, где ни стыд, ни закон не подмога.
Не начинай, например, как древний киклический автор:
«Участь Приама пою и деянья войны знаменитой».
Что хорошего будет тебе от таких обещаний?
Будет рожать гора, а родится смешная на свет мышь.
Право, разумнее тот, кто слов не бросает на ветер:
«Муза, поведай о муже, который по взятии Трои

Многих людей города посетил и обычаи видел».
Он не из пламени дым, а из дыма светлую ясность
Хочет извлечь, чтобы в ней явить небывалых чудовищ,
Как Антифат, циклоп Полифем и Сцилла с Харибдой.
Он Диомедов возврат не начнет с Мелеагровой смерти,
Он для Троянской войны не вспомнит про Ледины яйца:
Сразу он к делу спешит, бросая нас в гущу событий,
Словно, мы знаем уже обо всем, что до этого было;
Все, что блеска рассказу не даст, он оставит в покое;
И, наконец, сочетает он так свою выдумку с правдой,
Чтобы началу конец отвечал, а им — середина.
   Слушай, чего от тебя и я и народ мой желаем,
Если ты хочешь, чтоб зритель сидел, не дыша, наготове
Хлопать, как только актер под занавес: «Хлопайте!» — скажет,
Должен представить ты нам все возрасты в облике верном,
Для переменчивых лет приискав подходящие краски.
Мальчик, который едва говорить и ходить научился,
Любит больше всего возиться среди однолетков,
То он смеется, то в плач, что ни час, то с новою блажью.
Юноша с первым пушком на щеках, избавясь от дядьки,
Рад и псам, и коням, и зелени Марсова поля,
К злому податлив, как воск, а добрых советов не слышит,
Думать не хочет о пользе своей, тратит деньги без счету,
Самоуверен, страстями горит, что разлюбит, то бросит.
Зрелый муж на иное свои направляет заботы —
Ищет богатств, полезных друзей, блистательной службы,
Остерегается ложных шагов и лишних усилий.
Старца со всех сторон обступают одни беспокойства —
Все-то он ищет, а то, что найдет, для него бесполезно,
Все свои дела он ведет боязливо и вяло,
Медлит решенье принять, мечтает пожить да подумать,
Вечно ворчит и брюзжит, выхваляет минувшие годы,
Ранние годы свои, а юных бранит и порочит.
Много приносят добра человеку бегущие годы,
Много уносят с собой; так пусть стариковские роли
Не поручают юнцу, а взрослые роли — мальчишке:
Каждый должен иметь соответственный возрасту облик.
   Действие мы или видим на сцене, иль слышим в рассказе,
То, что дошло через слух, всегда волнует слабее,
Нежели то, что зорким глазам предстает необманно

И достигает души без помощи слов посторонних.
Тем не менее, ты не все выноси на подмостки,
Многое из виду скрой и речистым доверь очевидцам.
Пусть малюток детей не при всех убивает Медея,
Пусть нечестивый Атрей человечьего мяса не варит,
Пусть не становится Кадм змеею, а птицею — Прокна:
Видя подобное, я скажу с отвращеньем: «Не верю!»
Действий в пьесе должно быть пять: ни меньше, ни больше,
Ежели хочет она с успехом держаться на сцене.
Бог не должен сходить для развязки узлов пустяковых,
И в разговоре троим обойтись без четвертого можно.
Хору бывает своя поручена роль, как актеру:
Пусть же с нее не сбивается он, и поет между действий
То, что к делу идет и к общей направлено цели.
Дело хора — давать советы достойным героям,
В буйных обуздывать гнев, а в робких воспитывать бодрость.
Дело хора — хвалить небогатый стол селянина,
И справедливый закон, и мир на открытых дорогах;
Дело хора — тайны хранить и бессмертным молиться,
Чтобы удача к смиренным пришла и ушла от надменных.
Флейта была не всегда, как теперь, окована медью,
Спорить с трубой не могла, и отверстий имела немного;
Вторила хору она, и силы в ней было довольно,
Чтоб оглашать дуновеньем ряды не слишком густые,
Где собирался народ, еще малочисленный, скромный,
Знающий цену труду, известный строгостью нравов.
Только когда рубежи раздвинул народ-победитель,
Город обнес просторной стеной, и под праздник без страха
Начал с утра вином ублажать хранителя-бога,
Стала являться в ладах и напевах сугубая вольность:
Что в них мог понимать досужий невежда-крестьянин,
Сев, как мужик средь мужей, с горожанами чуткими рядом?!
Тут-то к былой простоте прибавились резвость и роскошь,
И зашагал по помосту флейтист, волоча одеянье;
Тут и у строгих струн явилися новые звуки;
Тут и слова налились красноречьем, дотоль небывалым,
Так что с этой поры и хор, как вещун и советник,
Стал в песнопеньях своих темней, чем дельфийский оракул.
А трагедийный поэт, за козла состязаясь в театре,
Стал заголять сатиров лихих, деревенскою шуткой

Неколебимую строгость смягчив,— и все потому, что
Были приманки нужны и новинки, которые любит
Зритель, после священных пиров и пьяный и буйный.
   Впрочем, даже самих сатиров, насмешников едких,
Так надлежит представлять, так смешивать важность и легкость,
Чтобы герой или бог, являясь меж ними на сцене,
Где он за час до того блистал в багрянице и злате,
Не опускался в своих речах до убогих притонов
И не витал в облаках, не чуя земли под ногами.
Легких стихов болтовни трагедия будет гнушаться:
Взоры потупив, она проскользнет меж резвых сатиров,
Словно под праздничный день матрона в обрядовой пляске.
Я бы, Пизоны, не стал писать в сатировских драмах
Только простые слова, в которых ни веса, ни блеска,
Я бы не стал избегать трагических красок настолько,
Чтобы нельзя уже было понять, говорит ли плутовка
Пифия, дерзкой рукой у Симона выудив деньги,
Или же верный Силен, кормилец и страж Диониса.
Я б из обычнейших слов сложил небывалую песню,
Так, чтоб казалась легка, но чтоб всякий потел да пыхтел бы,
Взявшись такую сложить: великую силу и важность
Можно и скромным словам придать расстановкой и связью.
Фавнам, покинувшим лес, поверьте, совсем не пристало
Так изъясняться, как тем, кто вырос на улицах Рима:
То услаждая себя стишком слащавым и звонким,
То громыхая в ушах похабною грязною бранью.
То и другое претит тому, у кого за душою
Званье, и род, и доход; и он в похвале не сойдется
С тем, кто привычен жевать горох да лузгать орехи.
   Долгий слог за кратким вослед называется ямбом:
Быстрая эта стопа, всегда выступая попарно,
Триметра имя дала стиху о шести удареньях.
Из одинаковых стоп состоял он когда-то; но после,
Чтобы весомей и медленней нашего слуха касаться,
Он под отеческий кров величавые принял спондеи,
Кротко для них потеснясь, за собою, однако, оставив
Место второе и место четвертое. Чистые ямбы
Редки у Акция в славных стихах, и у Энния редки
В триметрах тяжких его, под которыми гнутся подмостки,—
Что ж, тем хуже для них: это знак иль небрежной работы,

Или незнанья основ мастерства, что столь же постыдно.
Правда, не всякий ценитель расслышит нескладную строчку —
Даже и это для римских поэтов обидная вольность.
Значит ли это, что я начну писать как попало,
Стану ошибки свои выставлять напоказ беззаботно,
Зная, что все мне простят? Упреков, быть может, избегну,
Но не дождусь и похвал. Образцы нам — творения греков:
Ночью и днем листайте вы их неустанной рукою!
Если же ваши отцы хвалили и ритмы и шутки
Даже у Плавта,— ну что ж, такое в них было терпенье,
Можно даже сказать — их глупость, если мы сами
В силах умом отличить от изящного грубое слово
Или неправильный стих уловить на слух и на ощупь.
  Первым творенья свои посвятил трагической музе
Феспис, который возил представленья свои на телеге,
А исполнителям их он суслом вымазывал лица.
Только Эсхил облачил их в плащи, надел на них маски
И научил их ходить ногою, обутой в котурны,
По невысоким подмосткам, вещая высокие речи.
Дальше черед наступил комедии древней и славной:
Много похвал стяжала она, но, впав в своеволье,
Стала закон преступать, и тогда, по слову закона,
Хор в ней постыдно умолк, утратив право злоречья.
Наши поэты брались за драмы обоего рода
И заслужили по праву почет — особенно там, где
Смело решались они оставить прописи греков
И о себе о самих претексты писать и тогаты.
Думаю даже, что наш язык сравнялся бы славой
С доблестью наших побед, когда бы латинским поэтам
Их торопливость и лень не мешала отделывать строки.
Вы, о Помпилия кровь, не хвалите стиха, над которым
Много и дней и трудов не потратил напилок поэта,
Десятикратно пройдясь и вылощив гладко под ноготь!
  Как-то сказал Демокрит, что талант важнее ученья
И что закрыт Геликон для поэтов со здравым рассудком.
Не оттого ли теперь не хотят ни стричься, ни бриться
Наши певцы, сидят по углам и в баню не ходят,
Словно боясь потерять и званье и славу поэта,
Ежели голову вверят свою брадобрею Лицину,
Неизлечимую даже и трех Антикир чемерицей?

Ах, для чего я, глупец, по весне очищаюсь от желчи?
Кабы не это, писал бы и я не хуже любого!
Только зачем? Уж лучше мне быть, как камень точильный,
Тот, что совсем не остер, но делает острым железо:
Сам не творя, покажу я, в чем дар, в чем долг стихотворца,
Что ему средства дает, образует его и питает,
Что хорошо, что нет, где верный путь, где неверный.
  Мудрость — вот настоящих стихов исток и начало!
Всякий предмет тебе разъяснят философские книги,
А уяснится предмет — без труда и слова подберутся.
Тот, кто понял, в чем долг перед родиной, долг перед другом,
В чем состоит любовь к отцу, и к брату, и к гостю,
В чем заключается дело судьи, а в чем — полководца
Или мужей, что сидят, управляя, в высоком сенате,—
Тот для любого лица подберет подобающий облик.
Далее, я прикажу, чтоб ученый умел подражатель
Жизнь и нравы людей наблюдать для правдивости слога.
Драма, где мысли умны, а нравы очерчены метко,
Даже если в ней нет изящества, важности, блеска,
Больший имеет успех и держится дольше на сцене,
Нежели та, где одни пустые и звонкие строчки.
Грекам, грекам дались и мысли, и дар красноречья,
Ибо они всегда ценили одну только славу!
Ну, а у нас от ребяческих лет одно лишь в предмете:
Медный асс на сотню частей разделять без остатка!
«Сын Альбина, скажи: какая получится доля,
Если отнять одну от пяти двенадцатых асса?» —
«Треть!» — «Молодец! Не умрешь без гроша! А если прибавить?»
«...То половина!» — Корысть заползает, как ржавчина, в души:
Можно ли ждать, чтобы в душах таких слагалися песни,
Песни, кедровых достойные масл и ларцов кипарисных?
  Или стремится поэт к услаждению, или же к пользе,
Или надеется сразу достичь и того и другого.
Кратко скажи, что хочешь сказать: короткие речи
Легче уловит душа и в памяти крепче удержит,
Но не захочет хранить мелочей, для дела не нужных.
Выдумкой теша народ, выдумывай с истиной сходно
И не старайся, чтоб мы любому поверили вздору,
И не тащи живых малышей из прожорливых Ламий.
Строгих полки стариков в стихах лишь полезное ценят;

Быстрые всадники знать не хотят никаких поучений;
Всех соберет голоса, кто смешает приятное с пользой,
И услаждая людей, и на истинный путь наставляя.
Книга такая плывет за моря, приносит доходы
Для продавца, а творцу дарит долголетнюю славу.
Правда и то, что порой мы прощаем поэту ошибки:
Ведь не всегда и струна звенит, как мы бы хотели,
И отвечает смычку вместо звука высокого низким,
Да не всегда и стрела попадает туда, куда метит.
Вот почему не сержусь я, когда в стихах среди блеска
Несколько пятен мелькнут, плоды недостатка вниманья
Или природы людской — в ней нет совершенства. Однако
Плох тот книжный писец, который снова и снова,
Как его ни учи, повторяет все ту же ошибку,
Плох кифаред, на одной и той же фальшивящий ноте,—
Так же плох и поэт нерадивый, подобно Херилу:
Буду я рад, отыскав у него три сносные строчки,
Но рассержусь, когда задремать случится Гомеру —
Хоть и не грех ненадолго соснуть в столь длинной поэме.
Общее есть у стихов и картин: та издали лучше,
Эта — вблизи; одна пленяет сильней в полумраке,
Между тем как другая на вольном смотрится свете
И все равно не боится суда ценителей тонких;
Эта понравится вмиг, а иная — с десятого раза.
Старший из братьев! Хоть ты и сам от природы разумен,
И наставленья отца тебя разумному учат,
Все же послушай меня. В иных человечьих занятьях
Даже посредственность в дело идет: правовед и оратор,
Даже если один красноречьем уступит Мессале,
А другой — широтою познаний Касцеллию Авлу,
Все-таки оба в цене; а поэту посредственных строчек
Ввек не простят ни люди, ни боги, ни книжные лавки!
Как на богатом пиру нескладный напев музыкантов,
Мак в сардинском меду иль масло, жирное слишком,
Нам претят, ибо мы и без них пировали бы славно,—
Точно так и стихи, услада душевная наша,
От совершенства на шаг отступив, бездарными будут.
Кто не владеет мечом, тот не ходит на Марсово поле,
Кто не держал ни мяча, ни диска, не бегал, не прыгал,
Тот не пойдет состязаться, чтоб стать посмешищем людям.

Только стихи сочиняет любой, не боясь неуменья.
А почему бы и нет? Он не раб, он хорошего рода,
Всадником числится он, и в дурных делах не замечен.
Ты же, прошу, ничего не пиши без воли Минервы:
Вот тебе главный совет. А ежели что и напишешь —
Прежде всего покажи знатоку — такому, как Меций,
Или отцу, или мне; а потом до девятого года
Эти стихи сохраняй про себя: в неизданной книге
Можно хоть все зачеркнуть, а издашь — и словца не поправишь.
  Первым диких людей от грызни и от пищи кровавой
Стал отвращать Орфей, святой богов толкователь;
Вот почему говорят, что львов укрощал он и тигров.
И Амфион, говорят, фиванские складывал стены,
Двигая камни звуками струн и лирной мольбою
С места на место ведя. Такова была древняя мудрость:
Общее с частным добро разделять, со священным мирское,
Брак узаконить, конец положив своевольному блуду,
И укреплять города, и законы писать на скрижалях.
Вот откуда пришел почет к пророкам-поэтам
И к песнопениям их! А потом и Гомер знаменитый,
И Тиртей закалили мужей для воинственной брани,
Песней ведя их на бой; в стихи облеклись прорицанья
И наставленья на жизненный путь; пиерийские струны
Милость дарили царей, несли развлечение душам,
Отдых давали от тяжких трудов. Итак, не стыдися
Музы, искусницы в лирной игре, и певца-Аполлона!
  Что придает стихам красоту: талант иль наука?
Вечный вопрос! А по мне, ни старанье без божьего дара,
Ни дарованье без школы хорошей плодов не приносит:
Друг за друга держась, всегда и во всем они вместе.
Тот, кто решил на бегах обогнуть вожделенную мету,
Жил с малолетства в трудах, не знал ни Венеры, ни Вакха,
Много и мерз и потел; кто идет состязаться на флейтах,
Долго учился сперва и дрожал пред учителем строгим;
Нам же довольно сказать: «Я на диво стихи сочиняю —
Все остальное провал побери, а мне неприлично
Вдруг признаться, что я, не учась, чего-то не знаю».
  Как созывает глашатай народ к продаже имений,
Так и льстецов созывает поэт, к себе на поживу —
Тот, у кого за душой и поместий и денег немало.

Если умеет отвесть на пиру он место для гостя,
И поручительство дать бедняку, и вызволить в тяжбе
Тех, кто сам на суде не силен,— то вряд ли отыщет
Разницу он между лживым льстецом и подлинным другом.
Если ты дал или дашь клиенту богатый подарок,—
Не приглашай его слушать стихи,— он заранее полон
Счастья, он будет кричать: бесподобно, прекрасно, прелестно,
Будет краснеть и бледнеть, глаза отуманит слезою,
Будет подскакивать с места и оземь притопывать пяткой.
Как в похоронных рядах наемный плакальщик будет
Громче рыдать и заметней, чем тот, кто и вправду горюет,
Так всегда лицемер крикливей, чем честный хвалитель.
Видно, недаром у персов цари за полною чашей
Чистым пытают вином, желая узнать человека,
Верный он друг или нет. И если стихи ты слагаешь,
Остерегись лицемерных лжецов с их лисьей личиной.
Если Квинтилию ты читал свои сочиненья,
Он говорил: «Исправь-ка вот то и это словечко».
Ты возражал, что пытался не раз, но все понапрасну,—
Он предлагал зачеркнуть весь стих и пустить в перековку.
Если же ты начинал защищать неудачное место,
Вместо того чтоб его изменить,— он больше ни слова:
Можешь себя и творенья свои без соперников нежить!
Здравый и дельный ценитель бессильные строки осудит,
Грубым предъявит упрек, небрежные — черным пометит
Знаком, перо повернув, излишнюю пышность — урежет,
Там, где слишком темно,— прикажет света подбавить,
Там, где двусмысленность,— вмиг уличит, где исправить— укажет;
Строгий, как сам Аристарх, он не скажет: «Зачем же мне друга
Из пустяков обижать?» Пустяки-то к беде и приводят,
Если за них навсегда осмеют и отвергнут поэта.
Словно тот, кто коростой покрыт, или болен желтухой,
Или лишился ума, иль наказан гневливой Дианой,
Именно так ужасен для всех поэт полоумный —
Все от него врассыпную, лишь по следу свищут мальчишки.
Ежели он, повсюду бродя и рыгая стихами,
Вдруг, как тот птицелов, что̀ не впору на птиц загляделся,
Рухнет в яму иль ров,— то пускай он хоть лопнет от крика:
«Люди! На помощь! Скорей!» — никто и руки не поднимет,

Если же кто и начнет спускать ему в яму веревку,
Я удержу: «А что, если он провалился нарочно
И не желает спастись?» — и по этому поводу вспомню
Смерть Эмпедокла: «Поэт сицилийский, в отчаянной жажде
Богом бессмертным прослыть, хладнокровно в горящую Этну
Спрыгнул. Не будем лишать поэта права на гибель!
Разве не все равно, что спасти, что убить против воли?
Это не в первый уж раз он ищет блистательной смерти,—
Вытащишь, кинется вновь: ему уж не быть человеком.
Кроме того, ведь мы и не знаем, за что он наказан
Страстью стихи сочинять? Отца ль осквернил он могилу,
Молнии ль место попрал,— но лютует он хуже медведя,
Хуже медведя, что клетку взломал и ревет на свободе!»
Так от ретивых поэтов бегут и ученый и неуч;
Если ж поймает — конец: зачитает стихами до смерти
И не отстанет, пока не насытится кровью, пиявка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОДЫ ГОРАЦИЯ В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ

М. В. ЛОМОНОСОВ (1711—1765)

III, 30

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

Г. Р. ДЕРЖАВИН (1743—1816)

I, 10

Красноречивый внук Атласа,
Меркурий, дикий нрав смягчивший грубых смертных
И образ давший их движенью тел красивый
По правилам палестры!

Тебя, богов и Дия вестник,
Пою, обретшего выпуклозвонку лиру,
В уловках хитрого, искусного все в шутках
Похитить, скрыть, что хочешь.

Обманом некогда из стада,
Быв юн еще, волов ты свел у Аполлона,
И он, коль не отдашь, грозил; но, стрел вмиг в туле
Не взвидев, рассмеялся.

Ты щедрого в пути Приама
Был вождь, как он Пергам оставил, и, сквозь стана
Прошед врагов, избегнул лютых стражей
Фессальских и Атридов.

Вчиняя души благочестны
В селеньях радости и легкие их стаи
Гоняя золотым жезлом, ты всем приятен
Богам небес и ада.

В. В. КАПНИСТ (1757—1823)

III, 18

Охотник с Нимфами резвиться,
О Фавн! когда тебе случится
Пройти близ сада моего,

Приход да будет благодатен
И стаду моему приятен:
Ягненков пощади его.

Всегда, как только год кончаю,
Тебе козленка обрекаю;
Из чаши полныя ручьем
Вино, Кипридин друг, лиется,
И фимиам обильно жжется
На древнем олтаре твоем.

Когда декабрь ни возвратится,
С весельем стадо в луг стремится;
В селе все праздник твой святят.
Быки на паствах отдыхают,
И волки смирно там блуждают
Меж безбоязненных ягнят.

Какими ты пойдешь путями,
Лес усыпает их листами;
И виноделатель тогда
Веселу пляску затевает;
Стопами в землю ударяет,
Столь много стоющу труда.

И. И. ДМИТРИЕВ (1760—1837)

II, 16

Пловец под тучею нависшей,
Игралище морских валов,
Не зря звезды, ему светившей,
Покоя просит у богов.
К покою простирают длани
И Мидии роскошный сын,
И мужественный витязь в брани
Пространных Фракии долин.

При старости и жизни в цвете
Всегда в отраду нам покой,
Непокупаемый на свете
Ниже и пурпура ценой!
Нередко грусть и сильных гложет
В их позлащенных теремах,
И ревность ликторов не может
Отгнать от них заботы, страх.

Но кто же более проводит
В покое круг летящих дней?
Лишь тот, кто счастие находит
Среди семейства и друзей;
Приютной хижиной доволен,
Наследьем скромным от отца,
В желаньях строг, в деяньях волен
И без боязни ждет конца;

Чужд зависти, любостяжанья,
Днем весел, в ночь покойно спит!
Почто нам лишние желанья,
Коль смерть внезапу нас разит?
Почто от пристани пускаться
Во треволненный океан,
Бездомным сиротой скитаться
Под небосклоном чуждых стран?

Мать-родину свою оставишь,
Но от себя не убежишь:
Умолкнуть сердце не заставишь
И мук его не усмиришь!
Ни день, ни час не в нашей воле;
Счастливцев совершенных нет!
Так будем же в смиренной доле
Сносить равно и мрак и свет!

Ахилл толь рано жизнь оставит,
Титан два века будет жить:
Кто знает, чью из нас прибавит
Иль укоротит парка нить?

На пажитях твоих красивых
Пестреет стадом каждый луг
И ржание коней строптивых
Разносит гул далече вкруг.

Тебя богатство, знатность рода
В червлену ризу облекли;
А мне фортуна и природа
Послали в дар клочок земли;
Таланта искру к песнопенью
На лад любимых мной творцов
И равнодушие к сужденью
Толпы зоилов и глупцов.

В. А. ЖУКОВСКИЙ (1783—1852)

II, 3

Умерен, Делий, будь в печали
И в счастии не ослеплен:
На миг нам жизнь бессмертны дали;
Всем путь к Тенару проложен.
Хотя б заботы нас томили,
Хотя б токайское вино
Мы, нежася на дерне, пили —
Умрем: так Дием суждено.
Неси ж сюда, где тополь с ивой
Из ветвий соплетают кров,
Где вьется ручеек игривый
Среди излучистых брегов,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышащие миг.
О Делий, годы невозвратны:
Играй — пока нить дней твоих
У черной Парки под перстами;
Ударит час — всему конец:
Тогда прости и луг с стадами,

И твой из юных роз венец,
И соловья приятны трели
В лесу вечернею порой,
И звук пастушеской свирели,
И дом, и садик над рекой,
Где мы, при факеле Дианы,
Вокруг дернового стола,
Стучим стаканами в стаканы
И пьем из чистого стекла
В вине печалей всех забвенье;
Играй — таков есть мой совет;
Не годы жизнь, а наслажденье;
Кто счастье знал, тот жил сто лет;
Пусть быстрым, лишь бы светлым, током
Промчатся дни чрез жизни луг;
Пусть смерть зайдет к нам ненароком,
Как добрый, но *нежданный* друг.

А. С. ПУШКИН (1799—1837)

II, 7

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасной битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся, как бежал!

Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов,
Давайте чаши. Не жалей
Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф, хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

И. П. КРЕШЕВ (1824—1859)

I, 8

О, ради всех богов скажи мне, для чего
Так рано губишь ты любовью Сибарита?
Зачем на площади в жар не видать его,
Хоть не нужна ему ни в пыль, ни в зной защита?
Что ж между сверстников, доспехами звеня,
Не скачет он верхом и, натягув поводья,
Не укрощает бег строптивого коня?
Давно ли наш пловец боится мелководья?
Давно ли не блестит оливы сок на нем,
И, как ехидны кровь, противен стал атлету?
Иль уж оружие руке той не в подъем,
Которая копье бросала через мету?
Зачем он прячется, как, говорят, Ахилл,
Когда висела смерть над бедным Илионом,
Скрывался, чтоб мужской наряд не потащил
Его из неги в бой, к ликийским легионам?

I, 20

Простого выпьешь ты вина
Сабинских лоз из кружки бедной...
Амфора та заменена,
Когда в театре клик победный
Раздался, друг, на твой приход,
И тяжкий гром рукоплесканий
Дрожал на лоне отчих вод
И замирал на Ватикане.
Ты у себя в чертогах пей
Сок виноградников Калена,
А в чаше не кипят моей
Ни Формий, ни Фалерна пена.

I, 22

Кто праведно живет и чист от злобных дел,
Тому ни дротиков, ни лука, друг, не надо,
Ни отягченного колчана едких стрел,
Стрел, напоенных влагой яда;

По знойным ли пескам береговых мелей
Пойдет он, посреди ль безлюдного Кавказа,
Или по той стране, где льется средь полей
Гидасп, известный из рассказа.

Так от бессильного меня бежал в лесу
Сабинском хищный волк, когда я в час досуга
Спокойно пел моей Лалагеи красу
И вдруг забрел за грани луга...

И что за страшный волк! Ни в глубине лесов
Суровой Давнии, где разрослися дубы,
Таких не видано, ни в колыбели львов,
Сухом, песчаном царстве Юбы.

Пошли меня в страну, где не живит дерев
На дремлющих полях отрадный воздух лета,
Где гонит облака упорный ветра гнев
И стужею земля одета;

Пошли меня туда, где колесница дня
Так близко пламя льет над почвою бездомной,
Везде Лалагея со мной, пленит меня
Улыбкой сладкой, речью томной.

I, 34

Презрев служение богам,
Блуждал я с мудростью безумной,
Довольно! Из пучины шумной
Направлю парус к берегам.
Я видел Зевса. Не на лоне
Свинцовых туч — в лазури дня
Громовые неслися кони
На крыльях бурного огня.
От бега тяжких колесниц
Шатнулись океана недры,
И тартар задрожал, и кедры
Повerглися главами ниц...
И я стоял, исполнен страха:
Я верил, что богов глагол
Возносит слабое из праха,
Срывая с гордых ореол.

А. А. ФЕТ (1820—1892)

I, 9

Ты видишь, как Соракт от снега побелел:
Леса под инеем, с повисшими ветвями,
Едва не ломятся, и ток оцепенел
От злого холода меж сонными брегами.

На очаге огонь широкий разведя,
Ты стужу прогони веселою пирушкой,
И пей, о Талиарх, подвалов не щадя,
Четырехлетнее вино сабинской кружкой.

А в прочем на богов бессмертных положись:
В тот час, когда они ветрам повелевают
Не бороздить морей — не дрогнет кипарис,
И старых ясеней вершины замолкают.

Что завтра принесет — не спрашивай! Лови
Минуты счастия душою благородной;
Не бегай, юноша, веселия любви,
Для сердца сладостной, и пляски хороводной.

Пока от седины угрюмой ты далек,
Теперь еще твое, по прихоти желанья,
Все: поле Марсово, и площадь, в вечерок
Любовь при шепоте условного свиданья —

И в темном уголке красотки молодой
Предатель звонкий смех, и вовремя проворно
Похищенный у ней с руки залог немой,
Иль с тонкого перста, упрямого притворно.

I, 14

Корабль, морской волной влечет тебя опять!
О, что же медлишь ты? Старайся порт занять.
Ужель не видишь ты, что силою ненастий
Бока обнажены, и перебиты снасти
Порывами ветров, что реи уж давно
На мачте стонут все, и все сокрушено?
Канаты лопнули, и остов килем старым
Не в силах более бороться с морем ярым!
Ни славным именем, ни родом издавна
Дочь гордая лесов, понтийская сосна,
Богов защитников в бедах не умолила:
В богах защиты нет, и лопнули ветрила.

Пловец, испуганный кипящею волной,
Не верит кораблю с расписанной кормой,
Ты ж берегися бурь седого океана,
Коль не желаешь быть игралищем оркана.
Недавно по тебе проникнут горем весь,
И сердцем преданный судьбе твоей поднесь,
Я говорю: страшись, беги морского тока,
У мраморных Циклад кипящего глубоко.

II, 3

Покой не забывай душевный сохранять
В минуты трудные, а также и веселий
Безумных в счастии старайся избегать.
Ведь все же смертен ты, о, Деллий!

Хоть целый век живи печален и угрюм,
Но праздник радостью встречай нелицемерной
И, лежа на траве, гоняй приливы дум
Старинной влагою Фалерна.

Где с белым тополем огромная сосна
На тень отрадную спешит соединиться
Ветвями длинными, и резвая волна
С трудом в излучинах струится,

Туда духов, вина и радостных цветов
Вели нам принести недолговечной розы...
Пока богат и юн, ты позабыть готов
Прядущих трех сестер угрозы.

Оставишь ты леса, что накупил, и дом,
И виллу, где волной прибрежной Тибр желтеет,
Оставишь навсегда, и нажитым добром
Твоим наследник завладеет,

Богат ли, род ли свой от Инаха ведешь,
Тут нет различия: иль, бедностью страдая,
Последним из граждан под солнцем ты живешь —
Ты жертва Орка роковая.

В одном и том же все мы свидимся краю;
Поздней ли, раньше ли, наш жребий без сознанья
Из урны выскочит и бросит нас в ладью
Для вековечного изгнанья.

II, 7

О ты, что смерти страх не раз со мной делил,
Когда нас Брут водил во времена былые,
Кто наконец тебя квиритом возвратил
Отеческим богам под небеса родные?
Помпей, товарищ мой, первейший из друзей,
С кем часто долгий день вином мы коротали
В венках, сирийский весь растративши елей,
Которым волоса душистые сияли!
С тобой я пережил Филиппы, при тебе
Бежал, бесславно щит свой покидая в страхе...
В тот день и мужество низвергнулось в борьбе,
И грозные бойцы в крови легли во прахе.
Но средь врагов меня, в туман сокрыв густой,
Испуганного спас Меркурий быстрокрылый,
Тебя ж в сражение за новою волной
Опять умчал прилив неотразимой силой.
Итак, обещанный Зевесу пир устрой,
И отдыха ищи для членов утомленных
Войною долгою, под лавр склонившись мой,—
Да не щади себе бутылок обреченных.
Массийской влагою разымчивой щедрей
Фиялы светлые наполни, и смелее
Из емких раковин благоуханья лей.
Кто позаботится достать плюща скорее,
Иль мирта для венков? Кого-то изберет
Венера во главу пирующего круга?
Со мной теперь любой эдонец не сопьет:
Так сладко буйствовать при возвращенье друга.

II, 10

Лициний, проживешь верней, когда спесиво
Не станешь в даль пучин прокладывать следов
Иль, устрашася бурь, держаться боязливо
Неверных берегов.

Златую кто избрал посредственность на долю,
Тот будет презирать, покоен до конца,
Лачугу грязную и пышную неволю
Завидного дворца.

Грозней дыханье бурь для исполинской ели,
И башни гордые с отвесной высоты
Тяжеле рушатся. Громам нет ближе цели,
Чем горные хребты.

Мудрец надеется, хоть угнетен судьбою,
И слепо счастию не станет доверять...
Юпитер, посетя суровою зимою,
Помилует опять.

Коль плохо нам теперь, не то же обещает
Грядущее: подчас пленяет цитры звон
Камену смолкшую — и лук свой напрягает
Не вечно Аполлон.

Отважен и могуч, не бойся ты несчастий,
Но мудро убирай, хоть ясны небеса,
Хотя попутен ветр, да не под силу снасти,
Тугие паруса.

II, 20

Необычайными и мощными крылами,
Ширяясь в воздухе, помчуся я, певец;
Изменится мой лик, расстанусь с городами
И зависти земной избегну наконец.
Что бедны у меня родители — ты знаешь,

Но разрушения их чадо избежит.
Меня, о Меценат, ты другом называешь —
И Стикс своей волной меня не окружит!
Рубчатой кожею, уж чувствую теперь я,
Покрылись голени, а по пояс я сам
Стал белой птицею, и молодые перья
По пальцам у меня растут и по плечам.
Уже несясь быстрей Дедалова Икара,
Босфор клокочущий я под собой узрел;
Гетульские сирты и край земного шара
Я певчей птицею на крыльях облетел.
Колхиец и гелон мне внемлет отдаленный,
И дак, скрывающий пред строем марзов страх —
И песнь мою почтит иберец просвещенный
И тот, кто пьет Родан в широких берегах.
Я не велю мой гроб рыданьями бесславить —
К чему нестройный плач и неприличный стон?
Уйми надгробный вой и прикажи оставить
Пустые почести роскошных похорон.

III, 30

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной
И зданий царственных превыше пирамид;
Его ни едкий дождь, ни Аквилон полночный,
Ни ряд бесчисленный годов не истребит.
Нет, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избегну похорон, и славный мой венец
Все будет зеленеть, доколе в Капитолий
С безмолвной девою верховный ходит жрец.
И скажут, что рожден, где Ауфид говорливый
Стремительно бежит, где средь безводных стран
С престола Давн судил народ трудолюбивый;
Что из ничтожества был славой я избран
За то, что первый я на голос эолийский
Свел песнь Италии. О, Мельпомена! свей
Заслуге гордой в честь сама венец дельфийский
И лавром увенчай руно моих кудрей.

П. Ф. ПОРФИРОВ (1870—1903)

II, 6

Септимий, к Кадису за мной пойти готовый,
К кантабрам ли, от нас не знающим оков,
В пустыни ль дикие, где плещет вал суровый
 У мавританских берегов!

О, если бы Тибур, что создан пришлецами
Аргосскими, призрел меня на склоне дней,
Меня, измученного сушей, и морями,
 И службой воинской моей.

Отсюда, если мне откажут парки злые,
Пойду, где славится шерсть тонкая овец,
К Галезу, к пажитям, где правил в дни былые
 Фалант — Лаконии пришлец.

Мне улыбается тот уголок счастливый,
Где и гиметскому не уступает мед,
Где, споря зеленью с венафрскою оливой,
 Олива пышная растет,

Где долгую весну за теплою зимою
Юпитер даровал, и где авлонский скат
Мил Вакху щедрому и славится лозою,
 И, как Фалерн, лозой богат.

Та местность, тех холмов приют благословенный
Тебя зовут со мной: там, верный до конца,
Слезою дружеской почтишь ты пепел бренный
 Товарища-певца.

II, 11

Какие замыслы таит кантабр иль скиф,
От нас адрийскими волнами отделенный,—
Брось думать, Квинт Гирпин, и в жизни обыденной
 Не суетись, сообразив,

Как мало нужно нам. Умчится без возврата
И свежесть и краса,— прогонит седина
Забавы резвые любви и сладость сна —
Сна, безмятежного когда-то.

Не век красуются весенние цветы,
Багряный лик луны не блещет неизменный:
Так для чего, скажи, томишься только ты
Заботой вечной в жизни бренной?

И отчего бы здесь, тревоги позабыв,
Прилегши под сосной иль явором склоненным,
Не выпить, розою седины надушив,
Натершись нардом благовонным?

Заботы тяжкие размыкает Эвой.
Эй, кто там? Отроки, скорей сюда бегите
И огненный фалерн в бокалах остудите
Мимобегущею волной!

Да Лиду — тайную прелестницу — живее
Из дома вызвать к нам: чтоб с лирою пришла,
А кудри пышные простым узлом скорее
Хоть по-спартански заплела.

III, 2

Пусть отрок, службою суровой закаленный,
Научится дружить с тяжелою нуждой
И, страшный меткостью копья, пусть будет конный
Кичливым парфянам грозой.

Без крова пусть живет, опасность презирая;
Тогда-то, глядя в бой с враждующей стены,
Невеста — дочь царя— с царицею, бледны,
Промолвят, трепетно вздыхая:

«Ах, только б не вступил жених наш слабый в бой
С львом — страшным, если кто его при встрече тронет,
Чей кровожадный гнев его в пыл сечи гонит
Неудержимо за собой».

Приятна и красна нам смерть за край отцов,
Но смерть преследует и воинов трусливых,
Не пощадит она и юношей пугливых,
Ни ног, ни спин у беглецов.

Постыдных неудач не зная в день избранья,
Сияет мужество красой заслуг своих,
И не берет секир по прихоти собранья,
И не по прихоти его слагает их.

Достойным вечности храм неба отверзая,
Подъемлет доблесть путь, отверженный толпой,
И презирает, ввысь на крыльях отлетая,
И шум толпы, и дол земной.

Награда также ждет того, кто в тайнах верен.
Явивший таинство Цереры пред толпой
Не будет никогда под кровлею со мной,
С тем плыть я в море не намерен

На утлом челноке: разгневавшись, карал
Юпитер грешного подчас с невинным вместе,
И редко, хоть хрома богиня правой мести,
Злодей от кары ускользал.

IV, 3

Над чьим рожденьем, Мельпомена,
Остановила ты взгляд милостивый свой,
Тому истмийская арена
Не даст прославиться кулачною борьбой,

Того в ахейской колеснице
Конь быстрокрылый к нам в триумфе не помчит,—
И не предстанет он столице,
Делийскою листвой торжественно повит

За то, что смял царей грозящих;
Но воды, что бегут у пышных берегов
Тибура, сень дубрав шумящих
Вдохнут ему красу эольских славных строф.

Так, в городе старейшем — Риме
Признала молодежь меня певцом своим
Между поэтами родными,—
И завистью людской я менее язвим.

О, в песнопении чудесном
На лире золотой привыкшая царить,
О, муза, рыбам бессловесным
Песнь лебединую могущая внушить!

Когда прохожий мановеньем
Укажет на меня: вот наш певец родной! —
Пою ль и нравлюсь вдохновеньем,—
Все это от тебя, все — дар твой преблагой.

ВЕКОВОЙ ГИМН

Феб и Диана, царица лесная,
О лучезарные светочи неба, внемлите.
Чтимые ныне и вечно! о чем мы вас молим, взывая,
Нам ниспошлите.

Ныне велят предсказанья Сивиллы —
Избранным девам и отрокам чистым смиренно
Гимном всевышних, кому семь холмов наших милы,
Петь вдохновенно.

Солнце благое! приводишь — уводишь
Ты с колесницей блестящею дни, возрождаяся снова,
И неизменное вечно, о, пусть ты славней не находишь
Рима родного!

О, Илифия! — рождать без болезней
Ты матерям помогаешь своею заботой немалой,
Хочешь ли зваться в молитвах Люциною, или любезней
Слыть Гениталой,—

Юных взрасти под родимым покровом,
Благослови, о богиня, сенаторов думных решенье,
Пусть оно с брачным законом еще поколениям новым
Даст приращенье,

Чтобы, как в годы минувшие, вечно
Каждые сто десять лет песнопенья и игры звучали,
Чтобы три солнечных дня, три отрадные ночи беспечно
Все ликовали.

О, непреложные Парки, внимайте,
Ваши незыблемы речи в стремлении мимобегущем;
Ваши для нас повеленья свершились, отныне подайте
Счастья в грядущем.

Долы, обильные стадом и нивой,
Пусть из колосьев сплетают Церере венок ароматный,
Пусть посылает Юпитер плодам ветерок шаловливый,
Дождь благодатный.

Спрячь, Аполлон, свои стрелы в колчане,
Внемли, и кроткий, и благостный, отроков чистых напевам,
Внемли, Луна, о, царица двурогая в звездной поляне,
Славящим девам.

Если вы создали Рим — повелели,
Чтобы на берег этрусский приплыли троянцы толпою —
Те, что по воле богов для далекой оставили цели
Домы и Трою,

Те, кому в пламени Трои пылавшей
Правил Эней безупречный, отчизну свою переживший,
Путь по свободной стихии, иную судьбу прозревавший,
Лучшую бывшей,—

Боги, вы юношам — добрые нравы,
Боги, вы старости ясной покой безмятежный пошлите,
Ромула внукам — потомства, и мощь, и сияние славы
Вечно дарите.

Дайте тому, кто, грозящих смиряя,
К слабому милостив, славный потомок Анхиза с Венерой,
Все, что он просит в молитве, здесь белых быков закалая,
С искренней верой.

Вот уж в морях и на суше хвастливый
Парфянин грозной десницы и римской секиры страшится,
Все исполнять повеленья индиец и скиф горделивый
В страхе стремится.

Вот уж и верность, и мир перед нами,
Честность, стыдливость былая, забытая доблесть дерзает
К нам возвратиться обратно, и рог изобилья плодами
Нас осыпает.

Если украшенный блещущим луком
Феб, прорицатель неложный и муз девяти вдохновитель,
Лирой своею искусной телесным недугам и мукам
Добрый целитель,

Если он узрит теперь, благосклонный,
Здесь алтари Палатина,— он Рима могучее счастье
И благоденствие наше продлит до поры отдаленной,
Полный участья.

С ним и Диана — царица благая
На Авентине, Алгиде — пятнадцать мужей предстоящих
Примет, детей не оставит, внимательный слух преклоняя,
Песнь возносящих.

Мирно домой возвращаюся ясный,
С верою, что и Юпитер и боги приняли моленье,
Где и Диане и Фебу вознес ныне хор наш согласный
Славу хваленья.

И. Ф. АННЕНСКИЙ (1856—1909)

III, 26

Давно ль бойца страшились жены
И славил девы нежный стон?..
И вот уж он, мой заслуженный,
С любовной снастью барбитон

О левый бок Рожденной в пене
Сложите, отроки, скорей
И факел мой, разивший тени,
И лом, и лук — грозу дверей!

Но ты, о радость Кипра, ты,
В бесснежном славима Мемфисе,
Хоть раз стрекалом с высоты
До Хлои дерзостной косиси.

А. А. БЛОК (1880—1921)

II, 20

Не на простых крылах, на мощных я взлечу,
Поэт-пророк, в чистейшие глубины,
Я зависти далек, и больше не хочу
Земного бытия, и города́ покину.

Не я, бедняк, рожденный средь утрат,
Исчезну навсегда, и не меня, я знаю,
Кого возлюбленным зовешь ты, Меценат,
Предаст забвенью Стикс, волною покрывая.

Уже бежит, бежит шершавый мой убор
По голеням, и вверх, и тело человечье
Лебяжьим я сменил, и крылья лишь простер,
Весь оперился стан — и руки, и заплечья.

Уж безопасней, чем Икар, Дэдалов сын,
Бросаю звонкий клич над ропщущим Босфором,
Минуя дальний край полунощных равнин,
Гетульские Сирты окидываю взором,

Меня послышит Дак, таящий страх войны
С Марсийским племенем, и дальние Гелоны,
Изучат и узрят Иберии сыны,
Не чуждые стихов, и пьющий воды Роны.

Смолкай, позорный плач! Уйми, о, Меценат,
Все стоны похорон,— печали места нету,
Зане и смерти нет. Пускай же прекратят
Надгробные хвалы, не нужные поэту.

КОММЕНТАРИИ

СТИХОТВОРНЫЕ РАЗМЕРЫ ГОРАЦИЯ

Античное стихосложение не было похоже на русское. В русском стихе ритм образуется правильным чередованием ударных и безударных слогов. В античном стихе ритм образовался правильным чередованием долгих и кратких слогов: в греческом и латинском языке слоги могли быть долгими и краткими независимо от ударения. Считалось, что долгий слог звучит вдвое дольше краткого. Повторяющаяся группа долгих и кратких слогов называлась стопой.

Стихотворные строки, употреблявшиеся в античной поэзии, были более простые и более сложные. Более простые стихи образовались повторением одной и той же стопы. Таков дактилический гексаметр (шестистопный дактиль) или ямбический триметр (шестистопный ямб). Такие стихи обычно не объединялись в строфы. Более сложные стихи образовались сочетанием разных стоп. Таков, например, сапфический стих (последовательность двух хореев, дактиля и еще двух хореев), алкеев стих, асклепиадов стих и большинство других стихов, используемых Горацием. Такие стихи обычно объединялись в строфы — двустишные (в эподах) или четверостишные (в одах). Стихи и строфы носили названия по имени греческих поэтов, впервые их применивших.

Точное звучание античного стиха не может быть передано по-русски, так как долгих и кратких слогов, независимых от ударения, в русском языке нет. Поэтому русские переводчики передают античные ритмы условно, заменяя чередование долгих и кратких слогов чередованием ударных и безударных слогов. Принципы этой замены ясны из нижеследующего перечня, в котором схемы размеров даны античные, а примеры звучания — русские.

В схемах размеров приняты следующие условные обозначения. Долгий слог обозначается знаком —, краткий — знаком ⏑; слог, который может быть безразлично и долгим и кратким,— ⏓; долгий слог, который может заменяться двумя краткими (в гексаметре),— ⏕. Знаком —́ обозначены те долгие слоги, на которые (в традиционном чтении) падает усиленное ритмическое ударение. Знаком || обозначается цезура — обязательный междусловесный перерыв с приостановкой голоса в чтении.

ОДЫ

написаны четверостишными строфами тринадцати видов.

1. *Первая асклепиадова строфа.* Состоит из четыре раза повторяющегося «асклепиадова стиха»:

— — —́ ⏑ ⏑ —́ || —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ ⏓

Пример:

Славный внук, Меценат, праотцев царственных,
О отрада моя, честь и прибежище!
Есть такие, кому высшее счастие —
Пыль арены взметать в беге увертливом...

Встречается: I, 1; III, 30 и IV, 8, причем в последнем случае четверостишное строение строф нарушено.

2. *Вторая асклепиадова строфа.* Состоит из трех «асклепиадовых стихов» и одного «гликонея»:

— — —́ ⏑ ⏑ —́ || —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ ⏓
— — —́ ⏑ ⏑ —́ || —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ ⏓
— — —́ ⏑ ⏑ —́ || —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ ⏓
— — —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ ⏓

Пример:

Пусть тебя, храбреца многопобедного
Варий славит — орел в песнях Меонии
За дружины лихой подвиги на море
И на суше с тобой, вождем!

Встречается: I, 6, 15, 24, 33; II, 12; III, 10, 16; IV, 5, 12.

3. *Третья асклепиадова строфа* (по другому счету — *четвертая).* Состоит из двух «асклепиадовых стихов», одного «ферекратея» и одного «гликонея»:

— — —́ ⏑ ⏑ —́ || —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ ⏓
— — —́ ⏑ ⏑ —́ || —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ ⏓
— — —́ ⏑ ⏑ —́ ⏓
— — —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ ⏓

Пример:

> Кто тот юноша был, Пирра, признайся мне,
> Что тебя обнимал в гроте приветливом,
> Весь в цветах, в ароматах,
> Для кого завязала ты...

Встречается: I, 5, 14, 21, 23; III, 7, 13; IV, 13.

4. *Четвертая асклепиадова строфа* (по другому счету — *третья*). Состоит из дважды повторяющихся «гликонея» и «асклепиадова стиха»:

— — —́ ∪ ∪ —́ ∪ ⏓
— — —́ ∪ ∪ —́ || —́ ∪ ∪ —́ ∪ ⏓
— — —́ ∪ ∪ —́ ∪ ⏓
— — —́ ∪ ∪ —́ || —́ ∪ ∪ —́ ∪ ⏓

Пример:

> Пусть, корабль, поведут тебя
> Мать-Киприда и свет братьев Елены — звезд!
> Пусть Эол, властелин ветров
> Всем прикажет не дуть, кроме попутного!

Встречается: I, 3, 13, 19, 36; III, 9, 15, 19, 24, 25, 28; IV, 1, 3.

5. *Пятая асклепиадова строфа.* Состоит из четыре раза повторяющегося «большого асклепиадова стиха»:

— — —́ ∪ ∪ —́ || —́ ∪ ∪ —́ || —́ ∪ ∪ —́ ∪ ⏓

Пример:

> Не расспрашивай ты: ведать грешно, мне и тебе, какой,
> Левконоя, пошлют боги конец; и вавилонские
> Числа ты не пытай. Лучше терпеть, что бы ни ждало нас:
> Дал Юпитер в удел много ль нам зим, или последнюю...

6. *Сапфическая строфа.* Состоит из трех «сапфических стихов» и одного «адония»:

—́ ∪ —́ — —́ || ∪ ∪ —́ ∪ —́ ⏓
—́ ∪ —́ — —́ || ∪ ∪ —́ ∪ —́ ⏓
—́ ∪ —́ — —́ || ∪ ∪ —́ ∪ —́ ⏓
—́ ∪ ∪ —́ ⏓

Пример:

> Вдосталь снега слал и зловещим градом
> Землю бил Отец и смутил весь Город,
> Ринув в кремль святой грозовые стрелы
> Огненной дланью.

Встречается: I, 2, 10, 12, 20, 22, 25, 30, 32, 38; II, 2, 4, 6, 8, 10, 16; III, 8, 11, 14, 18, 20, 22, 27; IV, 2, 6, 11; Юбилейный гимн.

7. *Большая сапфическая строфа.* Состоит из дважды повторенных «аристофанова стиха» и «большого сапфического»:

–́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ –́ – –́ ‖ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ –́ – –́ ‖ ⏑ ⏑ –́ ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓

Пример:

Ради богов бессмертных,
  Лидия, скажи: для чего ты Сибариса губишь
Страстью своей? Зачем он
  Стал чуждаться игр, не терпя пыли арены знойной...

Встречается: I, 8.

8. *Алкеева строфа.* Состоит из двух «алкеевых одиннадцатисложников», одного «алкеева девятисложника» и одного «алкеева десятисложника»:

⏓ –́ ⏑ –́ – ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏓
⏓ –́ ⏑ –́ – ‖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏓
⏓ –́ ⏑ –́ – –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓

Пример:

О дочь, красою мать превзошедшая,
Сама придумай казнь надлежащую
  Моим злословья полным ямбам:
    В волнах морских иль в огне — где хочешь!

Встречается: I, 9, 16, 17, 26, 27, 29, 31, 34, 35, 37; II, 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 17, 19, 20; III, 1—6, 17, 21, 23, 26, 29; IV, 4, 9, 14, 15.

9. *Архилохова первая строфа* (по другой терминологии — *алкманова*). Состоит из дактилических гексаметра и тетраметра:

–́ ⏕ –́ ⏕ –́ ‖ ⏕ –́ ⏕ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏕ –́ ⏕ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏕ –́ ⏕ –́ ‖ ⏕ –́ ⏕ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏕ –́ ⏕ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏓

Пример:

Пусть, кто хочет, поет дивный Родос, поет Митилену,
  Или Эфес, иль Коринф у двуморья,
Вакховы Фивы поет, иль поет Аполлоновы Дельфы,
  Или дубравы Темпейской долины.

Встречается: I, 7, 28.

10. *Архилохова вторая строфа* (по другому счету — *первая).* Состоит из дактилического гексаметра и дактилического диметра:

–́ ⏖ –́ ⏖ –́ || ⏖ –́ ⏖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́
–́ ⏖ –́ ⏖ –́ || ⏖ –́ ⏖ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́

Пример:

С гор сбежали снега, зеленеют луга муравою,
Кудрями кроется лес;
В новом наряде земля, и рекам снова просторно
Воды струить в берегах.

Встречается: IV, 7.

11. *Архилохова третья строфа* (по другому счету — *вторая*). Состоит из «архилóхова стиха» и усеченного ямбического триметра:

–́ ⏖ –́ ⏖ –́ || ⏖ –́ ⏑ ⏑ || –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
– –́ ⏑ –́ ⏑ || –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏖ –́ ⏖ –́ || ⏖ –́ ⏑ ⏑ || –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑
– –́ ⏑ –́ ⏑ || –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓

Пример:

Злая сдается зима, сменяяся вешней лаской ветра;
Влекут на блоках высохшие днища;
Скот затомился в хлевах, а пахарю стал огонь не нужен;
Луга седой не убеляет инеей.

Встречается: I, 4.

12. *Гиппонактова строфа.* Состоит из дважды повторенных усеченного трохаического диметра и усеченного ямбического триметра:

–́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ ⏓
⏓ – ⏑ – ⏓ || –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓
–́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ ⏓
⏓ –́ ⏑ –́ ⏓ || –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏓

Пример:

У меня ни золотом,
Ни белой костью потолки не блещут;
Нет из дальней Африки
Колонн, гиметтским мрамором венчанных.

Встречается: II, 18.

13. *Ионический декаметр:* на русском языке обычно передается хореем:

∪ ∪ — — ∪ ∪ — — ∪ ∪ — — ∪ ∪ — —
∪ ∪ — — ∪ ∪ — — ∪ ∪ — — ∪ ∪ — —
∪ ∪ — — ∪ ∪ — —

Пример:

Дева бедная не может ни Амуру дать простора,
Ни вином прогнать кручину, но должна бояться дяди
Всебичующих упреков.

Встречается: III, 12.

ЭПОДЫ,

за исключением последнего, написанного ямбическим триметром, все написаны двустишными строфами следующего состава.

1. *Ямбические эподы* — ямбический триметр с диметром:

⏓ —́ ∪ —́ ⏓ ‖ —́ ∪ —́ ⏓ —́ ∪ ⏓
⏓ —́ ∪ —́ ⏓ —́ ∪ ⏓

Пример:

Куда, куда вы рушитесь, преступные,
Мечи в безумье выхватив?

Встречается: I, 10.

2. *Элегиямбические эподы* — ямбический триметр с «элегиямбом»:

⏓ —́ ∪ —́ ⏓ ‖ —́ ∪ —́ ⏓ —́ ∪ ⏓
—́ ⏕ —́ ⏕ —́ ‖ ⏓ —́ ∪ —́ ⏓ —́ ∪ ⏓

Пример:

Теперь, как прежде, Петтий, мне писать стишки
Радости нет никакой, когда пронзен любовью я.

Встречается: 11.

3. *Дактилические эподы* — дактилический гексаметр с дактилическим тетраметром:

—́ ⏕ —́ ⏕ —́ ‖ ⏕ —́ ⏕ —́ ∪ ∪ —́ ⏓
—́ ∪ ∪ —́ ∪ ∪ —́ ∪ ∪ —́ ⏓

Встречается: 12.

4. *Ямбэлегические эподы* — дактилический гексаметр с «ямбэлегом»:

–́ ⏕ –́ ⏕ –́ ‖ ⏕ –́ ⏕ –́ ∪ ∪ –́ ⏓
⏓ –́ ∪ –́ ⏓ –́ ∪ –́ ‖ –́ ∪ ∪ –́ ∪ ∪ ⏓́

Пример:

Грозным ненастием свод небес затянуло: Юпитер
Низводит с неба снег и дождь: стонут и море и лес.

Встречается: 13.

5. *Пифиямбические эподы (I)* — дактилический гексаметр с ямбическим диметром:

–́ ⏕ –́ ⏕ –́ ‖ ⏕ –́ ⏕ –́ ∪ ∪ –́ ⏓
⏓ –́ ∪ –́ ⏓ –́ ∪ ⏓

Пример:

Ночью то было: луна сияла с прозрачного неба
Среди мерцанья звездного.

Встречается: 14, 15.

6. *Пифиямбические эподы (II)* — дактилический гексаметр с ямбическим триметром:

–́ ⏕ –́ ⏕ –́ ‖ ⏕ –́ ⏕ –́ ∪ ∪ –́ ⏓
⏓ –́ ∪ –́ ⏓ ‖ –́ ∪ –́ ⏓ –́ ∪ ⏓

Пример:

Вот уже два поколенья томятся гражданской войною,
И Рим своею силой разрушается.

Встречается: 16.

САТИРЫ, ПОСЛАНИЯ И «НАУКА ПОЭЗИИ»

написаны дактилическим гексаметром.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОДЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

ОДА 1

Размер — I асклепиадова строфа.

Ст. 8. *Квириты* — официальное название римских граждан.

Ст. 13. *...пергамских царей...* — Пергам — богатое царство в Малой Азии.

Ст. 34. *...лиру лесбийскую...* — Лира названа так в память о лесбосских поэтах Алкее и Сапфо.

ОДА 2

Размер — сапфическая строфа. Вначале описываются последовавшие за убийством Цезаря грозы и разлив Тибра, напоминающий поэту мифический потоп Девкалиона и Пирры.

Ст. 20. *Илия* — супруга Тибра, Рея Сильвия, мать Ромула и Рема.

Ст. 41. *Майя* — мать Меркурия, земным воплощением которого, по мысли стихотворения, является Август.

ОДА 3

На отъезд поэта Вергилия в Афины. Размер — IV асклепиадова строфа.

Ст. 14. *Льющих ливни Гиад...* — Восход Гиад означал наступление дождливой зимы.

Ст. 20. *Акрокеравний* — скалистый мыс при входе в Адриатическое море.

ОДА 4

Размер — III архилохова строфа.

ОДА 5

Размер — III асклепиадова строфа. Гораций сравнивает Пирру с неверным морем, а себя — с пловцом, который, спасшись из бури, по обычаю, приносит свою одежду в храм Нептуна, надписью благодаря бога за спасение.

ОДА 6

Размер — II асклепиадова строфа.

Агриппа — лучший полководец Августа.

Ст. 2. *Меония* — область Малой Азии, считавшаяся родиной Гомера, с которым сравнивается эпик *Варий,* друг Горация.

ОДА 7

Размер — I архилохова строфа.

Мунаций Планк — полководец и политик, последовательно служивший и изменявший Помпею, Цезарю, Октавиану, Антонию и вновь Октавиану.

Ст. 20. *Тибур* — основанный легендарным *Тибурном,* с рекою *Анио* и ручьем *Альбунеей* — модное дачное место в 25 километрах от Рима.

ОДА 8

Размер — большая сапфическая строфа.

ОДА 9

Размер — алкеева строфа.

Ст. 2. *Соракт* — гора в Средней Италии.

ОДА 10

Размер — сапфическая строфа. Поэт обращается к Меркурию как к просветителю людей, учредителю гимнастических

игр, вестнику богов, изобретателю лиры и проводнику душ в Аид.

Ст. 13. сл. *Ты Приама вел...* — Имеется в виду XXII книга «Илиады».

ОДА 11

Размер — V асклепиадова строфа.

Ст. 3. *Вавилонские таблицы* служили для гадания.

ОДА 12

Размер — сапфическая строфа.

Клио — муза истории, дающая славу в веках. Перечисляются боги, затем герои, затем вожди Древнего Рима, наконец, Август, «второй после Юпитера», с его предполагаемым наследником Марцеллом.

Ст. 14. *Отец* — Юпитер.

Ст. 22. *Дева* — Диана.

Ст. 26. *Близнецы* — Кастор и Поллукс.

Ст. 28. *Белым сияньем...* — Имеются в виду огни святого Эльма.

Ст. 35. *Приска — гордые пучки* — фасции (фаски) — пучки розог со вставленными в них секирами, знак верховной власти, введенный царем Тарквинием *Приском*.

ОДА 13

Размер — IV асклепиадова строфа.

ОДА 14

Размер — алкеева строфа.

Республика аллегорически изображена в виде гибнущего корабля.

Ст. 20. *Циклады* — каменистые острова Эгейского моря.

ОДА 15

Размер — II асклепиадова строфа.

Античные комментаторы видели в образах Париса и Елены намек на Антония и Клеопатру.

Ст. 3. *Нерей* — прорицающий о Троянской войне и гибели Трои морской бог, отец Фетиды и дед Ахилла.

ОДА 16

Размер — алкеева строфа.

Палинодия — покаянное стихотворение; написано в честь неизвестной женщины, которую Гораций бичевал когда-то в не дошедших до нас ямбах (по домыслу античных комментаторов — в честь колдуньи Канидии, ср. эпод 19, 42—44).

ОДА 17

Размер — алкеева строфа.

Ст. 1. *Лукретил,* как и *Устика* (ст. 10) — гора и холмы близ сабинской виллы Горация.

Ст. 2. *Ликей* — гора в Аркадии, посвященная Сильвану (Пану).

Ст. 18. *Теосский лад* — анакреонтический (Анакреонт был уроженцем Теоса).

ОДА 18

Размер — V асклепиадова строфа.

Ст. 2. *Катил* — один из легендарных основателей Тибура.

Ст. 13. *Тимпан* и *рог* — музыкальные инструменты вакхического культа.

ОДА 19

Размер — IV асклепиадова строфа.

Ст. 1. *Мать Страстей* — Венера.

Ст. 14. *Дерна свежего...* — Из дерна складывались простые алтари.

ОДА 20

Размер — сапфическая строфа.

Воспоминание о том, как в 30 году до н. э., когда Меценат впервые после тяжкой болезни появился в театре, народ встретил его рукоплесканиями.

Ст. 9—11. *Цекуб, Кален, Фалерн, Формий* — места, где выделывались дорогие вина.

ОДА 21

Размер — III асклепиадова строфа.

ОДА 22

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 8. *Гидасп* — приток Инда.

Ст. 14. *Давния* — Апулия.

ОДА 23

Размер — III асклепиадова строфа.

ОДА 24

Размер — II асклепиадова строфа.

Квинтилий Вар — критик, друг Вергилия и Горация, умерший в 24 году до н. э.

ОДА 25

Размер — сапфическая строфа.

ОДА 26

Размер — алкеева строфа.

Ст. 6. *Пиерия* — область во Фракии, родина Муз.

ОДА 27

Размер — алкеева строфа.

Ст. 2, 6. *Фракийским* обычаем было пить до потери сознания, *мидийским* — не снимать кинжала даже на пиру.

Ст. 21. *...ведьма Фессалии...* — Фессалия славилась колдуньями.

Ст. 23. *Химера* — трехтелое чудовище, с которым герой Беллерофонт бился верхом на *Пегасе.*

ОДА 28

Размер — I архилохова строфа. Ода написана от лица моряка, погибшего в буре и выброшенного на берег близ древней гробницы тарентского математика Архита (IV в. до н. э.): в ст. 1—20 он обращается к Архиту, в ст. 21—36 — к проезжим морякам с просьбой похоронить его тело.

Ст. 10. *Пантоид* — имя троянца; Пифагор, последователем которого был Архит, утверждал, будто в него переселилась душа Пантоида, и в доказательство угадал щит Пантоида среди многих щитов, прибитых к храмовой стене.

ОДА 29

Размер — алкеева строфа.

Ст. 2—3. *...войной грозишь царям... Савы...* — Римский поход на *Савское* царство в Счастливой Аравии (Йемен) был предпринят в 24 году до н. э.; до Ирана (страны *мидян,* ст. 4) и Китая (страны *серов* — ст. 9) он, конечно, не достиг.

Ст. 13. *Панэтий* — философ-стоик II века до н. э.

ОДА 30

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 1. *Книд* в Малой Азии и *Паф* (Пафос) на Кипре — главные места почитания Венеры.

ОДА 31

Размер — алкеева строфа.

Ст. 8. *Лирис* — река в Кампании, самой плодородной области Италии.

ОДА 32

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 5—6. *Лесбосский... гражданин* — поэт Алкей.

ОДА 33

Размер — II асклепиадова строфа. *Альбий Тибулл* — поэт-элегик, младший современник Горация; однако имя Гликеры в сохранившихся его стихах не упоминается.

ОДА 34

Размер — алкеева строфа.

Ст. 2. *Безумная мудрость* — учение эпикурейцев, считав-

ших, что боги не заботятся о людских делах. Удар грома с ясного неба заставляет поэта думать иначе.

Ст. 5. *Диеспитер* — торжественное имя Юпитера.

ОДА 35

Размер — алкеева строфа.

Ст. 1. *Антий* — город в Лации с известным храмом Фортуны.

Ст. 30. *В войне британской...* — Британский поход *Цезаря* (т. е. Октавиана) замышлялся в 26 году до н. э.

Ст. 40. *Массагеты* — скифское племя.

ОДА 36

Размер — IV асклепиадова строфа. Испанский поход Августа был предпринят в 27—24 годах до н. э.

Ст. 12. *Салии* — жрецы, совершавшие ритуальную пляску в честь Марса.

ОДА 37

Размер — алкеева строфа. Описывается поход Клеопатры с Антонием против Цезаря (Октавиана), их бегство после битвы при Акции и самоубийство Клеопатры.

Ст. 3. *Угощения* ставились перед статуями богов при благодарственных молебствиях.

ОДА 38

Размер — сапфическая строфа.

КНИГА ВТОРАЯ

ОДА 1

Размер — алкеева строфа.

Азиний Поллион — полководец (ст. 15—16), сенатор (ст. 13—14), автор трагедий; ода написана в связи с тем, что Азиний взялся писать историю гражданских войн — с 60 года до н. э., когда в консульство *Метелла* был заключен первый *союз вождей* — триумвират — против республики.

Ст. 12. *...котурн Кекропа...* — Кекроп — царь Афин, родины трагедии.

Ст. 24. Самоубийство *Катона* Младшего, не пожелавшего пережить поражения республики и подчиниться Цезарю, было одним из самых драматических моментов гражданских войн.

Ст. 25. *Афры* — африканцы, т. е. карфагеняне и нумидийцы (их царем был *Югурта,* ст. 28), самые упорные враги Рима; их покровительницей считалась Юнона.

Ст. 32. *Гесперия* — Италия.

Ст. 38. *Кеосский плач* — скорбные песнопения в духе поэта Симонида Кеосского (V в. до н. э.).

Ст. 39—40. *Плектр* — смычок для игры на лире. *Диона* — Венера.

ОДА 2

Размер — сапфическая строфа.

Саллюстий Крисп — приемный сын знаменитого историка, известный богач.

Ст. 5. *Прокулей* — шурин Мецената, поделившийся своим состоянием с братьями, разоренными в гражданской войне.

Ст. 12. *Два Карфагена* — в Африке *(Ливии)* и Испании (*Гады* — ныне Кадис).

Ст. 17. *Фраат* — парфянский царь с 30 года до н. э.

ОДА 3

Размер — алкеева строфа.

Ст. 21. *Инах* — по мифам, первый царь богатого Аргоса.

ОДА 4

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 7—9. *Атрид* — Агамемнон, взявший в наложницы Кассандру; *вождь фессалийцев* — Ахилл.

ОДА 5

Размер — алкеева строфа. Сравнение молодых людей с бычками и телками было в античной поэзии обычным.

ОДА 6

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 2. *Кантабры* — только что покоренное племя в Испании.

Ст. 3. *Сирт* — мелководный залив в Африке с вечно прогретой водой.

Ст. 10. *...тот край...* — окрестности Тарента в южной Италии (основанного спартанцем *Фалантом,* ст. 12), с рекой *Галезом* и холмом *Авлоном.*

Ст. 14—20. *Гиметт* в Аттике славился медом, а *Венафр* и *Фалерн* в Кампании — маслом и вином.

ОДА 7

Размер — алкеева строфа.

Помпей Вар — товарищ Горация по войску Брута, по-видимому вернувшийся в Рим после амнистии 29 года до н. э.

Ст. 21. *Массик* — одно из лучших италийских вин.

ОДА 8

Размер — сапфическая строфа.

ОДА 9

Размер — алкеева строфа.

Вальгий Руф — поэт и ритор; ода написана на смерть любимого им юноши Миста.

Ст. 7. *Гарган* — гора в Апулии.

Ст. 13. *Старец* — Нестор, отец Антилоха.

Ст. 20. *Нифат* — гора в Армении, вблизи которой течет пограничная с Парфией *река мидийцев* — Евфрат.

ОДА 10

Размер — сапфическая строфа.

Лициний Мурена — шурин Мецената, впоследствии казненный за участие в заговоре против Августа.

ОДА 11

Размер — алкеева строфа.

Ст. 17. *Эвий* — одно из имен Вакха.

ОДА 12

Размер — II асклепиадова строфа. Гораций отклоняет предложение воспевать события исторические (Нумантийская вой-

на II в. до н. э., две Пунические войны III в. до н. э.) и мифологические (*Гилей* — один из кентавров, *сыновья Земли* — гиганты, восставшие на *Сатурнов дом* олимпийцев); подвиги Августа лучше опишет в прозе (*речью обычною,* ст. 9) сам Меценат, а Гораций будет воспевать (под именем *Ликимнии*) его красавицу жену Теренцию.

Ст. 21. *Ахемениды* — цари древней Персии.

Ст. 22. *Мигдония* — область в Малой Азии.

ОДА 13

Размер — алкеева строфа.

Об этом случае с рухнувшим деревом Гораций упоминает еще в одах II, 17; III, 4; III, 8.

Ст. 8. *Отрава* названа колхийской в память о Медее.

Ст. 15. *Босфор* — название многих узких и потому опасных проливов.

Ст. 17. *Отбег вспять* — притворное отступление, любимый боевой прием парфян.

ОДА 14

Размер — алкеева строфа.

Ст. 24. *Кипарис* — посвященный подземным богам, сажали на могилах.

Ст. 28. *Понтифики* — одна из высших жреческих коллегий в Риме.

ОДА 15

Размер — алкеева строфа.

Ст. 3. *Лукринские воды* — воды озера в Кампании.

Ст. 4. *...платан безбрачный...* — т. е. непригодный для поддержки виноградных лоз.

Ст. 16. *Портики,* обращенные к северу, не освещались солнцем и доставляли прохладу среди лета.

ОДА 16

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 5. *Гет* — фракиец.

Ст. 22. *Турмы* — конные отряды.

Ст. 34. *Квадрига* — колесница четверкой (обычно — для скачек).

ОДА 17

Размер — алкеева строфа.

О болезненности и мнительности Мецената упоминают многие античные писатели. Он умер в 8 году до н. э., и Гораций действительно пережил его лишь на несколько месяцев.

Ст. 15. *Гиант* — великан, сын Земли.

Ст. 17—24. *Весы* и *Юпитер* считались у астрологов счастливыми светилами, *Сатурн, Скорпион* и *Козерог* (знак декабря, самого бурного средиземноморского месяца) — несчастливыми.

Ст. 29. *Меркурий* назван покровителем поэтов как изобретатель лиры (ср. оду I, 10).

ОДА 18

Размер — гиппонактова строфа.

Ст. 8. *Клиенты* — граждане, лично свободные, но зависимые от знатных покровителей.

Ст. 20. *Байи* — модное место отдыха близ Неаполя.

ОДА 19

Размер — алкеева строфа.

Ст. 8. *Тирс* — жезл Вакха: палка с шишкой на конце.

Ст. 14. *Блаженная жена* — Ариадна, супруга Вакха, чей венец стал созвездием.

Ст. 20. *Бистониды* — фракийские вакханки.

Ст. 24. *Рет* — имя одного из Гигантов (ср. оду III, 4, 55).

Ст. 30. *Безвредный Цербер...* — Мимо Цербера Вакх проходил, чтобы найти в Аиде свою мать Семелу.

ОДА 20

Размер — алкеева строфа.

Лебедь был символом поэта как птица, посвященная Аполлону; считалось, что перед смертью он поет от радости, что душа его уходит к своему богу.

Ст. 16—19. *Гиперборейцы, гелоны* — племена далекого Севера; *иберами* назывались на Западе испанцы, а на Востоке — грузины.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОДА 1

Эта ода, как и пять последующих («римские оды»), написана алкеевой строфой.

Ст. 2. *Уста сомкните!* — возглас жреца перед важными обрядами.

Ст. 11. *Поле* — Марсово поле, где избирались должностные лица в Риме.

Ст. 16—20 — намек на известный рассказ о дамокловом мече.

Ст. 28. *Геда восход иль закат Арктура...* — Восход Геда (в созвездии Возничего) и заход Арктура совпадал с осенними равноденственными бурями.

ОДА 2

Ст. 25 — перевод сентенции греческого поэта Симонида, которую любил повторять Август.

Ст. 26—27. *Церерины святые тайны* — учение элевсинских мистерий, доступное лишь посвященным.

ОДА 3

Ст. 9—16. *Геркулес, Поллукс, Вакх* и *Ромул* стали богами, хотя и были рождены от смертных женщин.

Ст. 17. *Юнона... рекла...* — Речь Юноны, предостерегающая римлян от восстановления Трои,— по-видимому, намек на проект Антония перенести столицу из Рима на Восток. В речи она упоминает, не называя, Париса с Еленой (ст. 19—20) и Ромула (ст. 32), сына весталки Реи Сильвии (ст. 32—33) и Марса.

ОДА 4

Ст. 9 сл. Гора *Вольтур* и селения *Ахерунтия* и другие были невдалеке от апулийского имения отца Горация.

Ст. 23. *Пренеста* — город в Лации близ Тибура.

Ст. 28. *Палинур* — опасный для мореплавателей мыс в Тирренском море.

Ст. 34—35. *Конканы* — испанское, а *гелоны* — скифское племя.

Ст. 51. *Два брата* — богоборцы От и Эфиальт.

Ст. 61—64. *Аполлон Патарский.*— В Патаре на берегу *Касталийского* ручья в малоазиатской *Ликии* был храм с оракулом Аполлона.

Ст. 76. *Быстрый огонь не проникет Этну.*— Извержения Этны миф объяснял тем, что под этой горой были заточены побежденные Титаны.

ОДА 5

Ст. 5. *...воин Красса...*— Солдаты Красса, разбитого парфянами при Каррах в 53 году до н. э., находились в плену у парфян уже около двадцати пяти лет.

Ст. 13. *Регул* — римский полководец III века до н. э.; взятый в плен карфагенянами (пунами), он был послан в Рим с предложением мира, но вместо этого призвал римлян к войне до победы, а сам, по условию, вернулся в Карфаген на верную смерть.

ОДА 6

Ст. 9. *Монез* и *Пакор* командовали парфянами в войнах с Римом в 40 и 36 годах до н. э.

Ст. 14. *...грозили дак и египтянин...*— Задунайские даки и подвластные Клеопатре египтяне выступали против Октавиана в союзе с Антонием.

ОДА 7

Размер — III асклепиадова строфа.

Ст. 5. *Коза* — другое название Геда (см. прим. к оде III, 1).

Ст. 6. *Орик* — гавань в нынешней Албании.

Ст. 15, 17. *Беллерофонт* и *Пелей* были жертвами женщин, чью любовь они отвергли.

Ст. 27. *Тусская* (этрусская) *река* — Тибр.

ОДА 8

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 1—2. *Календы марта* — 1 марта; в этот день праздновался женский праздник Матроналий, Гораций же отмечал годовщину своего спасения от упавшего дерева (см. оду II, 13). Оба языка — греческий и латинский.

Ст. 12. *Консульство Тулла* — 66 год до н. э., за год до рождения Горация.

ОДА 9

Размер — IV асклепиадова строфа.

Ода представляет собой диалог между Горацием и Лидией: партнеры обмениваются симметрично построенными репликами.

ОДА 10

Размер — II асклепиадова строфа.

ОДА 11

Размер — сапфическая строфа. Говоря о лире, Гораций вспоминает нисхождение Орфея в Аид (ст. 13—24), а затем — мужеубийство Данаид и благородство Гипермнестры, пощадившей мужа (ст. 25—52).

ОДА 12

Размер — ионики (в переводе — хорей).

ОДА 13

Размер — III асклепиадова строфа.

Источник Бандузии, по преданию, находился недалеко от Венузии, родины Горация, или от его сабинского поместья.

ОДА 14

Размер — сапфическая строфа.

Ода на возвращение Августа из испанского похода в 24 году. Описывается благодарственное молебствие богам, возглавляемое женой Августа Ливией и сестрой Октавией.

Ст. 18. *Мятеж марсийский* — восстание италиков в 90 году до н. э.

Ст. 28. *В консульство Планка!* — 42 год, год битвы при Филиппах,— Горацию было двадцать три года.

ОДА 15

Размер — IV асклепиадова строфа.

ОДА 16

Размер — II асклепиадова строфа.

Ст. 12. *Пророк аргивский* — Амфиарай, посланный подкупленной женою в гибельный поход.

Ст. 13. *Муж-македонянин* — царь Филипп, отец Александра Великого, знаменитый мастер подкупа.

Ст. 15. *Морской вождь* — Менодор, флотоводец Секста Помпея, несколько раз переходивший в гражданской войне от него к Октавиану и обратно.

Ст. 34. *Лестригония* — Формии, винодельческий город, основанный, по преданию, Ламом, царем легендарных лестригонов.

ОДА 17

Размер — алкеева строфа. О *Ламе* и *Формиях* см. прим. к предыдущей оде.

ОДА 18

Размер — сапфическая строфа. Речь идет о празднике в честь Фавна, справлявшемся в селах 5 декабря («*ноны* декабря»).

ОДА 19

Размер — IV асклепиадова строфа.

Ст. 8. *Пелигния* — суровая область в Апеннинских горах.

Ст. 11. *Мурена.* — См. прим. к оде II, 10.

Ст. 12. *Девять чаш или три с теплой смешав водой.* — Древние пили вино, смешанное с водой: отношение вина к воде 9 : 3 считалось крепким, отношение 3 : 9 — слабым.

Ст. 18. *Берекинтские флейты* употреблялись в экстатических обрядах культа Кибелы.

ОДА 20

Размер — сапфическая строфа.

Ода обращена к *Пирру*, отвлекающему прекрасного *Неарха* от его возлюбленной.

Ст. 15. *Нирей* — красивейший из греческих героев под Троей.

Ст. 16. *...с ...Иды на небо взятый...* — Ганимед.

ОДА 21

Размер — алкеева строфа.

Ст. 1. *Мой друг амфора...*— Амфора с массикским вином (см. прим. к оде II, 7) была запечатана в год рождения Горация (*консульство Манлия,* 65 г. до н. э.).

Ст. 7. Валерий Мессала *Корвин,* хозяин пира, политический деятель и оратор, покровитель искусств, бился когда-то вместе с Горацием при Филиппах.

Ст. 16, 21. *Лиэй* и *Либер* — имена Вакха.

ОДА 22

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 4. *Ликом тройная.*— Диана отождествлялась с двумя другими богинями: Селеной и Гекатой.

ОДА 23

Размер — алкеева строфа.

Ст. 9—11. *Алгид, Альба.*— Здесь находились храмовые земли, где пасся скот для жертвоприношений.

ОДА 24

Размер — IV асклепиадова строфа.

Ст. 28. *«Отец городов».*— Титулы такого рода часто подносились подданными популярным правителям.

ОДА 25

Размер — IV асклепиадова строфа.

Ст. 10. *Фракия* с рекой *Гебром* и горой *Родопом* была древнейшим местом почитания Вакха (*Леней* в ст. 19 — одно из имен этого бога).

Ст. 15. *Наяды* упоминаются как кормилицы, а потом спутницы Вакха.

ОДА 26

Размер — алкеева строфа.

Поэт посвящает Венере оружие для овладения крепостью возлюбленной.

ОДА 27

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 9—11. *Ворон* считался добрым презнаменованием; *вестница дождей* — ворона: ее крик, как и остальные упоминаемые приметы, считался недобрым.

Ст. 25 сл. Гораций излагает ту версию мифа о Европе, по которой бык был не самим Юпитером, а только послан им.

Ст. 41. *Вылетевший в дверь из слоновой кости...* — Через эту дверь к людям вылетали не вещие, а лживые сны («Одиссея», XIX, 562—565).

ОДА 28

Размер — IV асклепиадова строфа.

Ст. 1. *Нептунов день* справлялся 23 июля.

Ст. 8. *Бибул* — консул 59 года до н. э.; этимологически это имя значит «пьяница».

Ст. 12. *Стреловержица* — Диана, дочь Латоны.

Ст. 13—16. Речь идет о Венере.

ОДА 29

Размер — алкеева строфа.

Ст. 1. *Царей тирренских отпрыск!* — Меценат возводил свой род к этрусским *(тирренским)* царям.

Ст. 10. *Чертог достигший... туч.* — Дом Мецената на Эсквилинском холме был одним из самых высоких зданий Рима; оттуда были видны и *Тибур* и *Тускул,* основанный, по мифу, *Телегоном,* невольным убийцей своего отца Одиссея.

Ст. 17. *Андромеды... отец* — Цефей и другие созвездья восходят в июле.

Ст. 27. *Бактры* названы вместо парфян.

ОДА 30

Размер — I асклепиадова строфа.

Ст. 9. Верховный жрец и старшая весталка ежегодно совершали на Капитолии молебствие о благе Рима.

Ст. 11. *Давн* — легендарный царь Апулии, родины Горация; *Авфид* — река в Апулии.

Ст. 13. *Песня Эолии* — ритмы эолийских поэтов Алкея и Сапфо.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ОДА 1

Размер — II асклепиадова строфа.

ОДА 2

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 18. *Элидские игры* — олимпийские.

Ст. 25. *Диркея* — источник в Фивах, на родине Пиндара.

Ст. 28. *Матин* — гора в Апулии, на родине Горация.

Ст. 35—36. *Священный Холм* в Риме, на пути триумфальных процессий; *сигамбры* — германское племя.

ОДА 3

Размер — IV асклепиадова строфа.

ОДА 4

Размер — алкеева строфа.

Ст. 28. *Молодые Нероны* — пасынки Августа, *Тиберий* (будущий император) и *Друз*, победа которого над заальпийскими племенами *винделиков* (ст. 17) воспевается в этой оде.

Ст. 37. *Чем Рим обязан роду Неронову...* — Дальним предком Тиберия и Друза был Клавдий Нерон, разбивший в 207 году до н. э. при *Метавре* (ст. 38) Гасдрубала, брата Ганнибала (*«пунийца»*, ст. 43).

ОДА 5

Размер — II асклепиадова строфа.

Обращена к Августу, при его поездке в Галлию в 16—13 годах.

Ст. 10. *Карпафское море* — южная часть Эгейского моря.

Ст. 35. *Лары* — божества домашнего очага, которым молились за едой, чтобы они хранили мир и покой в доме; при Августе пирующие рядом со своими ларами стали упоминать в молитве ларов Августа, хранящего мир и покой во всем государстве.

ОДА 6

Размер — сапфическая строфа.

Ст. 20. *В матери чреве* — слова Агамемнона в «Илиаде» (VIII, 57).

Ст. 26. *Ксанф* — река в ликийских Патарах (см. прим. к оде III, 4).

Ст. 27. *Агиэй* — «охранитель улиц», эпитет Аполлона.

Ст. 31—44. В заключении оды Гораций обращается к хору, исполняющему его «Юбилейный гимн».

ОДА 7

Размер — II архилохова строфа.

ОДА 8

Размер — I асклепиадова строфа, но строфичность не соблюдена.

Ст. 6. *Скопас* — скульптор, *Пракситель* — ваятель IV века до н. э.

Ст. 17. *Карфаген* был сожжен не Сципионом Африканским Старшим (победителем Ганнибала), о котором говорится в этих стихах, а его внуком Сципионом Африканским Младшим; поэтому этот стих (как и стих 33) считается неподлинным.

Ст. 20. *Муза Калабрии* — калабрийский поэт Энний, друг и певец Сципиона Старшего.

ОДА 9

Размер — алкеева строфа.

Лоллий — полководец Августа, разбитый германцами в 16 году до н. э. Гораций утешает его тем, что служба кратковременна, а добродетель вечна (ст. 39—44).

Ст. 7. *Кеосец* — см. прим. к оде II, 1.

Ст. 38. *Ты чужд корысти...* — Интересно, что Лоллий прославился именно корыстолюбием и впоследствии из-за этого и погиб.

ОДА 10

Размер — V асклепиадова строфа.

ОДА 11

Размер — сапфическая строфа.

Ода является приглашением на день рождения Мецената (13 апреля).

ОДА 12

Размер — II асклепиадова строфа.

Вергилий-торговец (тезка поэта), ближе не известен.

Ст. 1. *Фракийский ветр.*— Имеется в виду западный ветер Зефир; Фракия считалась родиной ветров («Илиада», XXIII, 229).

Ст. 5. *Касатка* — намек на миф об афинской царевне Прокне и ее муже — фракийце Терее.

Ст. 17. *Нарда малый оникс...*— Из оникса выдалбливались сосудики для нарда и других благовоний, которыми торговал Вергилий.

ОДА 13

Размер — III асклепиадова строфа.

ОДА 14

Размер — алкеева строфа.

Воспевается победа Друза и Тиберия (*старшего Нерона*, ст. 16) над винделиками и их альпийскими союзниками *генавнами* и *бревнами* (ст. 11), которая была одержана в 15 году до н. э., через пятнадцать лет после взятия Александрии в войне с Антонием (30 г. до н. э.).

ОДА 15

Размер — алкеева строфа.

Ст. 8. *Приют Квирина* — храм Януса, открывавшийся во время войны и закрытый во время мира.

Ст. 31. *Анхиз* и его сын от *Венеры* Эней считались прародителями рода Юлиев, к которому принадлежал Август.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГИМН

Гимн был написан Горацием для трехдневных юбилейных празднеств 17 года до н. э., которые по указанию оракулов *Сивиллы* (ст. 5) справлялись в Риме каждые 110 лет (ст. 21) под наблюдением *пятнадцати* жрецов (ст. 70), хранивших и толковавших книги Сивиллы. Первоначально посвященные подзем-

ным богам, при Августе эти празднества были посвящены прежде всего Аполлону (он же — *Солнце,* ст. 9) и его сестре Диане (она же — *Луна* в ст. 35, *Илифия* — Луцина — Гениталия в ст. 14; *Алгид* и *Авентин* в ст. 69 — места ее почитания); главное жертвоприношение совершал сам Август (*«Анхиза, Венеры отпрыск»,* ст. 50). Гимн был пропет на третий день празднеств хором из двадцати семи юношей и двадцати семи девушек (распределение строф между двумя полухориями неясно) перед храмом Аполлона на *Палатине* (ст. 65) и потом на Капитолии. Упоминание о нем имеется в большой надписи с отчетом о празднествах, найденной при раскопках в Риме в 1890 году: «Песнь сочинил Квинт Гораций Флакк».

ЭПОДЫ

ЭПОД 1

Написан перед актийской кампанией 31 года, в которой Октавиан с легкими *либурнийскими* кораблями выступал против тяжелых египетских кораблей Антония (ст. 1—2). Размер (как и в девяти последующих эподах) — чередование ямбического триметра и ямбического диметра.

ЭПОД 2

Ст. 69—70. *Иды* — середина, *Календы* — начало месяца — обычные сроки ростовщических операций.

ЭПОД 3

Обращен к Меценату, в шутку окормившему Горация чесноком, который считался мужицкой пищей.

Ст. 3. *Цикута* — яд, служивший в Афинах для смертной казни.

Ст. 7. *Канидия* — отравительница, героиня 5 и 17 эподов.

ЭПОД 4

Обращен к выскочке-вольноотпущеннику (по мнению античных комментаторов, к Менодору, о котором см. прим. к оде III, 16).

Ст. 11. *Плетьми... триумвирскими...* — Триумвиры по уголовным делам распоряжались наказаниями провинившихся рабов.

Ст. 16. *С Отоном не считаясь...* — По закону Отона первые ряды в театре отводились только для всаднического сословия.

Ст. 19. *Шайки беглых* — войска Секста Помпея, с которым воевал Октавиан.

ЭПОД 5

Колдуньи *Канидия, Сагана, Вейя* и *Фолия* собираются убить мальчика, чтобы из его печени и костного мозга сварить любовное зелье, которым Канидия хочет приворожить старика Вара.

Ст. 7. *Ничтожной этой оторочкой пурпурной...* — Отороченную пурпуром тогу носили несовершеннолетние.

Ст. 22—24. *Иберия,* т. е. Грузия, и *Иолк* упомянуты в связи с мифом о *Медее.*

Ст. 26. *Авернская вода.* — Авернское озеро считалось входом в подземный мир.

Ст. 45, 75. *Фессалийцы* в Греции, *марсы* в Италии считались колдунами.

Ст. 57. *Субура* — улица в Риме, где находились кабаки и публичные дома.

Ст. 100. *Эсквилин* — холм, где находилось дешевое кладбище.

ЭПОД 6

Ст. 13—14. *Зять Ликамба* — Архилох, *враг Бупала* — Гиппонакт, самые известные из греческих ямбографов (VII—VI вв. до н. э.).

ЭПОД 7

Эпод написан около 38 года, во время войны Октавиана с Секстом Помпеем.

Ст. 18—20. *Братоубийства день...* — Преступление Ромула считалось прообразом и истоком гражданских войн в Риме.

ЭПОД 9

На победу над Антонием и Клеопатрой при Акции в 31 году.

Ст. 8. *Нептуна сын.* — Так называл себя Секст Помпей, войско которого в значительной части состояло из беглых рабов.

Ст. 17. *Две тысячи тут галлов*...— Малоазийские галлы изменили Антонию незадолго до битвы.

Ст. 19—20, 29—32 показывают, что во время написания стихотворения в Риме еще было неизвестным направление бегства Антония.

ЭПОД 10

Мевий — бездарный поэт, критиковавший Вергилия. Стихотворение представляет собой как бы традиционное поэтическое «напутствие» (ср. оду I, 3), вывернутое наизнанку.

ЭПОД 11

Размер — чередование ямбических триметров с элегиямбами.

ЭПОД 13

Размер — чередование гексаметра с ямбэлегическими стихами.

Ст. 6. Манлий *Торкват* — консул 65 года, года рождения Горация.

Ст. 9. *Киллена* — гора, где Меркурий, по мифу, изобрел лиру.

Ст. 11. *Кентавр* — Хирон, воспитатель Ахилла.

ЭПОД 14

Размер — чередование гексаметров с ямбическими диметрами.

Ст. 12. *В стихах необработанных*.— Необработанными названы стихи Анакреонта с точки зрения позднейших, александрийских требований к поэзии.

ЭПОД 15

Размер тот же.

Ст. 21. ...*Пифагора воскресшего*.— См. прим. к оде I, 28.

ЭПОД 16

Размер — чередование гексаметров с ямбическими триметрами.

Ст. 1. *Два поколенья* — со времени войн Мария и Суллы.

Ст. 3—8. Перечисляются (в последовательности удаления от

Рима) войны римлян с италиками (90 г.), этрусками (V в. до н. э.), Капуей (III в. до н. э.), Спартаком (73—71 гг.), галлами-аллоброгами (63 г.), кимврами (101 г.), Карфагеном (III в. до н. э.).

Ст. 11. *Варвар.*— Имеются в виду конники-парфяне.

Ст. 13. *Кости Квирина...*— Гробница Ромула-*Квирина* находилась на форуме.

Ст. 17. *Фокейцы... город... кинули...*— Жители малоазийской Фокеи покинули родину в 534 году до н. э., чтобы не стать рабами персов.

Ст. 28. *Пад* — река По.

Ст. 41—42. *...землю блаженных...*— Острова блаженных в представлении древних лежали далеко на Западе, в Атлантическом океане; к ним даже предпринимались экспедиции.

ЭПОД 17

Начало эпода — воззвание Горация, далее (со ст. 53) ответ Канидии. Размер — ямбические триметры.

Ст. 8. *Нереев внук* — Ахилл, ранивший Телефа, а потом исцеливший его ржавчиной своего копья.

Ст. 28—29. *Сабеллы, марсы,* как и *пелигны* (ст. 60) — апеннинские племена, считавшиеся колдунами.

Ст. 42—44. Имеется в виду легенда о том, как поэт Стесихор нелестно отозвался о Елене в своих стихах; Диоскуры наказали его слепотой, но когда он написал палинодию (см. прим. к оде I, 16), вернули ему зрение.

Ст. 58. *Эсквилинский чародей...*— Эсквилинское кладбище как место колдовства Канидии изображено и в сатире I, 8.

САТИРЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

САТИРА 1

О скупости и алчности. Мотив этой сатиры (ст. 24) *«С улыбкою истину молвить...»* повторен Державиным в его известном переложении Горациева «Памятника».

Ст. 36. *Водолей* — созвездие, в котором Солнце находится с середины января.

Ст. 43. *Асс* — мелкая медная монета, около двух копеек на наши деньги.

Ст. 101—105. *Невий, Номентан.* — Скряга Невий и мот Номентан, не раз упоминаемые и в следующих сатирах, сравниваются с кастратом *Танаисом* и страдавшим грыжею тестем оратора *Визеллия* (105 ст.).

САТИРА 2

О разврате. Считается самым ранним дошедшим до нас произведением Горация. Ст. 28—134 — в переводе Н. С. Гинцбурга.

Ст. 3. *Тигеллий-певец.* — Хлебосол Тигеллий из Сардинии был модным певцом, которому покровительствовали Юлий Цезарь и Клеопатра, а потом Октавиан.

Ст. 14. *...пять процентов на месяц...* — т. е. впятеро против обычного.

Ст. 17. *Вирильная тога* — знак совершеннолетия: белая одежда, вместо окаймленной красным отроческой одежды.

Ст. 21. *...у Теренция...* — Имеется в виду комедия «Самоистязатель».

Ст. 29. *Стола* — длинная одежда замужних женщин.

Ст. 46. *Гальба* — имя многих известных знатоков-правоведов.

Ст. 48. *Саллюстий* — будущий адресат оды II, 2.

Ст. 64—67. *Вилий* Аннал был мужем Фавсты, дочери Суллы, а *Лонгарен* — ее любовником: комическая перемена ролей.

Ст. 91. *Линкей* — самый зоркий из участников похода аргонавтов.

Ст. 107—108 — парафраз стихов из эпиграммы Каллимаха («Палатинская антология», XII, 102).

Ст. 115. *Ромб* — камбала.

Ст. 121. *Филодем* — эпикурейский философ и поэт-эпиграмматист, старший современник Горация; его эпиграмма, которая здесь имеется в виду, не сохранилась.

Ст. 131. *За ноги эта страшась...* — Переламывание ног — наказание рабов.

САТИРА 3

О дружбе.

Ст. 4. *Цезарь* — Октавиан, *отец* его (приемный) — Гай Юлий Цезарь.

Ст. 6. *...с яиц и до яблок* — т. е. от начала до конца обеда.

Ст. 13. *Тетрархи,* «четверовластники» — правители некоторых областей на эллинистическом Востоке.

Ст. 27. *...змей эпидаврский...* — Змеи были священными животными бога врачевания Эскулапа, главное святилище которого находилось в Эпидавре.

Ст. 46. *Сизиф* — карлик Марка Антония.

Ст. 87. *...должник убегает Рузона.* — Ростовщик Октавий Рузон, по свидетельству древних комментаторов, был историком-любителем.

Ст. 99—119. Длинное отступление о происхождении справедливости из пользы выдержано в духе философии эпикуреизма.

Ст. 130. Тигеллий *Гермоген* — плохой певец, быть может, вольноотпущенник Тигеллия Сардинского (сат. I, 2).

Ст. 137. *Квадрант* — мелкая медная монета, четверть асса.

САТИРА 4

О сатирической поэзии.

Ст. 2. *Древняя комедия* — аттическая комедия V века до н. э.

Ст. 6. *Луцилий* — римский поэт II века до н. э., первый начавший писать сатиры гексаметром; Гораций во многом ему подражал в своих сатирах.

Ст. 21—23. Речь идет о книжных лавках, где выставлялись книги с портретами авторов, и о публичных декламациях, модных в ту пору в Риме.

Ст. 34. *Сено... на рогах.* — Сено на рога привязывали бодливым быкам.

Ст. 59—60. Цитата из «Летописи» Энния, национального римского эпоса.

Ст. 86. *На каждом четыре гостя.* — В хорошем обществе на ложе за столом возлежали только по трое.

Ст. 92 — цитата из сатиры I, 2, 27.

Ст. 94. *Петиллий* — чиновник, назначенный блюстителем Капитолийского храма и уличенный в краже храмового золота незадолго до написания 4 сатиры.

САТИРА 5

Описание поездки Горация в свите Мецената в Брундизий в 37 году до н. э., по Аппиевой дороге из Рима. Спутниками его были юрист Кокцей Нерва (легат Марка Антония), Фонтей, поэты Вергилий, Варий и их друг Тукка. Перечисляются все места, которые миновали путники за пятнадцать дней пути.

Ст. 23. *Четвертый час* — от рассвета, т. е. около 9—10 часов утра.

Ст. 36. *Скриб* — писец: Гораций осмеивает тщеславную пышность чиновника из маленького городка.

Ст. 53 сл. В состязании шутов (характерно прозвище Мессия *«Кикирр»,* означающее «петух») Сармент попрекает Мессия уродством, делающим его похожим на циклопа Полифема, Мессий Сармента — рабским положением: старый хозяин Сармента был казнен во время проскрипций, а новый хозяин отпустил его на волю, но вдова старого хозяина была еще жива.

Ст. 92. *Диомед* — герой Троянской войны, по преданию, изгнанный из Аргоса в Италию, где ему приписывалось основание многих городов.

Ст. 101—102. *...Нету дела богам до людей...* — «Боги не заботятся о земных делах» — основное положение эпикуреизма.

САТИРА 6

О богатстве и знатности.

Ст. 1. *...этрусков, лидийских потомков...* — Меценат был из этрусского рода, а этруски считались потомками малоазийских лидийцев.

Ст. 9. *Туллий* — Сервий Туллий, сын рабыни, ставший шестым римским царем.

Ст. 12. *Левин* — был потомком Валерия Попликолы, одного из первых римских консулов после свержения царей, но сам был настолько ничтожен, что даже в Риме, преклоняющемся перед знатью, не смог сделать политической карьеры.

Ст. 24. *Тиллий* — изгнанный Юлием Цезарем из сената, после его гибели вновь начал политическую карьеру: пурпурная полоса на тоге была знаком сенаторского достоинства.

Ст. 38 сл. Сенатор, сын вольноотпущенника, оправдывается тем, что другой сенатор — сам вольноотпущенник.

Ст. 59. *Сатурий* — местность близ Тарента, среди поместий римской знати.

Ст. 73. *Центурионы* — отставные унтер-офицеры римского войска, составляли «высшее общество» в городках, вроде Горациевой Венузии.

Ст. 97. *Ликторов связки и кресла курульные* — знаки достоинства высших должностных лиц.

Ст. 120. *Марсий* — статуя сатира на римском форуме.

САТИРА 7

Описание тяжбы, свидетелем которой Гораций был в 43 году до н. э. на службе у Брута в Малой Азии; Марк Брут был убийцей Юлия Цезаря, его предок Луций Брут Старший, по преданию, в VI веке до н. э. изгнал царей из Рима; отсюда — шутка Персия (ст. 32). Двое сутяг комически сравниваются то с гладиаторами *Бифом* и *Бакхием,* то с героями «Илиады» *Ахиллом* и *Гектором* (песнь 22), *Диомедом* и *Главком* (песнь 6).

Ст. 28. *Пренестинец* — уроженец Пренесте,— города в Лации.

САТИРА 8

Описание колдовства Канидии (см. эподы 5 и 17) от лица деревянной статуи бога Приапа на Эсквилинском кладбище.

САТИРА 9

Разговор с болтуном, пытающимся втереться в доверие к Меценату.

Ст. 1. *Священная дорога* — центральная улица в Риме.

Ст. 35. *Храм Весты* — на Священной улице располагался недалеко от форума, где заседал суд (ст. 36).

Ст. 69. *Тридцатая суббота.*— По толкованию античных комментаторов, суббота, совпадающая с новолунием; однако, несмотря на это объяснение, смысл слов Фуска не вполне ясен.

Ст. 76. *Я скорей протянул уже ухо.*— Прикосновение к уху было знаком приглашения в свидетели на суд.

САТИРА 10

О сатирической поэзии. Первые восемь стихов обращены против Валерия Катона (поэта и грамматика, друга Катулла), готовившего новое издание сатир Луцилия, и другого, безымянного грамматика (Орбилия?); эти стихи сохранились лишь в некоторых рукописях и, по-видимому, представляют собой остаток более ранней редакции. В сатире упоминаются поэты старшего поколения, сверстники знаменитого лирика *Катулла* — Лициний *Кальв* (ст. 19), *Варрон Атацинский* (ст. 47), *Кассий* Этрусский (ст. 61), Фурий *Альпин* (ст. 36; может быть, условное имя поэта Фурия Бибакула, см. сатиру II, 5, 41), с которыми, вероятно, был близок враг Горация — певец Тигеллий *Гермоген* (ст. 18, 80; в ст. 91 речь идет о мимических актрисах, которых он учил пению) со своими приятелями, перечисленными в ст. 78—80. Им противопоставляются (ст. 40—49) поэты кружка Мецената — комедиограф *Фунданий,* трагик (потом историк, см. оду II, 1) Азиний *Поллион,* эпик (потом трагик) *Варий,* идиллик (потом эпик) *Вергилий,* а в ст. 81—87 — их друзья и покровители из высшего общества. Меций *Тарпа* (ст. 38) был, по-видимому, председателем «коллегии поэтов», собиравшейся в III веке до н. э. в храме Муз.

Ст. 1. *Да, я, конечно, сказал...* — в сатире I, 4.

Ст. 6. *Мим* — низший, площадной жанр комедии; мимический поэт *Лаберий* был известен враждой с Юлием Цезарем.

Ст. 22. *Пифолеонт Родосец* — греческий поэт, чьи двуязычные эпиграммы (между прочим, на Юлия Цезаря) не сохранились.

Ст. 30. *Канузий* — римская колония на юге Италии (близ родных мест Горация), где было много и греческих поселенцев.

Ст. 73. *Стиль* — палочка, острым концом которой писали по воску, а тупым концом стирали написанное: «поворачивай стиль» значит «исправляй написанное».

КНИГА ВТОРАЯ

САТИРА 1

О сатирической поэзии: разговор с *Требатием Тестой,* известным юристом, сторонником Октавиана (*Цезаря,* ст. 11) и, по свидетельству Цицерона, любителем плавания (ст. 9).

Ст. 22 повторяет ст. 1, 8, 11.

Ст. 34—35. *Луканец, апулиец, венузиец.*— Венузия — родина Горация, лежит в Апулии, но недалеко от соседней области — Лукании.

Ст. 65—66. *Герой, получивший прозвание от стен Карфагена* — Сципион Африканский Младший, завоеватель Карфагена, и его друг *Лелий* Мудрый были покровителями Луцилия.

Ст. 67—68. *Метелл, Луп.*— Квинт Метелл, завоеватель Македонии, и Корнелий Луп, консул 156 года до н. э., были противниками Луцилия.

Ст. 81—82. *...песню дурную.*— Под «дурной песней» древнейшие римские законы разумели колдовские заговоры и заклинания, но современники Горация этого уже не понимали.

САТИРА 2

Об умеренности.

Ст. 23. *Павлин* считался роскошным кушаньем еще в середине I века до н. э.

Ст. 31. *...где поймана эта вот щука...*— Морская щука (ст. 32) ценилась лишь, когда бывала поймана в реке, и чем выше по течению, тем дороже.

Ст. 33. *Мулл,* или краснобородка, крупных размеров редок, и потому за него платили бешеные деньги.

Ст. 47. *Осетры* были модным кушаньем во II веке до н. э. (*Галлоний* упоминается в сатирах Луцилия), но затем их вытеснил ромб.

Ст. 41. *Австр! Налети!* — От горячего Австра — сирокко быстро портилось мясо; впрочем, и это считалось деликатесом (ст. 89).

Ст. 112. *Офелл.*— При конфискации земель в 41 году до н. э. (когда сам Гораций лишился имущества) Офелл оказался арендатором собственной земли, отобранной у него и доставшейся ветерану Умбрену.

САТИРА 3

О людском безумии. Этот парадокс — «все люди безумны, один мудрец разумен» — развивает перед Горацием Дамасипп, пересказывая ему свою беседу с уличным философом-стоиком Стертинием и последовательно рассматривая четыре вида безу-

мия: скупость (ст. 82—157), тщеславие (ст. 158—223), роскошь (ст. 224—280), суеверие (ст. 281—295).

Ст. 5. *Сатурналии.*— См. прим. к сатире II, 7.

Ст. 11—12. *Евполид, Платон* (не путать с философом!) и *Менандр* — комедиографы, представляющие здесь последовательно «древнюю» (V в. до н. э.), «среднюю» и «новую» (IV в. до н. э.) аттическую комедию.

Ст. 16—17. *Да пошлют тебе боги... брадобрея!* — Борода — непременный признак бродячего философа.

Ст. 43. *Хрисипп* — классик стоической философии (III в. до н. э.).

Ст. 60. *Фуфий* — актер; в трагедии Пакувия «Илиона», играя роль спящей Илионы, которой является тень ее сына Деипила, он и вправду заснул на сцене.

Ст. 83. *...поможет ли им и вся Антикира!* — В Антикире росло много *чемерицы,* которой лечили душевнобольных.

Ст. 100. *Аристипп.*— См. прим. к посланию I, 17.

Ст. 182. *Горох, бобы, лупин* — дешевое угощение, которым кандидаты на должность подкупали выборщиков.

Ст. 229. *Тусская улица* близ форума — торговый центр Рима.

Ст. 239. *Эзоп* — знаменитый трагический актер первой половины I века до н. э.

Ст. 253. *Полемон,* в молодости пришедший прямо с пира в ученики к философу Ксенократу (начало III в. до н. э.), сам стал потом знаменитым философом-академиком.

Ст. 260—271 — пересказ первой сцены из «Евнуха» Теренция.

Ст. 287. *Менений* — известный в свое время римский юродивый.

Ст. 310. *Турбон* — гладиатор.

САТИРА 4

О застольной роскоши: предписания эпикурейца *Катия* относительно закуски (ст. 12—34), главных блюд (ст. 35—46), десерта с выпивкой (ст. 51—75) и внешней сервировки (ст. 76—87).

Ст. 3. *Анитова жертва* — Сократ, обвинителем которого в суде был кожевник Анит.

Ст. 60—61. *...латук... Плавает сверху...*— вместо того, чтобы впитываться в желудок.

САТИРА 5

О погоне за наследством: диалог *Улисса*-Одиссея с тенью прорицателя Тиресия перед возвратом на Итаку (ср. «Одиссея», кн. XI).

Ст. 14. *Лары* — боги домашнего очага, получали в жертву початки всякого урожая.

Ст. 41. *Фурий* — поэт Фурий Бибакул; Гораций пародирует его стихи о переходе Цезаря через Альпы.

Ст. 54. *В строчке второй...* — В завещании в первой строке писалось имя завещателя, во второй — имя наследника.

Ст. 62. *Юный герой* — Октавиан.

САТИРА 6

О сельской жизни. Начальные слова ст. 60 — O rus (quando ego te aspiciam...) — Пушкин взял эпиграфом ко II главе «Евгения Онегина».

Ст. 11. *Алкид* — Геркулес, бог-покровитель тружеников.

Ст. 18. *Либитина* — богиня похорон.

Ст. 34. *Колодец* Либона — место судебных заседаний на форуме.

Ст. 36. *Скрибы* — писцы казначейства, сослуживцы Горация.

Ст. 40. *...осьмой уже год...* — Гораций познакомился с Меценатом в конце 38 года до н. э. (см. сатиру 1, 6), а настоящая сатира написана в конце 31 года, когда после победы над Антонием Октавиан готовился к войне с его союзниками *даками* (ст. 53) и награждал своих воинов земельными наделами (ст. 55).

Ст. 64. *Боб, Пифагору родной...* — Пифагор запрещал своим ученикам есть бобы.

САТИРА 7

О рабстве людей перед пороками. Этот стоический парадокс — «все люди рабы, один мудрец свободен» — развивает перед Горацием его раб *Дав*, пользуясь традиционной вольностью *декабрьского* праздника сатурналий (ст. 5), когда рабы и господа словно менялись местами; и как в сатире 3 Дамасипп перенял свои мысли у философа Стертиния, так здесь раб Дав — у раба-привратника философа Криспина (ст. 45).

Ст. 14. *Вертумн* — бог превращений и времен года.

Ст. 58. *«На смерть от огня...»* — формула присяги наемных гладиаторов.

Ст. 76—77. *...претор ударом... неволи не снимет...* — Удары преторского *жезла* — один из актов при отпущении раба на волю.

Ст. 79. *Раб, подвластный рабу...* — Раб, накопивший денег, мог нанимать себе рабов-заместителей, исполнявших его работы.

Ст. 95. *Павсий* — греческий художник IV века до н. э., товарищ Апеллеса. Уличные рисунки с изображениями модных гладиаторов, вроде *Рутубы* и других (ст. 98), сохранились в Помпеях.

Ст. 118. *...попадешь ты девятым в сабинское поле!* — Удаление городского раба в сабинское поместье (где у Горация было занято восемь рабов) было тяжелым наказанием.

САТИРА 8

О застольной безвкусице. На пиру обычно гости располагались вокруг стола по трое на трех ложах (ст. 20—23), причем хозяин лежал на нижнем, а почетный гость (здесь — Меценат) — на среднем.

Ст. 14. *Гидаспец* — раб из Индии; Гидасп — приток Инда.

Ст. 15—16. *...хиосским... чистым от влаги морской.* — Хиосское вино было в обычае смешивать с морской водой — Насидиен же поступает наоборот.

Ст. 42. *Мурена* — лакомая рыба, вроде исполинского угря.

Ст. 91. *...голубей без задков...* — Еще одна нелепость: у диких голубей самыми вкусными считались задки.

ПОСЛАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОСЛАНИЕ 1

К МЕЦЕНАТУ. О важности философских занятий.

Ст. 2—3. *Мечом деревянным || Я награжден.* — Деревянным мечом награждались уходящие на покой гладиаторы, вроде *Вейяния*.

Ст. 55 повторяет ст. 74 из сатиры I, 6.

Ст. 57. *Четыреста тысяч* сестерциев — всаднический ценз.

Ст. 61. *Закон Росция* Отона выделял всадникам первые ряды в театре (ст. 66).

Ст. 86. *Теан* — город в Кампании, в стороне от моря.

Ст. 101. *Попечитель* назначался претором к душевнобольным.

ПОСЛАНИЕ 2

К ЛОЛЛИЮ. О Гомере как наставнике в философии (тема, излюбленная философами-стоиками). Адресат послания — родственник (может быть, сын) полководца, адресата оды IV, 9.

Ст. 4. *Хрисипп, Крантор* — философы III века до н. э., первый — стоической, второй — академической школы.

Ст. 19—22 — пересказ начальных стихов «Одиссеи».

Ст. 58. *Сицилийские тираны* — Фаларид (VI в.), Дионисий (IV в.) и другие славились своей жестокостью.

ПОСЛАНИЕ 3

К ФЛОРУ, молодому поэту, сопровождавшему в 21 году до н. э. Тиберия, пасынка Августа и будущего императора, в его походе на Восток.

Ст. 4. *Пролив* — Геллеспонт.

Ст. 6. *Когорта ученых* — группа писателей-дилетантов из знатной молодежи, сопровождавшей Тиберия; к ней принадлежали упоминаемые далее Титий, Цельс и другие.

Ст. 10. *...испил из источника Пиндара...* — О подражании Пиндару (ср. *«фиванские лады»* в ст. 13) ср. оду IV, 2.

Ст. 17. *Аполлон Палатинский в хранилище принял...* — В храме Аполлона Палатинского Августом была открыта публичная библиотека.

ПОСЛАНИЕ 4

К АЛЬБИЮ ТИБУЛЛУ, известному поэту-элегику, жившему на вилле в *Педе* (ст. 2) близ Тибура.

Ст. 3. *Кассий Пармский* — поэт, погибший в гражданской войне; его сочинения нам не известны.

Ст. 15—16. *...Эпикурова стада || Я поросенок...*— Сравнение эпикурейцев со свиньями было таким же ходячим, как сравнение киников с собаками.

ПОСЛАНИЕ 5

К МАНЛИЮ ТОРКВАТУ, адресату оды IV, 7. Приглашение на день рождения Августа (23 сентября).

Ст. 4. *Вина,* предлагаемые Горацием,— не старые (консульство *Тавра* — 26 г. до н. э., за шесть лет до выхода «Посланий») и не из лучших мест Италии.

Ст. 9. *Брось даже Мосха процесс...*— Торкват выступал защитником в громком процессе ритора Мосха, обвиненного в отравлении.

ПОСЛАНИЕ 6

К НУМИЦИЮ. О принципе «ничему не удивляться».

Ст. 25—26. *Дорога Аппия, колоннада Агриппы* — модные места прогулок.

Ст. 27. *Нума и Анк* — ср. оду IV, 7, 15.

Ст. 39. *Каппадоки* — небольшой народ в Малой Азии.

Ст. 40. *Лукулл* — полководец I века до н. э., славившийся богатством и роскошью (лукулловы пиры).

Ст. 52. *Триба* — избирательный округ в Риме.

Ст. 65. *Мимнерм* — греческий поэт-элегик VI века до н. э.

ПОСЛАНИЕ 7

К МЕЦЕНАТУ, в ответ на приглашение в Рим в нездоровую пору позднего лета (ст. 6—9).

Ст. 29. *Лисичка,* питающаяся зерном — неудачная контаминация мотивов Эзоповых басен.

Ст. 41—43 — пересказывают «Одиссею», IV, 601 и след.

Ст. 46. *Стойкий Филипп* — Марций Филипп — консул 91 года до н. э.; Варрон упоминает его как гастронома рядом с Лукуллом.

Ст. 48. *Карины* — аристократическая улица на Эсквилине.

ПОСЛАНИЕ 8

К ЦЕЛЬСУ АЛЬБИНОВАНУ, спутнику Тиберия (*Нерон* — одно из имен Тиберия), упоминаемому в послании I, 3.

ПОСЛАНИЕ 9

К ТИБЕРИЮ КЛАВДИЮ НЕРОНУ, во время того же похода. Рекомендуемый Горацием *Септимий* ближе неизвестен.

ПОСЛАНИЕ 10

К АРИСТИЮ ФУСКУ, адресату оды I, 22. Похвала деревне и простой жизни.

Ст. 10. *Сдобные хлебы* получали жрецы для жертвоприношений богам и закармливали ими своих рабов.

Ст. 19. *Ливийские камушки* — мозаика.

Ст. 49. *Вакуна* — малоизвестная сабинская богиня.

ПОСЛАНИЕ 11

К БУЛЛАТИЮ, ездившему по греческим островам и городам у берегов Малой Азии.

Ст. 6. *Лебед* — по-видимому, был известен Горацию со времен походов Брута; он сравнивается с глухими городишками неподалеку от Рима (ст. 7, 8, 30).

ПОСЛАНИЕ 12

К ИКЦИЮ (адресату оды I, 29), управляющему сицилийскими имениями Агриппы, стоику.

Ст. 22. *Помпей Гросф* — сицилийский помещик (см. оду II, 16).

Ст. 11—20. *Демокрит, Эмпедокл* — греческие философы V века до н. э.

Ст. 25—29. Перечисляемые события — усмирение восстания кантабров, римский протекторат над Арменией и (номинально) над Парфией — относятся к 20 году до н. э.

ПОСЛАНИЕ 13

К ВИНИЮ АЗИНЕ (имя это буквально значит «ослица» — ст. 8), везущему в Рим к Августу три книги «Од» Горация.

Ст. 14. *Пиррия* — персонаж неизвестной комедии.

ПОСЛАНИЕ 14

К СТАРОСТЕ сабинского имения. О жизни в деревне и в Риме.

Ст. 3. *Пять хозяев* — арендаторы, обрабатывавшие часть Горациева имения.

ПОСЛАНИЕ 15

К НУМОНИЮ ВАЛЕ: расспросы, где лучше провести зиму у моря (ср. послание 1, 7, 10—12).

Ст. 3. *Антоний Муза* — современный врач, введший в моду лечение холодными купаньями; мода эта, конечно, была невыгодна для *Байского* курорта с его горячими источниками (ст. 5—7); дорога Горация в *Велию* и *Салерн* лежала налево от них (ст. 11—12).

Ст. 26, 36. Мот *Мений* и судья *Бестий* — персонажи сатир Луцилия.

ПОСЛАНИЕ 16

К КВИНТИЮ. О мнимом и истинном благе.

Ст. 27—29 — цитата из панегирика Августу, написанного Варием, другом Горация.

Ст. 60. *Лаверна* — богиня, покровительница воров.

Ст. 73—77 — парафраза реплик из трагедии Еврипида «Вакханки».

ПОСЛАНИЕ 17

К СЦЕВЕ. Об обращении со знатными покровителями.

Ст. 8. *Ферентин* — городок в Лации.

Ст. 13—15 передают диалог между философами IV века — гедонистом *Аристиппом* (ему и сочувствует поэт) и *киником* Диогеном.

Ст. 26. *Двойной плащ* — одежда киников.

Ст. 36. *Достигнуть Коринфа* — греческая пословица.

ПОСЛАНИЕ 18

К ЛОЛЛИЮ, адресату послания 1, 2. Об обращении со знатными покровителями.

Ст. 19. *Кастор* и *Долих* — актеры или гладиаторы.

Ст. 31. *Евтрапел* — ростовщик в Риме времен молодости Горация.

Ст. 45. *Этолийские сети.* — Сети названы этолийскими в память о калидонской охоте Мелеагра.

Ст. 56. *Тот был вождем...* — Имеется в виду Август.

Ст. 82. *Феон* — известный клеветник.

Ст. 104. *Дигенция* — ручей, протекавший через поместье Горация и деревню *Манделу* (ст. 105).

ПОСЛАНИЕ 19

К МЕЦЕНАТУ. О поэтах-подражателях.

Ст. 8—9 — цитата из несохранившегося стихотворения.

Ст. 15. *Тимаген* — греческий ритор, живший в Риме; *Иарбит* ближе не известен.

Ст. 25. *Ликамб* — по преданию, обманул Архилоха (уроженца *Пароса,* ст. 23), обещав выдать за него дочь, а тот отомстил язвительными стихами, доведя обоих до самоубийства.

Ст. 43. *Юпитер.* — Имеется в виду Август.

ПОСЛАНИЕ 20

К СВОЕЙ КНИГЕ.

Ст. 13. *Утика* и *Илерда* — города в Африке и Испании, наиболее романизованных римских провинциях.

Ст. 28. *В год, когда Лоллий себе в товарищи Лепида выбрал.* — Консульство Лоллия и Лепида — 21 год до н. э.

КНИГА ВТОРАЯ

ПОСЛАНИЕ 1

К АВГУСТУ. О старой и новой поэзии. Написано по настоянию самого Августа, обиженного тем, что в первой книге не было ни одного обращения к нему.

Ст. 24. *Десять мужей* — децемвиры, авторы законов XII таблиц (V в. до н. э.).

Ст. 27. *Альбанская гора* в Лации противополагается здесь Парнасу и Геликону.

Ст. 50—59. Перечисляются виднейшие римские поэты III—II веков до н. э.: эпики Энний и Невий (которого Энний тщетно надеялся затмить), трагики Пакувий и Акций, авторы комедий из римской жизни Афраний и Атта (ст. 79), авторы комедий из греческой жизни Плавт, Цецилий, Теренций и их греческие образцы — комики Эпихарм (V в. до н. э.) и Менандр (IV в. до н. э.).

Ст. 62. Ливий *Андроник* — первый римский поэт (середина III в. до н. э.)

Ст. 82. *Эзоп* — трагический, а *Росций* — комический актер первой половины I века до н. э.

Ст. 86. *Песнь Салиев* — религиозный гимн, написанный на устарелом до непонятности языке.

Ст. 93. *Кончивши войны...* — Имеется в виду расцвет греческой культуры V века до н. э. после греко-персидских войн.

Ст. 111. *Стихов никаких не пишу я.* — Имеется в виду отречение Горация от поэзии в посланиях I, 1 или II, 2.

Ст. 115. *Абротон* — чемерица, которой лечили душевнобольных.

Ст. 145. *Фесценнины* — обрядовая перебранка, одна из форм латинской народной поэзии.

Ст. 158. *Сатурнийский стих* — тяжеловесный стих, которым пользовались в Риме до усвоения греческих размеров.

Ст. 173. *Доссен* — маска злодея в примитивной италийской комедии («ателлане»).

Ст. 181. *...награды лишен...* — Получать плату за литературную работу (как делали драматурги) считалось унизительным.

Ст. 195. *...помесь пантеры с верблюдом...* — так в Риме называли жирафа.

Ст. 232. *Херил* — греческий поэт, бездарность которого стала нарицательной.

Ст. 244. *...он из... Беотии родом.* — Жители Беотии считались тупицами.

Ст. 265. *Вылит из воска...* — Бюсты поэтов из воска украшали книжные лавки в Риме.

К ФЛОРУ, адресату послания I, 3. Об отказе от поэзии.

Ст. 26. *Лукулл* воевал в Малой Азии в 70—60-х годах до н. э.

Ст. 42 — пересказ начала «Илиады», первого школьного чтения.

Ст. 45. *...среди рощ Академа...* — В роще Академа собирались философы платоновской школы («академики»).

Ст. 60. *Бион* — философ-киник III века до н. э., автор едких проповедей-диатриб.

Ст. 89. Гай *Гракх* и *Муций* Сцевола — крупнейший оратор и крупнейший юрист II века до н. э.

Ст. 94. *Храм... поэтов* — храм Аполлона Палатинского (см. прим. к посланию I, 3).

Ст. 100. *Каллимах* — александрийский ученый-поэт III века до н. э.; на прозвище «римского Каллимаха» притязал современник Горация, элегик Проперций.

Ст. 114. *...в капище Весты.* — В древнем культе Весты сохранялась архаическая жреческая терминология.

Ст. 180. *Тирренские куклы* — этрусские металлические статуэтки, ценившиеся коллекционерами.

Ст. 197. *Пятидневка Минервы* — весенний школьный праздник.

НАУКА ПОЭЗИИ

Послание обращено к Луцию Кальпурнию Пизону, другу Тиберия, и его двум сыновьям. Название «Наука поэзии» принадлежит позднейшим грамматикам. Это — самое большое и сложно построенное произведение Горация. Лишь с некоторой условностью можно выделить в нем три части: «о поэзии» (ст. 1—152), «о драме» (ст. 153—294), «о поэте» (ст. 295—476).

Ст. 20—21. Намек на анекдот о живописце, умевшем писать только кипарисы — деревья, посвященные мертвым; когда кто-то, спасшись от кораблекрушения, попросил его изобразить это спасение на картине, художник спросил, не написать ли тут же и кипарис.

Ст. 32. *Эмильева школа* — гладиаторская школа в Риме.

Ст. 50. *Цетег* — консул 204 года до н. э.; Цицерон считал его первым римским оратором.

Ст. 63—68. Перечисляются мелиоративные мероприятия, осуществленные Августом в Италии.

Ст. 73. *Дал нам Гомер образец...* — Размер Гомера — гексаметр.

Ст. 75. *В строчках неравной длины...* — в *элегических двустишиях* (ст. 77), сочетающих длинный гексаметр с более коротким пентаметром.

Ст. 80. *Котурн* — высокая обувь трагических актеров, *сокк* — плоская обувь комических.

Ст. 93. *Хремет* — персонаж комедий, так же как далее — *Пифия* и *Симон* (ст. 237—238).

Ст. 96. *Телеф* и *Пелей* — трогательные образы царей в несчастье.

Ст. 136. *Киклический автор.* — Киклическими назывались поэмы продолжателей Гомера, старавшихся охватить как можно более широкий круг («кикл») мифологических событий.

Ст. 141—142 — сокращенный перевод первых стихов «Одиссеи».

Ст. 155. *«Хлопайте!»* — возглас, которым обычно кончались латинские комедии.

Ст. 179. *В рассказе* «вестников» излагались обычно убийства, чудеса и прочие «несценические» эпизоды.

Ст. 191. *Бог... для развязки...* — известный прием «deus ex machina».

Ст. 192. *И в разговоре троим обойтись без четвертого можно.* — Правило о трех собеседниках объясняется тем, что в аттической трагедии могли играть только три актера.

Ст. 202. *Флейта* — точнее, дудка — сопровождала песни хора.

Ст. 205 сл. Здесь описывается (с большими неточностями) развитие драматических представлений в Греции в VI—V веках до н. э.

Ст. 220. *...за козла состязаясь...* — народная этимология слова «трагедия» (буквально: «козлиная песнь»).

Ст. 221. *Сатиры* составляли хор в так называемой *сатировской драме,* появившейся в V веке; Гораций предлагает ввести этот жанр и в латинскую драму, заменив сатиров *фавнами* (ст. 244).

Ст. 253. Ямбический *триметр* состоял из шести ямбических стоп, расчлененных на три «двустопия» — отсюда название.

Ст. 256. *Спондей* — стопа из двух долгих слогов; ее употребление в ямбе определялось особыми правилами (ст. 258), которых *Энний, Акций* и *Плавт* не соблюдали.

Ст. 288. *Претексты* и *тогаты* — трагедии и комедии из римской жизни.

Ст. 292. *Вы, о Помпилия кровь...* — Царь Нума Помпилий считался предком рода Пизонов.

Ст. 332. *Кедровым маслом* натирались и в *кипарисных ларцах* хранились дорогие книги.

Ст. 340. *Ламия* — чудовище-людоед в италийских народных комедиях («ателланах»).

Ст. 375. *Сардинский мед* отличался горьким привкусом.

Ст. 387. *Меций.* — О Меции Тарпе см. прим. к сатире 1, 10.

Ст. 438. *Квинтилий* Вар — критик, на смерть которого написана ода I, 24.

Ст. 472. *Молнии ль место попрал...* — Место удара молнии считалось священным.

М. Гаспаров

СОДЕРЖАНИЕ

Звездочкой (*) помечены произведения, для которых в отделе «Приложение» помещены и другие переводы.

КНИГА ВТОРАЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГИМН

ЭПОДЫ

САТИРЫ

Перевод М. Дмитриева

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ПОСЛАНИЯ

Перевод Н. Гинцбурга

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГА ВТОРАЯ

НАУКА ПОЭЗИИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОММЕНТАРИИ

М. Гаспарова

Гораций

**ОДЫ. ЭПОДЫ. САТИРЫ.
ПОСЛАНИЯ**

Редактор С. ОШЕРОВ

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
Л. Платонова

Корректор Г. Сурис

Сдано в набор 4/IV 1968 г.
Подписано к печати 1/XI 1968 г.
Бумага типогр. № 2. Формат
60×84¹/₁₆ 30 печ. л. 27,99 усл.
печ. л. 17,87 уч.-изд. л.
Тираж 40 000 экз. Заказ № 2670
Цена 72 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного
Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

ГОРАЦИЙ

СОЧИНЕНИЯ

HORATIVS

OPERA

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК